

МАЛАЯ СЕРИЯ

Г. Н. Яковлев

НИКИТА ИЗОТОВ

Жизнь замечательных людей







МАЛАЯ СЕРИЯ

Жизнь замечательных людей

2

Г. Н. Яковлев

НИКИТА ИЗОТОВ



Москва
„Молодая гвардия"
1989

ББК 63.3(2)71
Я 47

Я $\frac{4702010201-284}{078(02)-89}$ КБ--015—029—89

ISBN 5-235-01086-8

Глава первая

НИКИТА И НИКИФОР

Еще в марте солнце слизнуло остатки ноздреватого грязного снега на улицах Горловки, подсушило тропки-дорожки в поселках, заиграло бликами на ходко бегущих колесах-шкивах над высокими копрами * шахт. Вертятся колеса, стальные крученые канаты опускают в клети на шахтный двор, что у конца ствола, людей, лес в вагонетках вытолкнули прямо на рельсы, и пошли крепежные стойки со смолистым сосновым духом к забоям. На-гора клеть поднимает сверкающий на изломах горючий камень, проворные женские руки выбирают из угля породу, и идут составы с донецким «черным солнцем» во все концы страны. А апрель дохнул теплом, и словно волшебник провел невидимой кистью по ветвям деревьев, одел белым цветом яблони, раскрыл зеленые листочки, выбросил набухшие кисти сирени.

Огнистая и жаркая,
По-своему горда,
Горит над «Кочегаркою»,
Над шахтою, звезда.

Вот в такой погожий день, 18 апреля 1934 года, поднимались в широкой металлической клети забойщики с шутками, смехом, вроде в шахту ехали, а не

* Словарь горных терминов и понятий помещен в конце книги.

после смены, намахавшись шесть часов обушком да топором. Все ладные, крепкие, а Никифор Изотов на голову всех выше. А смеялись потому, что у ствола, когда ожидали клеть, старейший горняк Гаврила Семенович Денисенко похлопал Изотова по крутому плечу, сказал удивленно: «Слышь, Лексеич, ты прямо как врубмашина пласт крошишь». Без насмешки сказал, уважительно так, а шахтерне только палец протяни. «В точку попал, Гаврила Семенович... Врубовка и есть... Сам в газете признался...» — посыпались шутки.

Уже год, как Никифор Алексеевич Изотов работал забойщиком-инструктором на участке «Мазурка-12», давно уж освоил в совершенстве отбойный молоток, а сегодня так, для разминки, как сам объяснял, спустился к соседям, что гнали уступы еще обушками.

— Подмогнул слегка, — спокойно отвечал он Денисенко, — новичков двое там в лаве, теряются еще, вот и подмогнул.

— Дак и я про то, — не отступал Денисенко. — На троих пять норм получилось. Седни ребятишек энтих на красную доску занести следует.

— Доброе дело, это их поддержит, — соглашался Изотов. — Глядишь, скоро и без помочи по два конька ставить будут.

— А «Мазурка» не покатится? — допытывался со смешком Денисенко. — Без начальства-то...

— Ты брось, Гаврила Семенович, — отбивался Изотов. — Начальство в кабинетах, а я инструктор. Да и Сашко там за меня. Ух и ловок, будто в шахте родился...

На выходе из клети горняки даже рты от изумления пооткрывали. Ребятня в белых рубашонках и красных галстуках с цветами в руках, за ними сгрудилось все шахтное руководство — заведующий Юхман, парторг Стрижаченко, бригадиры. Выступил вперед парторг, на вид человек городской — мягкие волосы назад за-

чесаны, в костюме и при галстуке, лицо узкое в улыбке, густые русые брови кверху поднялись:

— Заждались, Никита Алексеевич, — сказал он. — Большая радость на шахте.

— Это как же понимать, — встревожился Изотов, даже обушок опустил на пол. Стоял высоченный, каланча прямо, в кепке и брезентовой куртке, топор за широким поясом — стойки для крепи подгонять.

Вместо ответа Владимир Игнатьевич, не гася улыбку, показал на кумачовый плакат с белыми буквами: «Поздравляем краснознаменца Никиту Изотова с заслуженной наградой. Шахтеры, равняйтесь на ударника-орденоносца Изотова!»

— Мать честная, — выдохнул Изотов, повторил в растерянности: — Это как понимать надо?

— Так и понимать, — посерьезнел Стрижаченко. — Тихо, товарищи, слушайте. — Развернул газету «Правда», громко, чтоб слышали, прочел: «За лучшие образцы ударной работы по добыче угля, инициативу в организации нового, эффективного метода вырубки его и за хорошую подготовку квалифицированных кадров забойщиков Президиум ВЦИК СССР наградил забойщика-инструктора шахты № 1 Горловка Изотова Н. А. орденом Трудового Красного Замени».

— Почему Никиту-то? — растерянно спросил Изотов.

Стрижаченко развел руками, протянул газету, предложил самому взглянуть. На третьей странице Изотов увидел свое фото — чубатый, с улыбкой, в косоворотке и пиджаке, а выше — заголовок «Никита Изотов награжден орденом Трудового Красного Знамени».

— Выходит, без меня меня крестили, — только и нашелся что сказать.

Но эти слова уже никто не слышал в гомоне голосов, его обнимали крепкие руки товарищей, тискали широкую ладонь, наперебой поздравляли, а он, прижимая к груди цветы, смущенно улыбался, едва успевая

поворачиваться к поздравляющим и не зная, что отвечать на добрые пожелания. Вечером, на торжественном собрании в честь этого события, Стрижаченко, еще раз поздравив коллектив участка «Мазурка-12», успешно вышедшего из долгого прорыва под руководством Изотова, объявил, что Никита Алексеевич с группой ударников приглашен в Москву на Первомайские праздники.

В этот же день, по счастливой случайности, в Донбасс прибыл нарком тяжелой промышленности Орджоникидзе, которого все называли «товарищ Серго». Он попросил собрать на завтра директоров угольных трестов и ударников в Сталине (так назывался тогда город Донецк), а сам сразу же уехал на Макеевский металлургический завод. Изотов сидел в президиуме совещания рядом с секретарем Горловского райкома партии Фурером, темно-курчавым смуглым человеком, которого в шутку называли «магнето» за неуемную энергию, пылкость в выступлениях. Разговор нарком тяжелой промышленности вел серьезный: о перспективах работы шахт Донбасса. К угольщикам накопилось немало претензий. В забои дали много новой техники, а с организацией труда на некоторых шахтах худо, производительность труда не растет, техническое руководство низкое. Когда выступал Фурер, то Орджоникидзе с места спросил:

— Два года назад Изотов в «Правде» справедливо выстегал лодырей, прогульщиков. Срок достаточный, чтобы на всех шахтах порядок навести, а вы опять о недостатках, встречные просьбы выдвигаете.

— Без самокритики мы вперед не продвинемся, товарищ Серго, — смело возразил Фурер. — Хвастаться легче, с три короба успехов могу поднести. А о Горловке скажу с гордостью: жители открывают заново для себя город. Первого мая сносим последние землянки в Пекине — так прозвали этот поселок. Убогие конуры из старых ящиков и досок.

— Почему Пекин? — поинтересовался нарком.

— Так это солдаты после русско-японской войны его так нарекли, когда вернулись. Насмотрелись, как живут китайские кули... Мы безжалостно сносим землянки, свинарники в городе, разбиваем скверы, бульвары, газоны. Год назад уже первый трамвай пустили. В этом году закончим четыре школы-десятилетки, две больницы, торговый пассаж, летний театр на три тысячи зрителей в парке...

— Хвастаешься, товарищ Фурер, — не выдержал Орджоникидзе. — Справитесь?..

— Сами меня вынудили, товарищ Серго, — под дружный смех и аплодисменты в зале ответил секретарь райкома. — Еще заканчиваем два завода — молочный и безалкогольных напитков...

— Все, положил на обе лопатки, — поднял руки Орджоникидзе. — Молодцы, горловчане!..

После совещания нарком попросил остаться нескольких человек, в том числе и Изотова, о котором слышал давно, знал, что именно он, рядовой горняк, подал идею коллективу горловской шахты № 1 выступить инициатором союзного соревнования угольных предприятий страны.

— Вот ты какой, Никита Изотов, — пожимая ему широкую ладонь, тепло сказал Орджоникидзе. — Правофланговый, иначе не назовешь.

— Вообще-то я Никифор, товарищ Серго...

— Почему Никифор? — удивился нарком.

— Родители так нарекли, — заулыбался Изотов. — А по газете вышло Никита. Два года назад мое поздравление Горькому в газете пропечатали. «Мастеру литературы от мастеров забоя» — процитировал он, — и подписали «Забойщик Никита Изотов», чтоб им мышь за пазуху...

— Славное имя Никита, — отозвался Орджоникидзе. — Помнишь, как сказочного богатыря звали? Добрыня Никитич!..

— Да я и сам уже привык, — согласился Изотов. —

Письма да телеграммы в Горловку шлют — Никите Изотову. Жена даже рада, она меня Никишей зовет. «Вот, — говорит, — по-моему и вышло».

А 20 апреля 1934 года во изменение ранее принятого был опубликован Указ Президиума ВЦИК СССР о награждении забойщика шахты № 1 (Горловка) Н. А. Изотова орденом Ленина вместо ордена Трудового Красного Знамени.

— Видишь, как получается, — довольно сказал Стрижаченко, протягивая газету Изотову. — И здесь в тексте Никита... Так что отступать некуда.

На перроне — флаги, шум, толчея, играет духовой оркестр. Немалая группа ударников Донбасса отправляется в Москву. В купе, где оказался Изотов, набилось человек двенадцать, разговор шел о том, чем сегодня живет страна, — о советских тракторах и автомобилях, о нехватке топлива, о новом быте в поселках шахт и заводов и, конечно же, о полярниках — челюскинцах и героях летчиках.

Много дней вся страна переживала челюскинскую эпопею. После короткой телеграммы: «Челюскин» затонул, раздавленный дрейфующими льдами Полярного моря. Экипаж высадился на лед. Отто Шмидт», была создана правительственная комиссия, которую возглавил В. В. Куйбышев. И вот спасательные работы закончены, участники экспедиции, моряки и ученые, полярные летчики и все, кто имел отношение к спасению людей, награждены. Семеро летчиков, семеро отважных смельчаков стали первыми Героями Советского Союза. Герберт Уэллс передал телеграмму в Москву: «Спасение челюскинцев — это триумф для Советского Союза, достигнутый во имя цивилизации... Человечество в будущем нельзя себе представить иначе, как единое общественное целое, охватывающее весь земной шар. И тогда оно будет очень похоже на Советский Союз».

Горняки, обсуждая текущие дела в накуренном купе поезда, с гордостью называли имена героев и искренне

бы удивились, сравни их кто-либо с этими легендарными людьми. Они просто не задумывались над тем, что их трудовые дела страна оценивала не ниже ратных подвигов, ставила рядом с героизмом летчиков и полярников. И меньше других задумывался о своей популярности Никита Алексеевич, русоволосый крупный человек с открытым лицом и доброй улыбкой, которому недавно сравнялось тридцать два года.

Посланцев Донбасса встречали на Курском вокзале ударники столичных предприятий и после короткого митинга рассадили по легковым машинам. Они поехали по зеленой Большой Садовой улице, жадно глядя в окна.

— А вот и улица Горького, бывшая Тверская, — объявил сопровождающий.

— Когда так назвали? — поинтересовался Изотов.

— Два года назад, литературный юбилей Алексея Максимовича тогда отмечали, — охотно ответил веселый человек в светлой гимнастерке.

— Во-от оно как, — довольно протянул Изотов. — Я тогда Горькому тоже поздравление посылал, в «Правде» его напечатали...

В Москве Никита Алексеевич впервые в жизни ощутил тяжкое для него бремя славы. В гостинице с ним подчеркнуто почтительно разговаривали дежурные администраторы и, вручая ключ от просторного номера, задушевно интересовались самочувствием, о чем можно было и не спрашивать. Откровенно таращили на него глаза девчонки-горничные, почтительно приветствовали важные швейцары в куртках с золотыми галунами, вежливо именовали «товарищем Изотовым» официанты в ресторане, где ударники питались по талонам.

Праздничная, ликующая столица с величавым Кремлем, размахом улиц, свежей зеленью бульваров захватила гостей, закружила в водовороте встреч. Никита Изотов, на голову выше всех, распирая плечами новенький пиджак, почему-то оказывался всегда впереди. Его единогласно и избрали старостой группы.

— Никита, по шахте соскучился? — допытывался узколицый веселый забойщик Артюхов.

— Соскучился, Федя, да терплю, — доверчиво признавался Изотов.— В шахту вернусь, а вот в Москву-то белокаменную когда еще попадешь.

— Слышь, а как тебя маменька в детстве кликала? — не унимался земляк.

— Ну, Никишкой, — не чувствуя подвоха, отвечал спокойно Изотов.

— Никишенька, стань на коленочки, я тебе носик вытру, — дурашливо кричал тонким голосом Артюхов. — А то до твово носика так не дотянусь.

Все вокруг смеялись, а Никита бросал незлобно: «Чтоб тебе мышь за пазуху». И все веселились еще больше от этой смешной присказки, которую часто употреблял прославленный горняк, не любивший, когда при нем ругались. Не переносил матерок даже в нарядной шахты или по дороге к забою, где у шахтеров порой срывались крепкие словечки.

Когда они все стояли у царь-пушки, рыжеершистый, бойкий мальчонка лет двенадцати уперся глазенками в солидного дядю, дернул отца за рукав:

— Пап, это Поддубный?

Отец досадливо потянул упирающегося сынишку за руку, говоря тихо:

— Все тебе борцы мерещатся, обыкновенный рабочий человек, по кепке видно.

Услыхал этот разговор Изотов и обрадованно усмехнулся: выходит, оглядывались-то многие на него во время прогулок по Москве, вовсе не зная, кто он и откуда. И от этой мысли стало на душе легко, покойно. Конечно же, он всегда выделялся в толпе. В Горловке Надя, жена, заходя с ним в кинотеатр, всегда говорила, что угораздило ее выйти замуж за такого дылду, опять надо в последний ряд садиться, чтобы его голова никому экран не заслоняла. К таким выговорам Изотов относился терпеливо, со спокойной уверенностью физически

сильного человека. Как там они, девчушки его — Зина и Тамара? Скучал, конечно, по дому, шахте...

Мелькали дни, летело время, словно пришпоренное лихим ездоком: встречи на предприятиях, экскурсии, концерты и спектакли... Москва открыла все свои двери именитым рабочим гостям. Незаметно накатил шумный, веселый зелено-кумачовый Первомай.

1 Мая принаряженные ударники из многих промышленных и аграрных центров страны заняли места на трибунах рядом с Мавзолеем. Военный парад принимал нарком обороны Клим Ворошилов на беломордом скакуне. Затем, поднявшись на правительственную трибуну, нарком сказал: «Наша страна, как раньше, так и сейчас, представляет собой незыблемую скалу мира во всем мире. Мы были, есть и будем самыми последовательными поборниками мира...»

Начался парад войск Московского гарнизона. Чеканя шаг, проходят колонны «царицы полей» — пехоты, по шесть в ряд с рокотом пересекают Красную площадь танки. Торжественные и четкие ритмы сводного военного оркестра расправляют плечи людей на трибунах и площади, заставляют сильнее биться сердца от гордости за свою Родину. Всего семнадцатая весна за плечами страны, а сколько сделано! Но вот взвились над Красной площадью стаи почтовых голубей, полетели к небу сотни белых воздушных шаров. От здания Исторического музея надвигаются красочные колонны демонстрантов, плывут мимо трибун флаги, портреты челюскинцев и полярных летчиков.

А на другой день по всей Москве проходит шумный, затейливый карнавал. Сто клубов и десятки декорированных грузовых автомобилей стали островками массового гулянья. На площадях Свердлова, Советской, Пушкина демонстрируются озвученные кинокартины. На других площадях столицы идут новейшие киножурналы. Все театры открыли двери — ударникам вход бесплатный.

В гостинице разговоры продолжались далеко за полночь. Столько интересного вокруг происходит, сколько знакомств с замечательными людьми. В Ленинграде открылся первый в мире Институт охраны матери и ребенка. Чудесно! Из Владивостока выходит на промысел китобойная флотилия. Задание — добыть в Охотском море 210 китов. Ого, даешь китов! Пионерка Оля Балыкина из села Отрады, что в Татарии, разоблачила расхитителей колхозного урожая, а среди них — ее отец. Взрослые восхищаются мужеством девочки, московские комсомольцы дарят Оле пионерский костюм. Новости, новости!..

Дни в столице мелькали, как кадры кинофильма. Ударников приглашали на столичные заводы и стройки, показывали им новые дома-общежития, столовые, красные уголки, бытовки, фабрики-кухни. Любопытствовали и о житье-бытье гостей. Поздним вечером, когда Изотов с земляком-забойщиком сражались в шашки, зашел руководитель группы, сказал серьезно:

— К завтрашнему дню будьте по-ударному готовы. Важная встреча у нас. К пролетарскому писателю Горькому поедем на дачу. Алексей Максимович захотел побеседовать с вами. И обязательно, говорит, чтоб Изотов был.

Даже бойкий Артюхов не нашелся, что сказать. Шутка ли, беседовать со всемирно известным писателем. Он хоть и свой, пролетарский, но ведь Го-орький! 1 Мая они видели Горького на трибуне Мавзолея, рядом с Орджоникидзе и другими, как тогда говорили, «вождями». И как все аплодировали ему. А теперь вот в гости приглашены!

Горький встретил гостей на веранде дачи — высокий, с седеющими запорожскими усами; поверх рубашки, застегнутой доверху, наброшено на плечи легкое парусиновое пальто.

— Здравствуйте, здравствуйте, дорогие мои товарищи, — приговаривал он, пожимая руки входящим. —

Вы уж называйте себя, чтоб я никого не перепутал. Ну а ты, шахтерский богатырь, можешь не представляться, — тепло сказал Алексей Максимович Изотову. — Рассаживайтесь, сейчас чаек сообразим.

Когда все расселись в плетеных легких креслах, Алексей Максимович закурил, с удовольствием затянулся дымом, заговорил неторопливо:

— Многое приходится мне наблюдать, смотришь на все, что творится сейчас, на ту быстроту, с которой растут люди, что сделано за эти годы, — это фантастика, никогда ничего подобного за всю историю человечества не было. Да что говорить, вы сами знаете по себе... Прямо как сказка жизнь становится. Вы, наверное, читали о челюскинцах. Ведь что сделали! Вся Европа еще ахает, а у нас такие дела становятся обычными. Ну, расскажите лучше о себе. Кто начнет, Изотов?

— Нет уж, Алексей Максимович, женщинам почет и уважение. Пусть вот наша красавица, — Изотов показал на Анну Кипенко, бригадира мелитопольской сельхозартели, на лацкане жакета которой отсвечивал новенький орден Ленина, — первой начнет, а я после поддержу...

— Эх, приданое какое нынче у девчат, — не удержался Артюхов, показывая на орден. — Верно, Алексей Максимович?

— Верно, что тут говорить, — усмехнулся Горький.

Анна тряхнула каштановой, коротко остриженной по моде головой, закраснелась.

— Бригадиром-то я недавно. Раньше батрачила у куркулей наших. Такие злыдни, хоть вроде бы и в советское время живут. Спину гнешь, а получаешь грош, — неожиданно в рифму сказала она. — Сейчас красота у нас в селе. Ясли и детсад открыли, клуб построили.

— А баню? — ввернул неугомонный Артюхов.

— И баню с женским отделением, даже ударников, вроде тебя, туда не пускают, — нашлась Кипенко.

— Ну, молодец! — искренне восхитился Федор, но все же получил тычок от Изотова, чтобы не забывался, где находится.

Самая молодая среди гостей, девятнадцатилетняя Ирина Никульщина, бригадир из Приазовья, густо залившись краской, попросила:

— Алексей Максимович, написать бы про таких женщин.

— Надо вам собраться, — ответил Горький, — чтобы записать вашу работу. — Он задумчиво огладил висячие усы, добавил: — Недавно тут уральцы-старики сто биографий своих записали. Замечательная живая история.

— Мне довелось даже в Париже побывать, — отозвался Тимофеев, мастер столичного автозавода. — С делегацией был на антивоенном конгрессе.

— Ну и как с французами объяснялся? — спросил Горький, пряча улыбку.

— Рабочий человек всегда с товарищем общий язык найдет. Рот фронт, говорю, Ленин, Советский Союз, мир. Ну все понимают, — под общий смех закончил Тимофеев.

О себе Изотов, смущаясь, рассказал скупо. Родился в селе Малая Драгунка, что на Орловщине. Отец вернулся после службы в царской армии без глаза, помнит его всегда хмурым, сердитым. В семье знали — под горячую руку отец может и отлупить. Да что говорить, деревня бедная, а семья Изотовых сколько ни надрывалась над куском арендованной земли, а из кабалы не вылезала. Безлошадный крестьянин — тот же батрак, если не хуже. Правда, когда мальчику семь лет исполнилось, отец отвел его в церковноприходскую школу, по дороге внушал: «Смотри у меня, Никифор. Озорства в тебе много, а ученье прилежности требует. Будешь баловать, возьму вожжи...»

— Подожди, почему Никифор? — перебил писатель.

Изотов смущенно пожал плечами, сказал, что вот

так получилось, вроде как «без меня меня перекрестили». Два года назад дело было. Московский корреспондент у него в шахте побывал, обушком даже в забое потюкал, дома посидел, чаю попили, обстоятельно все так расспросил. Ну а жена его дома всегда Никишей звала. Так корреспондент и записал в блокнот. А потом в заметке поставили подпись «Никита Изотов». Пошла ему почта со всей страны — Никита да Никита.

— Да я уж привык, — заулыбался Изотов. — Обругал, правда, корреспондента при встрече. Чтоб, говорю, тебе мышь за пазуху. Помирились.

Смеялись ударники, развеселился и Горький, хлопал себя по коленям, переспрашивал:

— Выходит, корреспондент в роли батюшки выступил, перекрестил тебя в Никиту?

— Выходит.

— Не навернул ты своего «крестного»? — Горький, тая в густых усах улыбку, показал кулак, но неожиданно закашлялся, лицо у него покраснело от напряжения.

Все знали, что Алексей Максимович болен, и потому притихли.

— Дак не виноват корреспондент, он парень хороший, — продолжал Изотов, деликатно не глядя на писателя. — Он ведь статью отослал, везде — «Н. Изотов». В редакции вдруг решили мое письмо напечатать и полным именем подписать. Позвонили из Москвы в Горловку, а наш заведующий шахтой отвечает: «Да я всех шахтеров уважительно по фамилии называю. Товарищ такой-то».

— Выкрутился!..

— Да нет, Алексей Максимович, заведующий тоже мужик хороший.

— А плохие люди есть на вашей шахте? — уже серьезно спросил Горький.

— Не знаю, не встречал... Алексей Максимович, извините, гляжу, курите вы много, вредно же... — Он запнулся, смотрел сочувственно.

— Сам не балуешься? — вместо ответа спросил Горький.

— Сызмальства не дымил.

— А как насчет этого? — Горький показал на стакан.

— Не-е, можно сказать, не употребляю. Пиво вот люблю, — заулыбался Изотов.

Улыбнулся и Горький, грустновато так сказал:

— Что ж, ничего не сделаешь, привычка. В мои годы трудно с ними расставаться... Послушай, Никита Алексеевич, знаешь, о чем сейчас подумал. И откуда в тебе столько душевной щедрости? Вижу, и слава тебя не испортила...

Что мог ответить писателю донецкий шахтер, для которого добрые отношения с людьми были столь же естественны, как сама работа, как вся его жизнь? Но все же нет-нет да вспомнится давний случай, да не случай даже, а то время, когда пришлось ему поработать в батраках у двоюродного дяди. Ныла, ныла зарубка, оставленная когда-то в душе черной неблагодарностью родственника.

Когда отец Изотова с отчаянием уехал в поисках хоть какого заработка в город Геленджик, мать отвела девятилетнего Никишку к своему брату. Тот жил зажиточно, семь лошадей имел, промышлял извозом. Поставил племянника помогать конюху. Мальчик любил лошадей, охотно кормил их, таскал ведрами чистую воду им из колодца, гладил по потным холкам. Распрягать и запрягать трудновато было, но все же и с этим справлялся — хоть и с натугой, но справлялся. Извозчики, все из близких родственников хозяина, помогали Никишке, жалели его. Самой большой радостью в ту пору было для него стеречь лошадей в ночном. Со старшими парнями разжигали костер, придумывали всякие истории. Спал Никишка в конюшне, на попоне, в холод укрывался попоной же, от которой шел резкий запах конского пота, ел что придется. Часто думал об

отце: что с ним, где он? Дядя сыто усмехался, глядя на племянника, говорил: «Бросил вас, не вернется. Старайся, а уж награжу по-царски». Так два года прошло. Как-то на конюшню прибежала мать, от волнения сразу и выговорить не могла: «Там тятька твой, там, — она показывала куда-то рукой. — Письмо прислал, к себе зовет», — и слезы текли по ее высохшему лицу.

Пришел Никишка прощаться к дяде, попросил расчет.

— Эт-то кто же тебя научил? — озлился родственник. — Тоже мне — ра-асчет, — передразнил он. — А жрал сколько? Посчитай-ка. Портки тебе справил, рубаху на пасху подарил? Весь в отца, такой же неблагодарный... Ладно, я зла не помню. На-кось вот, — протянул полтинник.

Никиша растерянно крутил в пальцах серебряную монету, хотел было возразить, что портки и рубаху дядя ему подарил, потому что надевать нечего было, сам обещался платить. Но промолчал, растерянно заулыбался, ушел домой.

— Ох уж эти мироеды, идолы окаянные, сколько судеб загубили, — не выдержал Горький и попросил Изотова поделиться своими мыслями о положении на шахтах Горловки, о возможностях рабочих-шахтеров поднять производительность труда, о своих секретах.

— Никаких «секретов» нет, — отозвался Изотов, — каждый забойщик может добиться успехов. Я стараюсь уплотнить свой рабочий день, не растрачивать время, дорогое и для меня, и для государства. Если на нашей шахте, да и на всех шахтах каждый забойщик полностью использует свое рабочее время... Сколько страна получит дополнительно уголька!..

Он присел к столу, попросил лист бумаги, стал показывать, как располагаются в лаве уступы, где он начинает зарубку, где ставить крепь, проставляя время, затраченное на ту или иную операцию. Разгорячился,

доверительно трогал Горького за плечо, спрашивал, понятно ли объясняет.

— Ты, Никита, видно, хочешь из Алексея Максимовича «изотовца» сделать, — не выдержал Артюхов.

Изотов отмахнулся от него, продолжал горячо говорить о новой технике, что пришла на вахту, — отбойных молотках, электровозах, врубовках, показывая их мощь, широко раскидывал руки. Построили новые бытовки, во-о какую рабочую столовую, трехэтажные дома для горняков.

— Алексей Максимович, — вновь не выдержал Артюхов. — Изотов книгу написал.

— Ну зачем ты, в самом деле, — осерчал Никита Алексеевич. — Лезешь с чепухой...

— Постой, постой, — заинтересовался Горький. — Какую книгу? Расскажи, Никита, не стесняйся.

— Да не то что написал, рассказывал больше, а Гриша Стеценко, писатель наш, в общем, забойщик, записывал, — начал Изотов.

— Так писатель или забойщик?

— Да он забойщик, а книгу написал, «Изотовцы» называется. Ну и в стенгазету пишет.

— Так, а о чем твоя книга? — продолжал расспрашивать Горький, и видно было, что его этот факт заинтересовал.

— В общем, о своей жизни, как шахтером стал, как в ударники вышел, ну там еще о друзьях-товарищах, кому сам помог, кто мне помогал, — говорил Изотов.

— Это здорово, — воскликнул писатель. — Молодцы, вот такие факты я имел в виду, когда говорил, что талантливость у нас прет...

В отчете об этой встрече в «Правде» за 9 мая 1934 года приводились слова А. М. Горького: «Талантливость у нас прет во всех областях! Мы беремся за огромные задачи и успешно их разрешаем... Я прожил большую жизнь, и когда на личном опыте вспоминаю, как жили до революции, знаю, что немало хороших

людей погибало. И вот теперь поражаешься, до какой степени быстро идет процесс освобождения трудового народа от векового тяжелого гнета и как растут талантливейшие люди». А сам Алексей Максимович позже так вспоминал встречу с ударниками: «Богатырь Никита Изотов рассказывал мне о своей работе под землей. Рассказывает он с полной уверенностью, что я, литератор, должен знать, как залегают пласты угля, как действуют под землей газ и почвенная вода, как работает врубовая машина, и вообще я обязан знать все тайны его, Изотова, техники и всю опасность его работы на пользу Родины. Он имеет законное право требовать от меня знания его труда, ибо он возвысил труд свой до высоты искусства».

Когда ударники в тот памятный для них день, 7 мая, прощались с писателем, Алексей Максимович задержал в пожатии широкую ладонь Изотова, спросил:

— Все же, Никита Алексеевич, признавайся, что не вдруг, ни с того ни с сего решился на рекорд пойти, взять шефство над отстающими товарищами. Толчок какой-то непременно должен быть, сильный моральный стимул.

— Был, Алексей Максимович, был, — охотно отозвался Изотов, бережно держа руку писателя. — Рогожное знамя, что нам ударники шахты имени Ленина передали. Да еще с обидной надписью...

Через несколько дней, вернувшись в Горловку, Изотов подробно рассказывал на шахте, а затем в райкоме партии о встречах с рабочими столичных предприятий, поездке на подмосковную дачу Горького, вспоминал его советы, шутки.

— Так и сказал Алексею Максимовичу, зачем, мол, курите? — переспрашивали его, и Изотов морщил широкий лоб, подтверждал:

— Дык вредно же, кашляет все, а свое здоровье ему не отдашь. Беречь надо таких людей.

Делился, как дотошно при встрече с ударниками

расспрашивал председатель ЦИК М. И. Калинин о состоянии шахт, об охране труда в забоях, о том, налажено ли подземное горячее питание. Передавал привет всем горловчанам, вспоминал, как на нашей шахте был, спускался.

— Когда я ему ответил, что на шахте у нас забойщик за смену дает в среднем шесть тонн угля, Калинин прямо рубанул: «Передай, мол, своим, что невелика еще выработка». Так что, други, подумать надо обо всем, крепко подумать.

В один из этих дней, развернув «Правду», Изотов увидел дорогое ему имя в траурной рамке, дрогнувшим голосом вслух начал читать: «Дорогой Алексей Максимович! Вместе с Вами скорбим и переживаем горе, так неожиданно и дико свалившееся на нас всех. Верим, что Ваш несокрушимый горьковский дух и великая воля поборют это тяжелое испытание.

Выражаем свое глубокое соболезнование Надежде Алексеевне».

Под обращением стояли подписи Сталина и других тогдашних руководителей.

С трудом дочитал приписку: «11 мая умер от крупозного воспаления легких Максим Алексеевич Пешков, сын т. А. М. Горького, 36 лет от роду». Отложил газету, горестно спросил жену: «Надюша, как же так? Такой молодой... — Он живо представил Горького, его добродушную улыбку, горькие складки лица во время кашля. — Эх, жизнь наша!» Откуда было знать Изотову, что на его глазах и на глазах страны затевается еще одна крупная провокация, чреватая жестокими расправами над мнимыми убийцами Максима Пешкова.

Круговерть будней засасывала, вновь Никита Алексеевич оставался на вторую упряжку, опаздывал не только к обеду, но часто и к ужину. И Надежда Николаевна делилась с соседками: «Ругаю его, а все без толку. Знаешь, говорит, Надюша, выезжать уж собрался, гляжу, а в уступе паренек сидит, уморился, знать,

а угля нарубил — кот наплакал. Подмогнул ему слегка». Соседки сочувствовали: знаем, мол, твоего Никишу, больно горячий в работе, а как его охолонешь — ударник на весь Донбасс. Надежда Николаевна горделиво подхватывала: «Это верно, во всем бассейне его знают. В Москве сам Калинин руку ему пожимал, о семье даже расспрашивал». — «Да ну!..» — дружно ахали соседки. «Право слово, да он же соврать не сможет, даже если захочет. Сама удивляюсь, какой почет заработал. Сам-то крестьянского роду».

Глава вторая

ОТ КРОМЫ ДО ДОНЦА

Изгибистая, чистая речка Крома — один из мелких притоков Оки. На пригорке, сразу от чистого песчаного берега, начинается деревня Малая Драгунка. Глазастому путнику издали может показаться, что кто-то понарошку, пробуя богатырские силы, взял да сгреб неказистые избушки под шапками ржавой от непогоды соломы на этот пятачок земли. Крайняя изба с маленькими для тепла подслеповатыми окнами принадлежит Изотовым. В ней 9 февраля 1902 года появился на свет голосистый мальчонка, которого нарекли Никифором.

— Сие имя означает по-гречески победоносец, — сообщил важно сельский священник, записывая фамилию новорожденного в церковную книгу. — Аккурат родился в день святого Никифора.

«Еще совсем малым я ходил с отцом на Кром ловить волоком рыбу. И часто бывало так, что рыба, как нарочно, не ловилась. Отец ругался, невесело было и мне волочиться домой с пустым ведром», — писал о своей жизни в начале 30-х годов Изотов. Нужда вызывала в мальчике не уныние, не озлобление, а упрямство, стремление доказать, что он не хуже других, тех, у кого

во дворе и лошади, и коровы. Прослыл сорванцом, дерзким забиякой — никому спуску не давал.

В конце лета 1909 года заявился домой отец, еще больше осунувшийся и злой — на прокладке шоссейных дорог измучился вконец. «Хоть и мало надежд, Маруся, что выйдет он в люди, — отец кивнул на Никифора, — да попробовать надо». Так оказался младший Изотов в церковноприходской школе и с неожиданным для родных и сверстников упорством стал осваивать азы наук; его хвалили за прилежание, сообразительность. Две зимы продолжалось учение, а затем пришлось самодельную школьную сумку сменить на кнут подпаска. А все из-за дьячка, дьявола хромоногого, как обзывала его мать Никифора.

Порвалась обувка, не в чем на двор выйти, вот и просидел Никифор неделю дома. Тут отец заявился, мрачно сообщил, что его рассчитали. «Опять запил?» — догадалась Мария Павловна. «Учить меня вздумала?»— вздыбился отец, но, пересилив себя, молча разулся, прилег на лавку. Никифор подхватил его сапоги — и айда в школу. Учитель сурово спросил: «Где болтался?» Не дожидаясь ответа, цепко ухватил за вихры, драл, приговаривая: «Соврешь, все равно соврешь...» Вывернулся мальчик и плюнул в ненавистное лицо с пегой бородкой. И очутился в холодном погребе. «Тут охолонь трошки», — мстительно вымолвил «наставник».

Уже совсем поздно было, когда Никифора хватились дома. Мать с отцом в школу заявились, вызволили сына. «Знать, не судьба», — горестно махнул рукой отец. Вскоре он подался на заработки в Геленджик. Сказывали ему, будто на Кавказе жить тепло и сытно. А Никифор попал к дяде. Вначале корову пас, потом взяли его на конюшню. Тянул подросток батрацкую лямку, пока не пришло осенью 1913 года письмецо от отца, в котором звал к себе всю семью, обещая «фатеру и стол». Когда Мария Павловна привезла Никифора и двух дочек в Геленджик, то квартира оказалась ма-

ленькой темной комнаткой, где пришлось спать на глиняном полу, укрываясь отцовским драным зипуном и материнским платком. Выяснилось также, что все надежды на благополучие семьи Изотов связывал с сыном — заранее договорился с хозяином номеров «Новая Россия» о месте дворника для него и даже успел выпросить «аванс» в счет месячной трехрублевки, положенной Никифору.

Не одних Изотовых гнала нужда из деревень: только в 1909 году уездные власти Орловской губернии выдали «на отход» 254 500 паспортов крестьянам, покидающим родной кров в поисках лучшей доли.

Ширококостный мальчик выглядел старше своих двенадцати с половиной лет. И потому спуску ему хозяин не давал. В четыре утра уже на ногах, метлу в руки — и скреби тротуар, дорогу, чтобы ни соринки! День весь на ногах — мало ли поручений от жильцов, да еще хозяин велел бегать на пристань с визитными карточками гостиницы, зазывать постояльцев. «Гляди, голодранцев не приводи», — поучал владелец «Новой России», грозя пухлой рукой, подрагивая налитыми щеками. Ох, возненавидел его Никифор, хуже чем хромого дьяка. Но злобе не удалось пустить корни в отзывчивой по природе душе мальчика по той простой причине, что еще чаще попадались ему на пути хорошие, отзывчивые люди. Случай свел его с буфетчиком парохода «Князь Оболенский» — подносил ему с пристани чемодан. Буфетчик, высокий, худой, с пушистыми усами, расспросил Никифора о житье-бытье. Узнав, что отец без работы да еще попивает, а мать с трудом устроилась в кухарки на курорт, неожиданно предложил: «Айда ко мне. Сколько тебе платят, трояк? Пятерку на пароходе дадут, харчи. Обучу тебя своему делу. Ха-арошая специальность, брат». Кто же в таком возрасте не согласится служить на пароходе?

— Отдать концы! — командует с мостика человек в белой фуражке и с золотыми нашивками на рукавах.

Режет морскую волну острый нос, шлепают колеса по соленой воде. Благодать!.. Щурит глаза Никифор, следя за пенным следом за кормой. «Князь Оболенский» ходит в малом каботаже, под прикрытием берегов. А все равно на нем — морской шик. Палубы отмыты до белизны, все медное сверкает, пассажиры нарядны и беззаботны. «Эй, мальчик, пару пива...» И посуду мыл, и помои таскал, и обувь пассажирам чистил, и за папиросами бегал в буфет. Поздними вечерами Рютин, так назвался буфетчик, угощал мальчонку бутербродами с сыром, пододвигал тарелку с колбасой, наливал сладкого чаю. В рундучке нашлись у Рютина книги, но к ним Никифор интереса не проявил, зато любил листать годовую подшивку «Нивы». Рассматривал фотографии, читал надписи к ним. Так незаметно начал приобщаться к чтению. Иная жизнь слегка приоткрыла краешек занавеса перед смышленым подростком, а пришли в Геленджик, увидел Никифор на пристани хмурого отца. «В пекарню пойдешь», — решительно заявил он.

Вставали пекари в три утра, разжигали печи, месили тесто. Никифор драил полы, чистил корзины для хлеба — и так до полуночи. Ученикам в пекарне деньги не платили. «Хватит того, что хлеб в себя бесплатно пихают да ремеслу учатся», — говаривал хозяин. А когда владелец гостиницы предложил старшему Изотову платить за сына пятерку в месяц, если вернется в дворники, то Алексей Иванович согласился.

Что ж, все лучше, чем в духоте пекарни. Вновь взялся за метлу Никифор. Но оставил в памяти след Рютин, запали в сердце рассказы о несправедливости жизни, о богатых и бедных, спокойная уверенность буфетчика в том, что так — несправедливо, так не должно быть, и народ рано ли, поздно ли сам станет хозяином в России. Часто бегал Никифор на пристань, издали размахивал руками, видя подходящий пароход со знакомыми обводами, видел Рютина, передававшего ему привет матросским телеграфом — руками.

Бросался к нему. Прижимался к ставшему близким человеку, который всегда находил добрые слова, ободрял, обнимал по-свойски, обрадованно тянул: «Да ты, брат, все растешь, скоро на камбуз пригнувшись входить будешь». — «Матросом хочу», — делился он доверчиво с буфетчиком, и тот серьезно разъяснял, что, конечно же, почему не пойти со временем в матросы. А еще лучше — метить в штурмана, для чего учиться надо, а цель уж если выбирать, то видную, большую, чтобы смыслом вся жизнь наполнилась.

Где-то шла война, знали о ней по газетам да прибывающим в морской госпиталь раненым. Подростки купались в теплой бухте, швырялись друг в дружку медузами, прокалялись дочерна под южным щедрым солнцем. В теплый осенний день провожал Никифор Рютина к пароходу — «Князь Оболенский» в ночь отходил с новобранцами. Под утро жителей городка разбудили далекие выстрелы. Вечером Никифор, вернувшись домой, увидел своего друга. Рютин и отец курили самокрутки, мирно беседовали, и Никифор удивился улыбке на лице родителя, подумал по-взрослому: «Хороший он человек, да судьба его задавила». Буфетчик с парохода рассказал, что «Князь Оболенский» затонул в Новороссийском порту, а ему, Рютину, завтра надо уехать в Кабарду, он родом оттуда. Почему-то не пошел в номера «Новой России», где всегда останавливался во время стоянок парохода, а попросился прикорнуть у Изотовых в уголку. Утром он исчез, а отец задумчиво сказал: «Куды же он подался? В Ростов, наверное, а может, даже в Москву. Одно слово — революционер...» — «В Кабарду он собирался», — подсказал Никифор, но отец, глянув на сына, ничего не ответил.

Той же осенью семья Изотовых уехала из Геленджика в село неподалеку, а прожив в нем недолго, двинулась во Владикавказ. Но и здесь отец работы не нашел, сообщил через несколько дней свое решение:

«Поедем к брательнику в Таганрог, там и осядем». Не зря говорится, что скоро только сказка сказывается. На окраине красивого белокаменного города брательника отца не нашли. Соседи сообщили, будто бы подался тот в Горловку, на шахту наниматься.

Ах, Горловка, мать городов шахтерских... Ранней весной 1806 года талые воды подмыли овраг, обнажив черный шершавый пласт. Крестьянин Андрей Глуходел догадливо определил, что на его наделе обнажилось «земляное уголье», которое сулит немалые прибыли — бахмутские кузнецы щедро платили за него. Сговорившись с шестью соседями, Андрей, убрав урожай, составил артель. И осенью, после Покрова, отец Мефодий окропил святой водой край подмытого оврага. Так появилась в степи первая шахтенка-дудка.

Отрыта в земле яма, устроен ворот — простейшая грузоподъемная машина на одной лошадиной силе, каковую в ее сивеньком естестве безжалостно стегает хозяин, гоняя вокруг ограждающего «ствол» частокола. Ходит вверх-вниз бадья, растет куча отбитого киркой и поднятого наверх угля. В короткий срок на угодьях Железнянского сельского общества у реки Корсунь выросло несколько десятков таких шахт-дудок. Называли их еще «мышеловками».

По утверждению старожилов, как-то к одной из таких дудок подъехал в экипаже молодой человек в форме горного инженера. Запомнился он тем, что безбоязненно забрался в бадью и спустился в ствол-яму, не страшась испачкаться. А поднявшись на-гора и переговорив с добытчиками «земляного уголья», задумчиво крошил в сильных пальцах грудку угля. Это и был инженер Петр Николаевич Горлов. Он сумел убедить дельцов, взявших подряд на строительство Азовской железной дороги, начать разработку случайно обнаруженных крестьянами мощных пластов жирных, спекающихся углей. Заложенный здесь рудник, считал Горлов, сможет обеспечить топливом новую железнодорожную

ветку. В конце марта 1868 года под руководством молодого инженера здесь заложили Корсунскую копь №,1 или Первый рудник, положивший начало нынешней шахте «Кочегарка». А рядом вырос поселок углекопов — Горловский посад. Со временем неподалеку от рудника была построена железнодорожная станция Горловка.

Самой доброй оценки заслуживает деятельность русского инженера Горлова. Петр Николаевич родился в 1839 году в Подмосковье, в семье бывшего иркутского губернатора. Однако губернатора не обычного, а известного своими прогрессивными взглядами и уволенного в отставку за содействие ссыльным декабристам. Его сын, Петр, уже после смерти отца закончил с золотой медалью корпус горных инженеров Петербургского университета. По настоянию Горлова хозяева Корсунской копи раскошелились на проходку нового ствола, установку на руднике водоотливочной машины и вентиляторов, строительство наземных сооружений. Петр Николаевич первым в России разработал технологию добычи угля на крутопадающих пластах, оборудовал рудники отечественными машинами, был инициатором открытия на территории Первого рудника штейгеровского училища. Умер Горлов в Петербурге в 1915 году, но его имя живет в славном богатыми революционными и трудовыми традициями горняцком городе Донбассе.

Но талантливые инженеры не могли обуздать аппетиты алчных хозяев Общества Южнорусской каменноугольной промышленности. Жестко выжимали прибыли из рудников акционеры Мей, Эллисон, Виннер... Что им, иноземцам, было до судеб горнорабочих? Взрослые за 12—14 часов работы в руднике получали тридцать рублей в месяц, ребятне на выборке породы платили по двадцать копеек за день. Нужда и болезни прочно обосновались в поселке Первого рудника. Летом 1892 года через жалкие хибары углекопов прошла эпидемия холе-

ры, оставив после себя густое засево крестов на местном кладбище. В 1899 году из-за скопления метана — на руднике из экономии держали всего одного газомерщика — произошел взрыв. Под траурный рев гудка хоронили 31 погибшего горняка. Горько звучат слова старой песни:

Шахтер рубит со свечами,
Носит смерть он за плечами.
Позади она стоит,
Кулаком ему грозит...

«Каждый день обвалы, каждый день увечья, каждый день шахтерская кровь», — с болью говорилось в листовке, выпущенной через несколько дней после взрыва Донским комитетом РСДРП.

В далеком Петербурге и неподалеку, в Ростове-на-Дону, начало нового века рабочие отмечали стачками, демонстрациями. В поселках металлургов и горняков Юзовки (официально городом нынешний областной центр Донецк стал в 1917 году), Горловки начались революционные волнения. Хозяева, чтобы увеличить прибыли, пошли на массовые увольнения рабочих. Полученных шахтерами при расчете денег едва хватило на уплату долгов в лавки мелких торговцев-паучков. Сотням семей грозила голодная смерть. Рассчитанные рабочие требовали хотя бы оплатить им проезд до родных мест, откуда в свое время подались на заработки. Наибольшими волнениями отмечена весна 1903 года, когда отчаявшиеся договориться с предпринимателями рабочие тысячами выходили на демонстрации, многие громили лавки, разгоняли полицейских. Всеобщую забастовку в апреле 1903 года одними из первых поддержали горняки Первого рудника. На шахтном дворе, на Николаевской площади Горловки появились казаки. Но эта полицейская акция еще больше озлобила людей. Волнения охватили весь Юг, в поддержку шахтеров и металлургов начались стачки в Одессе, Екатеринославе, Николаеве.

По рукам ходила выпущенная листовка: «Тяжело живется вам, шахтеры. Тяжко достается вам кусок хлеба. Лишились вы земли, и нужда оторвала многих из вас от родных, жен и детей, загнала в этот глухой угол и мрачную проклятую шахту, темную, как ночь осенняя! Луч солнца никогда не проникает туда. Нет и воздуху в шахте: копоть и угольная пыль наполняют ваши легкие. Вода пронизывает ваше тело до костей. Грязь и сажу ничем не отмоешь...» Такова была подлинная картина жизни рудокопов.

Поговаривали, будто листовки со жгущими сердце словами написал большевик Аркадий Яковлевич Коц, человек удивительной судьбы. Сам он с Юзовки, а в Горловке закончил штейгерское училище, устроился на Первый рудник. За революционную деятельность попал под надзор полиции, вынужден был эмигрировать за границу. Здесь Коц, знаток шахтерского быта, создал несколько стихотворений. Одно из них, «Песнь пролетариев», неоднократно печаталось в революционных изданиях:

Не устрашит нас бой суровый...
Нарушив ваш кровавый пир,
Мы потеряем лишь оковы,
Но завоюем целый мир!

Коц вернулся в Донбасс в 1903 году уже известным всей революционной России человеком, автором русского текста «Интернационала». Аркадий Яковлевич сделал его перевод в 1902 году... Он умер в мае 1943 года, накануне освобождения родного края от фашистов, благополучно избежав ежовских репрессий.

В историю Горловки вписано много славных имен... С фотографии умно смотрит на вас сосредоточенный широколобый человек в круглых очках с ровным твердым ртом. Это — Андрей Семенович Гречнев, бывший учитель рудничной школы, первый секретарь шахтерской большевистской организации. Прибыл новый учитель на рудник как-то незаметно, с небольшим сундуч-

ком в руках. Снял квартиру, а потом пошел по землянкам знакомиться с шахтерами, заходил и в казарму к солдатам. Рассказывал о новостях в Петербурге и Москве, охотно подпевал любимые горняцкие песни «Гудки тревожно загудели...» и о судьбе коногона, которого несут с разбитой головой. Позже Гречнев съездил в Луганск, старые друзья познакомили его с молодым слесарем Климентием Ворошиловым — одним из руководителей луганской организации социал-демократов, и тот снабдил учителя политической литературой и листовками.

Незаметно, неторопко новый учитель вошел в сознание горняков своим, понятным и нужным человеком. При рудничном училище организовал Гречнев хор, стал вести занятия со взрослыми. Не только учились читать и писать, но и обсуждали обстановку в Донбассе, в России. «А вот что написано», — говорил между прочим учитель и прочитывал несколько фраз о жизни трудового народа из листовки, привезенной из Луганска. С близкими учениками штейгеровского училища Гречнев сделал устройство для гектографирования прокламаций, листовок. И на «спевках» хора его участники вместе с текстами дозволенных царской цензурой песен получали листовки. Когда произошли кровавые события 9 января 1905 года, на Первом руднике уже действовала сильная большевистская организация, поднявшая шахтеров на забастовку. Обстановка все больше накалялась, волнения среди горняков росли. К лету в Горловке действовала боевая рабочая дружина, которую возглавил учитель Андрей Гречнев.

Под его руководством шахтеры Первого рудника напали на полицейский участок. Вооруженные только обушками и пиками, выкованными в шахтной мастерской, они арестовали и обезоружили всех полицейских, захватили станцию Горловка. Из аппаратной Гречнев за своей подписью дал телеграммы в Енакиево, Дебальцево, другие центры Донбасса с просьбой помочь вос-

ставшим горнякам. Уже к вечеру поездом прибыли енакиевские рабочие. У станции завязались ожесточенные бои. Дружинники сражались самоотверженно, но одолеть регулярные части не смогли. Триста горловчан погибло на баррикадах и в уличных боях, сотни брошены за решетку. Суд состоялся в Екатеринославе, восемь героев-повстанцев были приговорены к повешению. «Мы предпочитаем лучше быть замученными в тюремном подземелье-карцере или быть расстрелянными, чем стать предателями, изменниками нашему общему делу. О, нет! Враги наши этого не дождутся!» — писал из застенка большевик рабочий Григорий Ткаченко-Петренко, енакиевский металлист...

В темных норах, в подземном аду
Уголь вновь добывали шахтеры,
Чтоб в семнадцатом грозном году
Загорелся он в топках «Авроры» —

напишет позже донецкий поэт Н. Домовитов.

А Гречневу удалось с группой дружинников добраться до Юзовки, оттуда, через Ростов-на-Дону в Москву. Мог ли Андрей Семенович в те годы даже предположить, что вернется в Горловку только через пятьдесят лет, в 1955 году, пенсионером. Увидит в местах своей боевой юности белокаменный город, прорезанный лентами шоссе со скверами на прежних ухабистых улицах, а вместо приземистого вытянутого здания рудничного училища красавец Дворец культуры шахты «Кочегарка». В шахтном музее есть картина художника М. Саблина «Вооруженное восстание рабочих в Горловке». Снег, баррикада, дружинники с револьверами и винтовками, красный флаг в чьей-то руке, а дальше цепь идущих солдат. Никто деликатно не спросил, почему отвернулся первый большевистский вожак горняков, достал платок из кармана. Восстание в декабре 1905 года было подавлено, но революционный дух горловчан сломить не удалось.

Да и что могло измениться в условиях труда, жизни шахтеров? В 1892 году известный художник Н. А. Касаткин впервые побывал в Донбассе. Вырвавшись от опеки любезных горных чиновников и администраторов, Николай Алексеевич решил инкогнито посетить несколько рудников. И чуть не поплатился за такое легкомыслие. Когда он попытался поговорить с шахтерами об их житье-бытье, настроениях, то один дюжий крепильщик насмешливо сказал: «Гляди, други, какая птица до нас заявилась? Платье простое надел, нашенское, а руки-то, на руки гляньте! Валяй отсюда, шпик». — «Как это валяй? — вмешался рябой коногон. — Вяжи ему руки, в шурф сбросим».

И лишь когда Касаткин показал им альбом с эскизами, рассказал, что хочет показать человека труда Донбасса, униженного, но не сломленного, поверили ему шахтеры. В общей сложности девять лет изучал художник труд и быт горняков, спускался в забои, брался за обушок, фотографировал людей после смены и на гулянье. Донецкий цикл картин принес Касаткину широкую известность. Его работы «Шахтерка», «Шахтер», «Углекопы. Смена» раскрывали глубокий внутренний мир людей труда, которых хозяева презрительно именовали «быдлом». О заключительной картине этого цикла «Шахтер-тягольщик» художник, показывая своего героя в забое, писал: «Нелегко дышится на глубине сотни саженей под землей, угнетает, давит сознание той громадной тяжести, в которую упирается согнутая спина тягольщика, волокущего санки с антрацитом. Воздух насыщен пылью угля и копотью лампочек, пламя часто меркнет от отсутствия кислорода. Там, где не может работать животное, его заменяет человек». Эти слова — тоже картинка с натуры.

Перед первой мировой войной в Горловке образовалась сильная большевистская подпольная группа. Одним из ее организаторов стал Петр Анисимович Моисеенко, профессиональный революционер, которого знал

и ценил Владимир Ильич Ленин. Этому крепкому подвижному человеку исполнилось шестьдесят лет, но он по-молодому бодр, энергичен, неутомим, вот только говорил глуховато — еще бы, пять ссылок за плечами. Петра Анисимовича знали как руководителя знаменитой Морозовской стачки 1885 года. Поселился он у кузнеца Первого рудника Семена Яковлевича Бескаравайнова. Центр большевистской группы составили рабочие Ртутного рудника, а также шахт № 1 и № 5. Хозяин квартиры сразу же стал одним из помощников Моисеенко в распространении среди шахтеров «Правды». «На Первом руднике выписка доходила до двадцати экземпляров: работа наша все ширилась, захватывая все большее количество людей... Газета «Правда» давала нам все», — говорится в «Воспоминаниях» П. Моисеенко. Горловчане коллективно читали «Правду», напечатанные в ней статьи разъясняли им многие вопросы об обстановке в стране. «Хорошо бы и о нашей шахтерской жизни почитать», — делились доверенные рабочие с Петром Анисимовичем.

В это время в Горловку приехал старый друг и соратник Моисеенко Григорий Иванович Петровский, депутат IV Государственной думы от социал-демократов. Прибыл он с заданием партии встретиться с большевиками-шахтерами Горловско-Щербиновского района Донбасса. С ним и передал в редакцию Моисеенко свою статью, подписав ее для конспирации забавным псевдонимом «Старый воробей». Вскоре распространенный в Горловке номер «Правды» поведал о тяжкой работе и революционной борьбе шахтеров. Сбилась с ног полиция: жандармы установили дежурство на почте, взяли под наблюдение Первый рудник, но обнаружить автора статьи не смогли.

Такая была обстановка в Горловке, куда осенью 1914 года приехала семья Изотовых. «Недалеко от станции чернела острая гора, и на высоком сооружении вертелись большие колеса. Я впервые увидел шахту, и

она показалась мне диковинной», — вспоминал Н. А. Изотов через много лет. Двенадцатилетний мальчонка увидел террикон Первого рудника, той самой «Кочегарки», которая вскоре стала для него родной на всю жизнь.

Приезду родичей брат не обрадовался. Когда Изотовы с трудом разыскали его землянку, то удивились тесноте — в комнате с промазанным глиной полом умещались семья брата Алексея да еще его теща с родней. Кое-как разместились, затопили печь, согрели жестяной емкий чайник; за жидким чаем вяло шла беседа. Деревенские новости брата мало интересовали. Работал он на коксовых печах, посерел лицом, согнулся, часто кашлял. Посоветовал Алексею проситься на Первый рудник. «Рядышком тут...».

Отец ушел с рассветом, а вернулся поздно, хмельной и злой. Тяжело опустился на табурет, прохрипел: «Пропали теперь...», положил голову на кулаки, заплакал. Выяснилось, что не только на Первом руднике, но и вообще в Горловке работы нет, да еще упрекнули: дескать, старый, немощный и без глаза, а туда же, работу ему давай. Вмешался брат, скучно посоветовал потерпеть, как-никак родня, куском хлеба поделится, на улицу не попросит.

Русоголовому Никишке дома не сиделось — бегал к руднику, дивился на подъемную машину, познакомился с хлопцами, что выбирали куски породы из угля, заглядывал на брикетную фабрику, поставленную рядом с шахтой. Как-то вечером сказал, что хлопцы советуют ему наняться на фабрику. «Что ж, попытка не пытка», — согласился отец. Вечером Никифор уныло сообщил, что берут с четырнадцати лет: вредное, мол, производство. Тогда брат предложил Алексею съездить в Малую Драгунку, поставить кому надо магарыч, выправить свидетельство, что Никифору уже четырнадцать.

Через несколько дней старший Изотов, очень до-

вольный, привез нужную бумагу, радостно наставлял сына: «Гляди, ты рослый какой. Примут, не сумлевайся. Подмога какая теперь семье...»

О фабрике в округе шла дурная слава. Выпускала она брикеты из угля и смолы для корабельных топок. В цехе стоял смоляной чад, едкие испарения разъедали кожу, слезились глаза. Работали здесь по двенадцать часов. Почти два года просидел Никифор у конвейера, направляя готовые брикеты на сушку. В начале 1916 года перевели его на пресс, прибавили жалованье.

Фабрика выполняла военный заказ — брикеты из Горловки теперь шли и в топки крейсеров и линкоров, поскольку каменного угля не хватало. То, что заказ военный, было на руку хозяевам. Во-первых, они увеличили нормы, а во-вторых, якобы с целью охраны фабрики решили с помощью полиции привести рабочих к послушанию. В цехах стали появляться жандармы. Фабричные хмуро поглядывали на них, сдерживались.

Но вот мягким апрельским утром на фабричном дворе оказалась группа женщин. Одна из них, крупная, простоволосая отодвинула от входа жандарма, властно крикнула в гул цеха: «Мужики, что ж вы терпите. Над вашими семьями измываются — дети голодные, артельщики в долг не дают. Возьмите за бороду хозяина да тряхните покрепче». — «Но-но, дуреха, — испугался простоватый жандарм, толкая женщину от входа, — это же пропаганда, тебя за это знашь куды могут?..» — «Не пужай, мы пужатые, — огрызались женщины, смелея от растерянности стража порядка. — Сил нету так жить».

Так начиналась в апреле 1916 года всеобщая забастовка в Горловско-Щербиновском районе. Никифор оставил пресс, вместе с рабочими выскочил во двор. Густела, накалялась криками толпа: «Зовите Гюэна, пускай плату прибавляет... Где мусью? Кровососы...» Хо-

зяин фабрики француз Гюэн был молод и краснолиц, носил аккуратную мушкетерскую бородку. Но выражение «дерните хозяина за бороду» толпе понравилось, фразу повторяли старые и молодые. «Смолой бороду намазать, а на голову брикет вместо шляпы», — озорно кричал Никифор.

Появился растерянный француз, пытался призвать людей к порядку, обещал рассмотреть требование рабочих: повысить заработную плату на пятьдесят процентов. До вечера с фабрики никто не расходился, брикетчики послали своих представителей на рудники с просьбой о поддержке. На Первый рудник вызвался сбегать Никифор Изотов. А когда вернулся, то фабрику уже окружили солдаты. Их вызвал на усмирение бастующих по телефону Гюэн. «Потрудитесь всем передать, — чеканил слова щеголеватый офицер, — за срыв военного заказа накажем зачинщиков, смутьянов пошлем на фронт». Рабочие возмущались: «Сам-то чего не на фронте?.. Ишь, гладкий какой...» Вязкий ком смолы угодил офицеру в грудь, второй сбил фуражку с головы...

На другой день воинский начальник предложил солдатам «временно» поработать до конца забастовки на фабрике. Через несколько часов солдаты с красными глазами выбегали из цехов, смачно отплевывались: «Нет уж, ваше благородие. Нехай лучше на фронт... Задохлись в чаду энтом». На фабричных стенах, заборах, домах появились листовки: «Товарищи рабочие! Бороться до победного конца!» Не знал тогда Никифор, что это — дело рук его соседа по улице, немолодого человека с округлой шкиперской бородкой, стоявшего у старика столяра на квартире, который всегда приветливо здоровался с подростком. Так судьба свела его с Петром Анисимовичем Моисеенко.

Забастовка приняла политический характер, к требованиям о заработной плате и восьмичасовом дне прибавились и другие. «Требуем прекращения войны, мира

и свободы». К 20 апреля в Горловке остановились все шахты, всюду бурлили митинги. Во главе стачечного комитета стал Моисеенко. Как нельзя кстати оказался опыт Морозовской стачки. Петр Анисимович ездил по рудникам, выступал с зажигательными речами, призывал к свержению самодержавия. По его предложению среди населения объявили сбор денег, вещей, продуктов для помощи семьям бастующих. Горный департамент находился в Харькове, туда и шли тревожные телеграммы от администрации горловских рудников. Местные власти телеграфировали о забастовке в Екатеринослав. Из губернского центра отвечали: «Сейчас все меры хороши. Карать по военному времени». Полиция по ночам арестовывала активистов на рудниках — Первом, Никитовском, Ртутном... Но подавить забастовку властям не удавалось. Пришлось совету управляющих рудниками согласиться поднять плату рабочим на сорок процентов. Это была большая победа горловских пролетариев.

Но если пошли на уступки хозяева, то полиция, напротив, решила использовать волнения на рудниках, чтобы покончить с крамолой. И 2 мая 1916 года, когда тысячи радостных одержанной победой в забастовке шахтеров собрались на маевку, на них набросились казаки и жандармы. Участвовал в этой маевке и шахтарчук, как называли мальцов в Донбассе, Никишка Изотов, не по годам рослый, с русой шапкой волос и большими руками. Видел он, как после залпа упали в крови несколько человек. Второй залп вдогон разогнал людей. Позже Изотов, которого затащил в свою землянку горняк с шахты № 5, узнал от него: четверо «наших» убито, несколько ранено, двадцать арестовано. Утром в поселке шныряли полицейские, задерживали подозрительных. «Многое я передумал за эту ночь, и все происшедшее навсегда зарубцевалось в памяти и сердце», — напишет в своих воспоминаниях Н. Изотов.

Глава третья

ПРОЛЕТАРСКАЯ КРЕПОСТЬ

Торопливым стрекотом телеграфной морзянки ворвалась весть о свержении самодержавия в Горловку, кумачовым половодьем заплескала по рудникам, вызывая стихийные митинги. Большевики, не теряя времени, устроили массовую сходку в поле, между поселком и шахтой № 5, где недавно пролилась кровь рабочих во время маевки. Все горловчане хорошо знали Ивана Черкашина, крепильщика, могучего человека, который первым всегда бросался защищать товарищей при стычках с полицией, прославился смелостью и умением сказать на митинге нужные слова. «Други мои, — крикнул он в толпу, раскинув широко руки, словно хотел обнять всех присутствующих. — В Питере рабочие сбросили царя, захватили власть в свои руки. Поняли? Захватили, а не выпросили. Разница! Предлагаю прямо сейчас избрать революционный Совет. Пускай он и распоряжается в Горловке. Согласны?» Из толпы раздалось: «Вер-на-а... Согласны... Будя, попили у нас крови буржуи...»

Выборы проходили в рабочем клубе «Луч».

В исполнительный комитет первого Горловского Совета вошли представители рудников и Артиллерийского завода Иван Черкашин, Григорий Морозов, Лука Зосим, Франц Клипов... Совет своим постановлением с 12 марта ввел на всех предприятиях восьмичасовой рабочий день, объявил о роспуске полицейского участка и утвердил список народных милиционеров. В бывшем кабинете пристава теперь хозяином стал начальник милиции крепильщик Репкин. А в гостинице, где останавливались чины Горного департамента и коммерсанты, разместился горнозаводской комитет профсоюза.

За событиями в Донбассе следила вся страна — еще бы, главная «кочегарка». На апрельской Всерос-

сийской конференции большевиков В. И. Ленин с одобрением говорил, как донецкий углекоп, «не употребив ни одного книжного слова, рассказывал, как они делали революцию. У них вопрос стоял не о том, будет ли у них президент, но его интересовал вопрос: когда они взяли копи, надо было охранять канаты для того, чтобы не останавливалось производство. Затем вопрос стал о хлебе, которого у них не было, и они также условились относительно его добывания. Вот это настоящая программа революции, не из книжки вычитанная. Вот это настоящее завоевание власти на месте».

С первых шагов после своего образования горнозаводской комитет профсоюза взял под контроль условия труда и его оплату. При малейших нарушениях правил техники безопасности — закрывал выработки. Администраторы рудников терялись, звонили в Горный департамент, получали оттуда уклончивые ответы на неопределенность обстановки, советы выжидать. И незаметно хозяевами рудников оказались Советы рабочих. А руководители горнозаводского профсоюзного комитета — сплошь забойщики, крепильщики, слесари советовали брать под контроль и назначение на должности, и распределение продуктов.

В эти дни Никифор Изотов оплошал: заснул у пресса, штампующего брикеты, и громоздкая машина сломалась.

— Да я трое суток не спал, — оправдывался растерянный парнишка. — Я же нечаянно...

И очень удивился, когда услышал странные слова: где же был рабочий контроль, как это позволили подростку стоять у машины бессменно?..

А Горловка бурлила митингами, собраниями, вечерами гурьбой бродили по улицам с гармонями чубатые коногоны, лихо пели прежде запретную «Варшавянку». Приближались Майские праздники, и горняки впервые готовились открыто устроить маевку. Площадь у школы с утра запружена народом, женщины надели

красные косынки; накануне здесь сколотили из досок трибуну. Рвут воздух гармони, всюду смех, шутки. Выступают шахтеры, поздравляют трудовой народ со своим праздником. В ответ в воздух летят фуражки, взметывается в приветствии лес рук. Вдруг из-за угла выплыла ладья, на ее борту написано: «Свет и знания грядущему поколению». А в ладье, сооруженной на пароконной телеге, разместились десятка три детей. Мальчонка на носу ладьи красный флаг держит, рядом девочка в форме сестры милосердия алой косынкой машет. Ур-ра-а! — выдохнула площадь. А сидевший впереди инвалид войны тронул вожжи, поплыла ладья, и тысячи людей пошли за ней, направляясь к памятным местам, где были похоронены дружинники — жертвы революции 1905 года.

Июль 1917-го вошел в Горловку бурными митингами и демонстрациями. Проходили они под большевистскими лозунгами: «Долой десять министров-капиталистов!», «Вся власть — Советам!» Жадно слушал Никифор слова большевиков, не просто слушал, а на ус наматывал. И шахтеры Первого рудника, где у молодого Изотова появилось много друзей, и рабочие брикетной фабрики все еще гнули спины на иноземных хозяев. Управляющие и администраторы рудников отчитывались в делах перед переехавшими в Париж капиталистами.

На одном из общепоселковых митингов слово попросил балтийский матрос и долго витийствовал на тему «войны до победного конца», а затем предложил от имени флотской братвы подписываться на «Заем свободы». Шахтерня в недоумении молчала. Тогда забойщик Репкин, начальник народной милиции, густым голосом пустил: «А покажьте нам, уважаемый матрос, мандат из Питера, что вас флот уполномочил за Временное правительство заступаться». — «При чем здесь мандат? Я по доброй воле прибыл...» — вяло защищался сникший оратор. «Тады руки покажь, — рявкнул Репкин. —

Да колечко-то не стаскивай, ваше благородие». Толпа схватила «матроса», сорвала с него флотскую форму, а под ней — летнее шелковое белье с метками. Нескольких переодетых под матросов офицеров схватили и, продержав сутки в милиции, предложили убраться из Горловки. Много было в ту пору путаницы, неразберихи, попробуй разберись во всем, отсутствовала только жестокость: заблудших миловали, а заодно, бывало, и врагов.

Прибегал домой Никифор, с юношеским пылом говорил: «Скоро мы их наладим, получат хорошего пинка все буржуи». Мать пугалась, просила: «Сынок, рано тебе политикой заниматься». Но Никифор, наскоро поев, приглаживал русые вихры, смеялся, говорил, что он человек рабочий, а не гимназистик, ему бы вот только оружие добыть. И однажды, получив в рабочем совете фабрики доппаек в виде двух буханок ржаного хлеба, положил их аккуратно в холщовую сумку и отправился на рынок.

Нырнув в людскую пестроту, парнишка растерялся от гомона. Торговали с рук шалями и сапогами, пиджаками и слесарным инструментом, прямо на земле стояли самовары, чайники, лежал всякий хлам — замки, топорища, старые шахтерские чуни. Никифор заприметил старика в линялой ситцевой косоворотке, который держал в руках ружье. Эхма, вот это ему и надо. Подошел, схватил крепко за ствол, проявляя свое нетерпение, радостно спросил о цене. Старик молча отвел руку парнишки, покачал головой: нет, мол, не дорос еще. «Да с брикетной я, Изотов, — загорячился Никифор. — Понимаешь, Совет нас призвал вооружаться. Понимаешь? Вот, гляди, — он торопливо доставал из сумки буханки, частил: — Бери, бери, заработанное — не украл. Рабочий я, понимаешь».

Старик поглядел на хлеб, помягчел: «А ты знаешь, что купляешь? Это, сынок, берданка, боевое оружие, в армии двадцать лет служила, покуда трехлинейку не

ввели... Ладно, раз для народного дела, бери. Патронов маловато, семь штук всего, ну да разживешься...»

Пришел домой счастливый Никифор, достал тряпочку, керосином смочил, терпеливо оттер ржу со ствола, приладился, навел мушку на икону. «Да ты в своем уме, — напустилась мать. — Он же тебя покарать может». — «В нашем фабричном Совете Христа не избирали», — хохотнул сын. И мать поняла, что ее маленький Никиша вступил в иную, непонятную ей жизнь, полную неожиданных опасностей; закрестилась, приговаривая: «Спаси его, Христос, и помилуй, неразумный еще..» Махнул рукой сын, выскочил на улицу. Надо ведь с дружками поделиться радостью: берданка теперь у него!

Обстановка в России накалялась все больше. В Мариинском дворце беспрерывно заседало Временное правительство. После того как министр иностранных дел Милюков разослал союзным державам ноту, в которой подтвердил все обязательства царского правительства «продолжать войну до победы», стало ясно: новая борьба в стране неизбежна. С 26 июля по 3 августа в Петрограде работал VI съезд партии. «В настоящее время мирное развитие и безболезненный переход власти к Советам стали невозможны, ибо власть уже перешла на деле в руки контрреволюционной буржуазии», — говорилось в резолюции съезда «О политическом положении».

Для большевиков не было неожиданностью, что генерал Корнилов, назначенный Временным правительством в июле 1917 года Верховным главнокомандующим, в конце августа поднял мятеж и двинул на Петроград 3-й конный корпус. И хотя мятежный генерал, ярый монархист, провозгласил, что упрячет за решетку «временных прихвостней», имея в виду правительство Керенского, на самом деле он готовил кровавую расправу с революционно настроенными рабочими. Владимир Ильич Ленин разгадал тактику опасного противника ре-

волюции, он призвал партию поднять массы против Корнилова, не ослабляя борьбы с Временным правительством. Формировались и уходили на фронт отряды Красной гвардии. Корнилов был арестован, попытка расправиться с революцией провалилась. «Погибнуть или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей», — указывал В. И. Ленин в работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться».

В канун революции в Горловку приехал Григорий Иванович Петровский. Он собрал большевиков, предложил: «Медлить нельзя. Временное правительство вот-вот падет. Надо брать власть в свои руки». Под его руководством был создан военно-революционный комитет Горловско-Щербиновского района. На шахтах теперь дежурили вооруженные рабочие посты. Горные администраторы давно сбежали в Харьков, и фактически рудниками руководили профсоюзные комитеты.

Остановилась брикетная фабрика, и Никифор Изотов со вздохом облегчения перешел работать на конный двор Первого рудника. В эти дни в Горловку и пришло известие: в Петрограде рабочие взяли власть, Керенский бежал. Призывно гудели трубы рудничных и заводских котелен, в поселке заалели красные флаги, возле контор шахт собирались принаряженные горняки.

Но вскоре из Юзовки приехали гонцы с тревожными вестями. По приказу атамана Каледина на Дон через Донбасс возвращались с фронта казачьи полки. Горловский ревком стал срочно создавать рабочие дружины. В одну из них, которой командовал большевик Красненко, попросился Никифор. Командир критически глянул на берданку в руках парня, пошутил: «Жаль, что ствол не кривой». — «Это почему?» — не понял Никифор. «Удобно из-за угла стрелять, — отозвался Красненко. — Ладно, повоюем и с берданками, а боевое оружие в сражениях добывать будем». Обиделся Никифор, но смолчал.

Шли недели, не прекращались бои. Горловка не-

сколько раз переходила из рук в руки — то казаки или верные прежней власти солдаты наступали, то сочувствующие большевикам части и дружинники вновь захватывали поселок. Кольцо вокруг Донбасса сжималось все теснее. С запада наступала немецкая армия, с Дона подходили казаки. К угольному краю двигались и «гайдамаки» Петлюры, опереточно-громко выкликавшие «самостийность ридной Украйны».

В Киеве германское командование передало всю полноту власти гетману генералу Скоропадскому, оно же помогало оружием и частям донского атамана генерала Краснова, который заменил застрелившегося Каледина. Помещики и промышленники радостно встречали «освободителей» в касках, с непривычными кинжалами на винтовках. Никто не вспоминал, как всего несколько месяцев назад эти же толстосумы призывали солдат бороться с Германией до победного конца, освобождать отечество. «А отечество у богатых там, где их капиталы», — разъяснял обстановку Изотову немолодой уже горняк с Первого рудника Гавриил Денисенко.

В последнем бою за Горловку Никифору не удалось отойти с отрядом. С ненавистью смотрел шестнадцатилетний рабочий парнишка на сытых немецких коней с коротко обрезанными хвостами, на солдат в серо-зеленых куцых мундирах, и чуть поодаль на ярко-синие жупаны гайдамаков. Кто их звал на донецкую землю, кто позволил издеваться над людьми? Жестокие расправы шли по Горловке — аресты, расстрелы, шомпола... Забрался Никифор на конный двор, где недавно работал, взял гвоздь и молоток и обезножил гайдамацких коней, чтобы врагам не на чем тикать было: попортил суставы, хотя до слез жалко было животных. «Ничего, вылечим, сами на них ездить потом будем», — утешал он себя.

Рабочая Горловка не сдавалась. Оккупанты ткнулись на одну шахту, другую — везде открытое неповиновение, выведенные из строя подъемные машины.

«Каждый рудник — это большевистская крепость», — говорили германские офицеры своим украинским союзникам и советовали жестоко карать население.

В один из дней на конный двор привели со скрученными назад руками Нестеренко, первого председателя профсоюза горняков. Взяли его случайно, при ночной облаве. «Хочешь жить? Назови фамилии большевиков, которые еще в поселке остались, — предложил гайдамацкий офицер, играя плетью. — Фамилии, адреса. У кого семьи остались, если твои то-ва-ри-щи драпанули. Отвечай!» Молчал Нестеренко, переминался босыми ногами, смотрел в сизое утреннее небо.

Сколько ни хлестали его плетью, били кулаками, ни слова не сказал Нестеренко, не вскрикнул даже. Тогда его повалили, стали прыгать на распростертого на земле профсоюзного председателя, пинали сапожищами уже бездыханное тело. Никифор ушел за конюшню, схватился за край стены рукой, в голове зазвенело.

Революция в Германии изменила ситуацию. Среди немецких солдат началось брожение. Кайзеровский офицер Ланге, жесткой рукой наводивший новый порядок в Горловке, застрелился. Ушел эшелон с немцами. Следом сбежали и гайдамаки. В поселок вошли красногвардейцы. Весь рабочий люд Горловки встречал освободителей, начался многолюдный митинг. Один из шахтеров отвел командира, волнуясь, сообщил: «Брат мой с хутора Стенки прибег, гайдамак там ховается, что Нестеренко убивал».

С группой красногвардейцев пошел и Изотов. В хуторе Стенки — десяток хат. Обыскали одну, другую, в третьей обнаружили подавшегося в гайдамаки бывшего пристава из Горловки. Забрался он в погреб, спрятался в бочку из-под капусты. Даже жупан не успел снять с себя. А в хате граммофон и одна-единственная пластинка с гимном «Боже, царя храни». Повели палача на митинг, заодно и пластинку захватили. Пыхнула гневом площадь, закричала: «Смерть панскому

холую... Казнить его...». Командир поднял руку, перекрывая гул, громко крикнул: «Судить будем. Революционным судом. Кто видел этого человека?» Шагнул вперед Никифор, сказал глухо, что видел офицера на конном дворе, когда забили насмерть Нестеренко, лично участвовал тот в расправе над профсоюзным председателем. Пригласил командир из толпы старых горняков, спросил строго: «Доверяете им решать судьбу этого врага?» — «Доверяем!» — громыхнула толпа. Отошли, посовещались, вынесли приговор: расстрел. Отвели бывшего пристава к террикону, грянул залп. Рядом бросили пластинку с гимном «Боже, царя храни». Тело убрали, а пластинка долго еще валялась на кусках породы.

В январе 1919 года белая армия генерала Дроздова вынудила красных отступить из Горловки. Вместе с другими шахтерскими парнями Никифор Изотов с боями отходил к станции Никитовка. Здесь из рабочих ртутного завода и горняков сформировали отряд, и вновь двинулись освобождать поселок. Никифор вырос, возмужал, казался двадцатилетним. Выменянную когда-то на хлеб берданку он давно сменил на кавалерийский короткий карабин, носил его на плече по-охотничьи, дулом вниз. Три дня отряд дрался за Горловку, и к утру четвертых суток белые отступили.

Из Петрограда и Москвы в угольные центры Донбасса шли телеграммы: революции нужно топливо для паровозов и электростанций, на учете каждая тонна угля... Семья Изотовых вернулась в деревню Малая Драгунка, а Никифор остался, пошел кочегарить в центральную котельную. Постепенно оживали рудники, уже пошли на Москву первые эшелоны с донецким топливом. Но весной 1919 года вновь подошли белоказаки, дружинники вместе с регулярными частями оставили Горловку, начали отходить к Курску. И здесь, в дороге, Никифора свалил сыпняк. Посоветовавшись, бойцы решили с провожатым отправить Изотова в Малую Драгунку, благо отряд находился на Орловщине.

Больше месяца метался Никифор на деревянной широкой кровати, укрытый пестрым крестьянским одеялом, пока болезнь отступила. Осунувшийся, с обритой головой, завитками волос на лице, он теперь ничем не напоминал лихого в боях парня, который во время привалов затягивал под гармошку любимую горняцкую песню:

Вот лошадь мчится по продольной,
По темной, узкой и сырой,
А коногона молодого
Предупреждает тормозной:
«Ах, тише, тише, ради бога!
Здесь ведь и так большой уклон.
На повороте путь разрушен,
С толчка забурится вагон...»

Когда Никифор впервые вышел на крыльцо и огляделся вокруг, то на глазах даже слезы выступили от волнения. Глотал степной, горьковатый от дыма костра осенний воздух, думал: «Пора возвращаться в Горловку». Наверняка не смог бы объяснить, почему его, деревенского парня, так неудержимо влекло в шахтерский поселок... Отец принес новость: красные разбили деникинцев под Орлом, рвутся к Донбассу. Но только в январе 1920 года Горловка была окончательно освобождена от белых банд. Рабочие возвращались к своим домам. Изотовы решили так: сперва Никифор с матерью поедут в Горловку, жилье подготовят, а там и отец с сестрой вернутся.

Добирались до Горловки долго, где на поезде, где пешком. А пришли в поселок, ахнули. Первый рудник не работает, уныло свисает со шкивов копра стальной канат, смотрит в степь пустыми окнами шахтное здание. Землянки — какие разрушены, какие затоплены. Нашли более или менее пригодную полупещерку, поправили печь, натаскал Никифор дров и уголька мелкого из отвалов. Когда загудело в печи пламя, пошел теплый дух от нее, полегчало и на сердце.

Вернулся Изотов на центральную кочегарку — так котельную называли. Пока добирались с матерью сюда, то пообносился вконец. Носил штаны и куртку из мешковины, резиновые галоши — чуни на ногах.

Угля не было, котлы топили дровами — да сколько их в степи, не напасешься. И сила у дров не та, турбина от разогретых котлов лишь слегка поворачивалась. «Невеселые наши дела, парень, — сказал Никифору старый кочегар. — Становись у топок, паек мы тебе оформим. Власть о нас заботится. — Вздохнул с натугой. — Только у ней самой в кармане пусто». А через несколько дней забойщики Первого рудника случайно обнаружили в тупике платформу с углем, запорошенную грязным снегом. Весть эта мгновенно облетела землянки. Собрались мужики, выкатили на руках платформу. «Историческая эта находка», — изрек Денисенко. «Почему так, сразу историческая, дядя Гаврила?» — полюбопытствовал Изотов. «А потому, что уголек этот жизню шахте даст», — строго ответил горняк.

Так и случилось. Билось тугое пламя в раскочегаренных топках, поднялось давление в котлах, заработала турбина. А за ней ожили насосы, откачивая накопившуюся в выработках рудника воду, потянули стальные канаты подъемные машины. Уже через неделю первая партия забойщиков в двадцать человек спустилась с обушками и топорами в шахту. Вечером объявили митинг. В нарядной на стол положили глыбку угля, поблескивавшую острыми краями. Вот она, первая ласточка, добыта в своей, народной шахте.

— Как хотите, а мы объявляем Первый рудник действующим, — сказал один из самых уважаемых шахтеров Елисей Ходотов.

И точно, поутру протяжно, радостно разорвал тишину поселка гудок, призывая подземную братию к спуску.

В центральной кочегарке вкалывал Никифор за двоих — все, кто мог в руках обушок держать, теперь в забоях. Да ничего, силы хватало, прямо танцевал у то-

пок, подбрасывая уголек. «Сноровистый паренек, со смекалкой, — уважительно говорил об Изотове Денисенко. — Добрый шахтарь из него будет». Говорил так неспроста. Он часто видел Никифора на шахтном дворе, у подъема. Однажды предложил парню:

— Давай прокачу. — Кивнул на клеть. — Туда, — показал рукой на землю, — и сразу вернешься.

— Што за прогулки, — отозвался, услышав этот разговор, Ходотов, назначенный десятником. — Ежели любопытство до рудника имеет, то записывай его в забой. Подучим, тады и в клеть.

— А испужается? — спросил с умешкой Денисенко.

— Неужто? — удивился Ходотов. — Погодить тады маленько надо. Не уйдет рудник, — добавил уж мягко, — ежели душой к нему тянешься. Ныне люди с опытом нужны. Вот забои приведем в порядок...

Вернулись из деревни отец с сестрой, а мать к ним с радостью: «Во-от, сына наш отличился. Семь пудов муки за месяц заработал». Отец слушал, смотрел недоверчиво. Шутка ли, семь пудов!

Вечерами собиралась шахтерня у административного комбината с гармошками, пели, беседовали. Жили еще голодно, зато весело.

— Хоть сутками не вылазь из шахты, — высказался среди собравшихся как-то вечером Денисенко. — Теперь мы, братцы, на себя работаем, на свою страну. Что сделаем — то наше, что заработаем — тоже наше.

И немудреные эти слова отразили общее настроение людей, смотревших ныне вокруг себя в родном поселке иными глазами — пытливыми глазами хозяев, желающих своими руками сделать что-то хорошее, доброе в этой новой жизни, которую пока понимали больше сердцем, чем рассудком.

В марте 1920 года в Горловку приехал председатель ВЦИКа М. И. Калинин. Прибыл он специальным поездом из нескольких вагонов. На одном из них, товарном, была надпись: «Шахтерам от фронтовиков». Отрывая от

своих скудных запасов, Москва посылала горнякам Горловки продукты, обувь, одежду, ткани. Первая беседа с горняками состоялась в вагоне. Михаил Иванович внимательно слушал председателя рабочего правления Первого рудника Даниила Галицева, переспрашивал, делал пометки в блокноте. Нужд у горняков накопилось немало, не все можно было решить на месте, так вот сразу.

— Помогали Донбассу и будем помогать, — подытожил разговор Калинин. Пытливо оглядел собравшихся в вагоне горловчан. — Привез вам большой привет от Владимира Ильича Ленина. Просил меня передать вам, что с углем очень плохо. Разруха всюду, а без топлива... Сами знаете. Шахтеров Первого рудника особо отметил, просил поднапрячься, побольше давать уголька. Знаем, трудно пока, но заверяю вас, товарищи, скоро лучше жить станем. А в вашу шахту спуститься хочу. Проведем вот общий митинг, так сразу и приеду на Первый...

Неизвестный фотограф запечатлел момент, когда Михаил Иванович, выехав на-гора, шел от клети в нарядную в сопровождении председателя рабочего правления шахты Галицева и секретаря партячейки Чиркина. В робе, с шахтерской лампой в руке, в другой трость, на голове круглая войлочная защитная шапка. Газета «Беднота» 1 апреля 1920 года писала: «Председатель ВЦИКа тов. Калинин при посещении Горловских рудников спускался в шахту № 1, где провел некоторое время за работой...»

В нарядной Первого рудника тесно, горняки сгрудились плотно даже и в коридоре. Еще бы, сам Калинин делится впечатлениями.

— Мне подсказали, что за две смены ствол выдает четыреста вагонеток, — говорит Михаил Иванович. — Учитывая состояние выработок, неплохой результат. Так? — Кто улыбается, кто пожимает плечами, сам не знает — хорошо ли. — Вопрос в другом, — гнет свою

линию Калинин. — Сколько до войны в сутки давали? Ага, до двух с половиной тысяч вагонеток. А тут четыреста. Видите, какая арифметика.

Первый выборный завшахтой Даниил Галицев осторожно возражает: мол, до войны народу в забоях втрое больше работало, развитием выработок последние годы никто не занимался, сократилось число уступов.

— Зато сознательность выросла, — не соглашается Калинин. — На себя теперь работаем.

Пообещал, что с людьми помогут: пришлют вчерашних бойцов, людей дисциплинированных, сознательных. С техникой вот сложнее. Чтобы машиностроительные заводы в полную силу заработали, топливо нужно, а его нехватка. Острейшая. Все равно получат шахтеры, передовой отряд рабочего класса Донбасса, и материалы, и машины горные, и спецовку.

— С людьми туго, — говорит Калинин. — Да не только у вас. В Горловке в прежнее время занято на рудниках было более пятнадцати тысяч человек, а сейчас только две тысячи. Потому и обращается к вам Владимир Ильич с просьбой помочь стране. А трудности переживем, не впервой.

— Михаил Иванович, как с обушком-то управлялись сегодня в забое? — спрашивают из толпы.

— Тяжело, уголь вроде гранита мне показался, — под одобрительный смех горняков отвечает Михаил Иванович. — Не зря в старой песне говорилось: «Шахтер в шахту опустился, с белым светом распростился». Так, верно? Как там дальше?

— До свиданья, белый свет, я вернулся или нет, — прокричали чуть не хором.

— Ну вот, а теперь иначе заживем, иные песни народ сложит.

Через несколько дней после отъезда Калинина шахтная «кукушка» пригнала со станции Константиновка

вагон пшеницы. Его выделили по указанию председателя ВЦИКа для горняков Первого рудника, как его еще до сих пор иногда именовали даже в документах.

А вскоре в поселок прибыл в полном составе 4-й трудовой полк Красной Армии. Бойцы сменили гимнастерки на горняцкую робу, обучались разным подземным профессиям, спускались в забои. За два года выработка на Первом руднике каждого забойщика поднялась с 22 тысяч пудов угля до 37 тысяч. Это была первая трудовая победа коллектива будущей шахты «Кочегарка», и именно в этот год, 1922-й, началась шахтерская биография Никифора Изотова.

Глава четвертая

УНИВЕРСИТЕТЫ ПОД ЗЕМЛЕЙ

Два события, горестное и радостное, отметили двадцатилетие Никифора Изотова, рослого парня с русым чубом, на которого заглядывались бедовые откатчицы. Годков с шестнадцати звали Никифора на Первом руднике и шахтарчуком, и шахтерским сыном. А в забой спуститься ему так пока и не удавалось. Уж так получалось. Ну, во-первых, в кочегарке он был нужен, полезен, а во-вторых, как только заводил он речь о руднике — мать сразу в слезы, отец сердито ронял: «Погляди вон, скольких уже шахта схоронила», — неопределенно кивал в сторону поселкового кладбища.

Сильного парня — за двоих уголь в топки котлов кидал, и очень добродушного — никого зря не обидит, знали все на Первом руднике. Да и он частенько после смены заходил в шахтное здание, наблюдал, как садятся в клеть горняки с обушками и топорами за поясом, как стволовой бьет два раза по подвешенному рядом рельсу, давая всем понятный сигнал: осторожно, людей спускаю. И в шахтном здании лебедчицы, девки сноро-

вистые, веселые, поблескивали в улыбках белыми зубами, пели:

Пойду в сад на самый зад,
Где трава немятая.
Не работа меня сушит,
А любовь проклятая.

— Когда свататься придешь, Никиша? — заигрывали с ним девчата.

— С шахтой наперед посвататься надо, — отвечал он, краснея от смелых девичьих шуток.

Весной 1922 года он решительно заявил родителям, что все, терпение его кончилось, хватит ему у топок уголек подбрасывать, что другие в забоях его рубят, пора самому попробовать. Мать Мария Павловна вдруг сказала:

— Мы, сынок, чего возражаем... В деревню надумали податься. Тянет родная сторонка. Землю крестьянам дают — соседи отписали, помогут и в другом. Может, и ты с нами? Сестра вон согласна, рада даже. Степь эта голая надоела, а у нас леса, речка чиста текет, — мечтательно говорила мать, и Никифор понял, что она видит сейчас их хату, все это в прошлом чужое, барское приволье. Даже его неграмотная мать понимает, что жизнь меняется на глазах, и уже своей, родной считает Малую Драгунку.

— Нет, мама, — возразил он решительно. — Вас неволить не стану, а от шахты никуда не пойду. Здесь люди нужны, всюду вон плакаты висят «В забой!». Что ж, в дезертиры себя записывать? Не-ет, не для того я с оружием за Горловку дрался.

— Ты же крестьянский сын, — пыталась урезонить его Мария Павловна, — и дед твой землю пахал. Чего ты под землю-то полезешь?

— Я сын трудового народа, — с улыбкой ответил Никифор популярной тогда фразой, не раз слышанной им на собраниях.

Проводив родителей, Никифор сразу же направился к Галицеву, нетерпеливому, горячему в работе, минуты не умеющему сидеть без дела. Потому его всегда можно было увидеть и в забое, и на шахтном дворе, и в кочегарке, только не в кабинете. Еще в двадцатом году, когда Горловка раз и навсегда перешла в руки народа и начала восстанавливать предприятия да заново отстраиваться, горняки единогласно избрали большевика Даниила Романовича Галицева председателем рабочего правления Первого рудника. Он уже выдвинул в главные инженеры Беликова, окончившего школу штейгеров, человека грамотного технически, правда, беспартийного, не очень разбиравшегося в текущем политическом моменте. Ему при выдвижении устроили экзамен рабочие.

— Как ты относишься к белым гадам и прочим оппортунистам? — задал вопрос забойщик Лука Зосим, красногвардеец, дравшийся за Петроград.

— Гады они и есть гады, — глубокомысленно ответил Беликов.

— В чем ты видишь главную задачу пролетариата, в том числе всемирного? — задан был следующий вопрос.

— Руководить по-справедливому и давать больше угля и иной продукции, — сказал кандидат в главные инженеры.

— Главное — завоевать доверие народа, — не сдавался Галицев.

— Само собой, — согласился Беликов.

На руднике Никифор и попал к Беликову, поинтересовался, может ли он повидать председателя.

— По какому делу? — хмуро спросил главный инженер.

— По личному, насчет работы. Да я был у него месяц назад, обещал он...

— В больницу его увезли. В Юзовку, — устало ответил Беликов парню, которого видел впервые.

— Чего с ним случилось-то? — несмело выдавил сразу упавший духом Изотов.

— Так со всеми будет, кто себя не щадит. Геройство свое показывает, — горячо заговорил Беликов. — Кто в шахте по две упряжки отсиживает? Кто норовит за всех все сделать? «Сгорел за трудовое дело», — вот как о нем скажут. А зачем, скажи, нам сгоревшие, нам живые нужны, они и нам и делу нужны...

И Никифор с изумлением увидел слезы на глазах сурового, известного своим неуступчивым характером человека. Ни о чем они больше не говорили в тот день. А когда ночью протяжно взревел гудок Первого рудника, понял Никифор, что умер Галицев в юзовской больнице. Через несколько дней после похорон первого председателя рабочего правления Беликов велел разыскать кочегара Изотова. В кабинете сразу же сказал:

— В забоях люди нужны. В двадцатом году страна добыла четыре с половиной миллиона тонн угля. В нынешнем задача стоит дать поболе семи миллионов. Это указание самого товарища Ленина. Рабочих рук не хватает, это и сдерживает производительность. Понял? Но учти, шахта не прощает небрежности, лени, зазнайства. Постой, а ты не боишься?

— Чего не боюсь? — не понял Никифор.

— Шахта — не аптека, уголек свой подход любит. Ты к нему с пониманием, и он тебя согреет. В общем, посмотрим. Иди, я распоряжусь, коли тебе сам Даниил Романович обещал...

Не все понял тогда из этого разговора Изотов, но главное понял — берут его, станет он шахтером.

Техминимум в те годы был коротким. Десятник выдал новичку брезентовую робу, обушок казенный, но посоветовал держак самому сделать, по руке. Определил Изотова в девятый уступ. Да еще посоветовал держаться поначалу бывалых горняков, совета спрашивать, от людей в забое не отбиваться, пока сам все не изучит.

Эхма, вот оно, счастье-то, привалило... Залетел Никифор вихрем в кочегарку, с порога крикнул ребятам, что завтра в первую смену спускается. Окружили его, кто по плечу хлопает, кто жалеет, что от них уходит. Вечером пристал Никифор к ватаге парней на околице поселка, от самокрутки отказался, зато с готовностью подхватил слова шахтерской песни:

Через минуту над вагоном
Уже стоял народ толпой,
А коногона к шахтной клети
Несли с разбитой головой...
Прощай навеки, коренная,
Мне не увидеться с тобой,
Прощай, Маруся, ламповая,
И ты, товарищ стволовой.

Песню о лихой и горькой шахтерской судьбе, сложенную, видно, удалыми коногонами в незапамятные времена.

После того, как уехала семья из Горловки, переселился Никифор на квартиру к забойщику Зубкову, благо жил тот рядом с рудником. Он-то и дал парню первые наставления, как вести себя в забое. Подержал обушок, неодобрительно покачал головой, посоветовал стеклом дерево зачистить. Пообещал со временем сделать Никифору особый держак, по руке. Вышли во двор, провел Зубков палочкой линию на сарае, поплевал в ладони, замахнулся обушком — рраз! Острие глубоко вошло в дерево.

— Тю, чумовой, — выглянула жена. — Митрич, ты никак умом тронулся.

— Показываю вот, — смущенно пояснил Зубков. — Ладно, шахта сама научит. Она, паря, умных лечит, а глупых калечит. Так-то.

Проснулся Никифор до гудка, наскоро оделся, пошел к шахте. В ламповой у него спросили табельный номер, записали, выдали лампу. Вслед за другими степенно пошел Никифор к стволу. В железную коробку

входило человек пятнадцать. Подошла очередь и Никифора. Стволовой крикнул: «Садись!», и он втиснулся в темную клеть, прижался боком к ее стальной стене. Прозвенел звонок, и вдруг пол под ногами стремительно ушел вниз. Никифор схватился машинально за стоящего рядом человека, тот поднял лампу, осветил лицо парня, тихонько сказал: «С ветерком пустили. Впервой, видно? Ничего, не робей. Я сам первый раз-то чуть «мама» не вскричал». От слов этих, неожиданного участия незнакомого горняка потеплело на сердце у Изотова. Может быть, в эти минуты, что падала клеть по стволу, вошло в его сознание понятие о шахтерском братстве — особом чувстве локтя, товарищества.

В первой же упряжке случился с Никифором конфуз. Бригада собралась в лаве, посидели для порядка, полезли друг за дружкой через лаз в пласте к лаве. В голове Никифора бились две цифры: двадцать и девять. Двадцатый участок, девятый уступ. Наверху уже начали отбойку, летели и в его сторону брызги штыба, мелкие куски угля. Вслед за другими карабкался Никифор вверх по лаве, цепляясь за крепежные стойки. Газовые лампы системы Вольфа тускло светили, Никифор с трудом различал лица товарищей, исчезавших в своих уступах. Спросил наугад у одного забойщика, какой это уступ, и услышав, что восьмой, залез повыше, устроился у забоя, взмахнул обушком. Выбил лунку, еще раз ударил, опять крошки угля посыпались вниз. Долбил-долбил упорно неподатливую твердь пласта, пока не услышал: «Ты чего тут, мать-перемать, рубишь?» — «Девятый уступ мой». — «Так уступ, а ты ножку гезенка подрубаешь. Давай за мной».

Потянулся Никифор за горняком. Тот показал ему уступ, объяснил, как держать обушок, сгонять стружку, куток как делать. Провозившись полчаса, хлопнул Никифора по спине: «Ну, давай, браток, а то я и конька не дам». — «Зовут тебя как?» — поинтересовался Никифор. «Какая разница? Ну, Федор...» Позже узнал

Изотов: конек — это полкрепи, два конька — дневная норма.

Вот так наука шахтерская. Лупил-лупил обушком пласт Никифор, весь взмок. Рубаху скинул, присел передохнуть. На поверхности, глядя на полные угля вагонетки, никогда бы не подумал, что непростое это дело — уступ гнать. Проезжал мимо паренек, глянул, присвистнул: «Эх, паря, с гулькин нос нарубил. Ты зубок косо держи». Нижний забойщик, судя по голосу, немолодой, скрипуче бросил: «Что, пацан, природу надумал обхитрить?»

Обидно стало Никифору; взялся крепче за обушок, стал бить косо. Все одно худо выходило: тесал пласт, а не рубил. Так промаялся всю смену. Дома тоскливо сказал хозяину:

— Митрич, не выйдет из меня шахтера...

Зубков, отзывчивый по натуре, подробно расспросил, в каком уступе был да что делал, укоризненно покачал головой, объяснил, что паренек незнакомый подсмеялся над новичком, зубок ровно держать надо. А главное, пласт свой знать, где у него прослойки, попадешь верно — сразу пачка угля упадет. Глянул на обушок, ободряюще посоветовал хорошо выспаться, а уж завтра они вместе помозгуют.

Снова тот же, девятый уступ. Приладился Никифор, ударил обушком в прожилок — брызнул уголь под ноги, с шорохом покатился вниз. Еще ударил, еще... Когда отслоилась верхняя пачка, рубить стало легче. Вошел в азарт Никифор, а тут Зубков к нему в уступ пожаловал. Глянул, одобрительно причмокнул, взял обушок: «Гляди, как надо». Ударял вроде несильно, а угля отбивал вдвое больше. По ходу учил: «Вот он, прожилок. Ну-ка! А если сюда? Ага, поддалась». Отложил обушок, сменил зубок, предложил крепь ставить. Два-три удара обушком в почву — и лунка готова. Взял Зубков стойку, в лунку установил, а наверх обапол плоский — р-раз топором. Прижал стояк обапол к кровле. «Второй

сам подбей. Да отмерь сначала, чтоб время зря не терять». Прикинул Никифор стояк, отсек топором лишнее, двумя ударами укрепил второй стояк под обапол.

— Вот и закрепил, — довольно сказал Зубков. — Не робей, шахта смелых да сноровистых любит.

В конце смены он еще раз наведался, весело присвистнул:

— Да ты, брат, вырубал седни конька. Бросай, а то руки обдерешь с непривычки. Знаешь, што скажу... Не поспешай. Давай так: с недельку по коньку в смену. А там поглядим. Нехай похихикают, есть тут зловредные старики. Не любят свои приемы показывать.

— Почему не любят? — удивился Никифор.

— Знаешь как раньше? Каждый за себя. Его, идола, не учили, так и он не хочет никому подмочь. Отрыжка прежняя, — пояснил Зубков. — Мозги им еще не проветрили хорошенько.

Не неделю, а целых три недели рубил без спешки Никифор, и десятник уже привычно выводил ему в ведомости конька. На одном наряде хохотнули: «Эй, парень, ты животом не маешься?» Другой подхватил: «На качелях бы тебе кататься в парке». Нет, не ленился Никифор. В кровь сбил ладони в первый день, с болью давался ему каждый удар обушком. Но смолчал, вытерпел, дружелюбно ответил: «Мышь тебе за пазуху, скоро на спор вызову». — «Это как понимать?» — «А так и понимай. Кто больше нарубит».

Нарядная грохнула хохотом.

К концу третьей недели десятник хмуро бросил на наряде:

— Изотов, тебе задание — полторы крепи. Понял?

Кивнул Никифор, пошел к клети. Зубков бывал у него в уступе чуть не ежедневно, мало говорил, зато много показывал: куда бить, как бить, учил читать пласт. А сегодня даже не подошел за всю смену, хотя наказ десятника слыхал. Упряжка в шесть утра началась, в двенадцать дня закончилась. У Никифора всего

крепь. Норму, в общем-то, дал, а задание не выполнил. Забойщиков не хватало, сменщика в девятом уступе пока не было. Остался Никифор, рубил уголь до четырех часов. Умаялся, а полторы крепи сделал. Зашел в нарядную, десятнику сказал негромко, что все, дескать, задание выполнено, идет домой. Тот глянул на парня, спросил, слыхал ли он что о Шубине?

— Не-а...

— Ладно, еще услышишь. Словом, Шубиным тебя не испугать?

Хитро прищурился, пожал на прощание руку. Как равному.

Дома, помывшись в тазу и выплеснув грязную воду в огород, поинтересовался у Митрича, кто это такой Шубин. Зубков заулыбался:

— Эт-то хозяин в шахте. Вроде домового, понял?

— Сказка, — догадался Никифор.

— Может, и сказка, — не стал возражать Зубков. — А история такая...

Сказывают, работящим людям Шубин помогает, а богатеев не жалует. Вот пропился как-то шахтер, попросился у подрядчика поработать в выходной. Тот согласился, только предупредил: «С похмельной-то головы много не нарубаешь. А ты еще и вагоны должен к стволу подогнать». Спустился парень в рудничный двор, глядит, старик какой-то с крючком в руках, каким вагонетки подтягивают, прохаживается. Подумал парень, что это новый стопорной или сторож. Полез он в лаву, рубит себе да рубит. Нарубал вагона два, спустился в откаточный, глядит, а весь состав уже нагружен. Ахнул он, пригляделся к старику, а у того глаза светятся. «Рубай, говорит, сынок, не бойся. Еще составчик катанем. Но предупреждаю, если и эти деньги пропьешь, никогда солнца больше не увидишь». Полез шахтер снова в лаву, трясется весь, а спросить старика боится. Недолго помахал обушком, вот и новый состав нагружен и уже под стволом стоит. Попрощались они так вежли-

венько, выехал парень на-гора. Его спрашивают, сколько нарубил, а он только вниз показывает, вымолвить ничего не может. Пришел в казарму, где одинокие жили, отмылся, ему друзья и говорят: «Ты чем голову намазал, медом, что ли?» Глянул парень на себя в зеркальце, а он весь седой. Сорок вагонеток за ним десятник записал, деньги сполна выплатил. Только парень тот зарекся водку в рот брать и вскоре с шахты ушел.

— Что это за старик был? — не выдержал Изотов.

— Шубин и был. А если он осерчает на хозяев, то дождется, когда люди с забоев выедут, спустится сам в клети. К утру, глядь, а шахта водой затоплена или обвал случился.

— Ну да, побасенки это, — не согласился Никифор.

— Эт-та верна, — не стал спорить Зубков. — Только люди байки-то от тяжкой доли придумывали. Бог, он не дюже помогает, так Шубина придумали. Защитник от богатеев.

— Чертознай, — догадался Никифор.

— И чертознай тоже, — отозвался Зубков. — Но наш, из рабочего класса, видно.

Трудовой успех, тем более в забое, редко приходит случайно. Дивились опытные шахтеры, как Никифор сноровисто рубит уголь, крепит, регулярно перевыполняет нормы. Видели, но помалкивали. По неписаным горняцким законам хвалить — значит портить. Да Никифор и не ждал похвал. Жила в нем радость движения, ощущения себя в работе, своей ловкости и силы. На вид увалень, а в лаве преображается. Глаз острый, бьет зубом обушка точно в прослойки. Зря силы не расходует, все с умом, и крепит быстро, с примером. Все же десятник не выдержал, похвалил: «Вижу, стараешься, — высказался на наряде. — Так и дальше давай». Тогда Никифор, осмелев, попросился в другой уступ. Левша он, несподручно рубить с этой стороны.

— Вот дурья голова, — оживился десятник. — Чего

молчал? Давай на пласт «Сорока» завтра выходи, там как раз забой под левую руку.

Оживился опытный десятник не зря: понимал, если парень приноровился в неудобном уступе, больше нормы дает, то в правом уступе, где замах сильнее будет, он вполне может отличиться. В первую же смену работы на «Сороке» вырубил Никифор две крепи, затем две с половиной, а там и пошел ровненько, без снижения. Раз Денисенко привел к нему в уступ молчаливого человека. Тот присел на глыбку угля, достал блокнотик, стал что-то черкать карандашом.

— Это для чего? — изумился Изотов.

— Ты руби давай, вроде меня тут нету, — отмахнулся хронометражист. — И ничего не спрашивай до конца смены. Понял?

Разъяснил все Денисенко. Об успехах Изотова начальство прослышало, вот и поручило зафиксировать время на все операции, которые он, Никифор, затрачивает в уступе за смену.

— Почему меня? — вновь не понял Никифор.

— Поручили опыт ударников изучать, — ответил Денисенко.

Во-от как, выходит, он в ударники попал. Интересно!.. Польстили эти слова молодому шахтеру. Слыхал он про ударников, считал их людьми вроде как необыкновенными, а тут — и он с ними в одном ряду. Так получил Изотов еще один предметный урок: что вовремя сказанное доброе слово, моральная поддержка куда дороже лишнего червонца. А зарабатывал он теперь за месяц, между прочим, больше всех на шахте № 1. По сему случаю на доске объявлений появилась «молния» с фамилией Изотова крупными буквами. Даже покраснел Никифор от смущения, когда мимо проходил. Зубков его первым поздравил, посоветовал:

— Учиться тебе надо.

К концу 1922 года на шахту № 1 прибыло немало новых людей. Одни возвращались, сняв солдатскую ши-

Н. А. Изотов.



Н. А. Изотов-красноармеец. 1924 г.



Субботник в Горловке. 1932 г.



Н. А. Изотов с учениками. 1933 г.



Н. А. Изотов с женой. 1933 г.

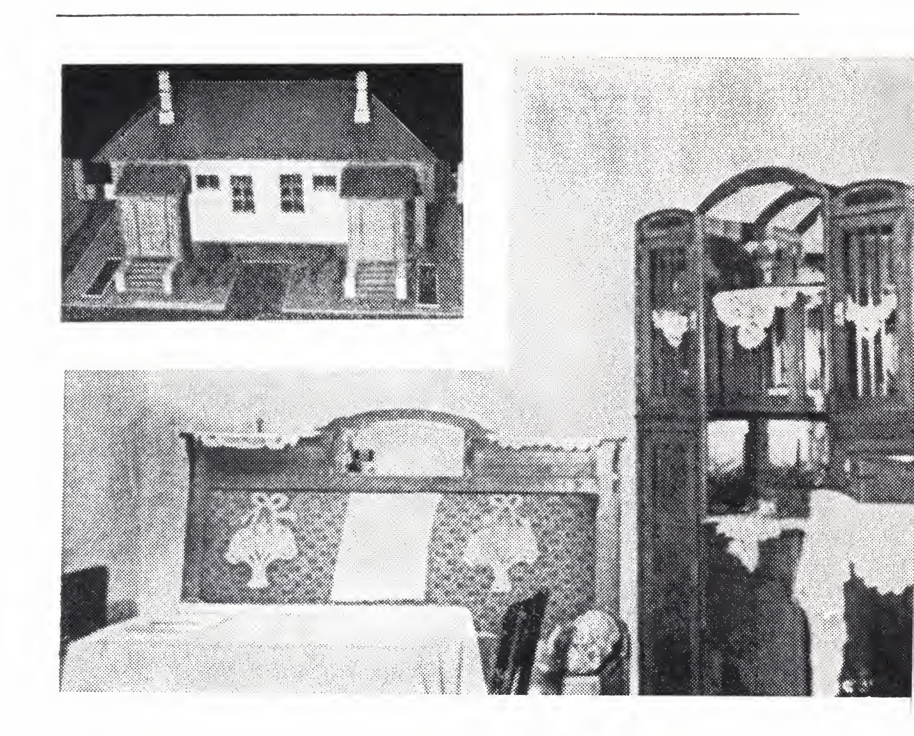


На трибуне стадиона. 1935 г.



Макет дома Н. А. Изотова в Горловке.
Горловский исторический музей.

Комната Н. А. Изотова в его доме.



Выступление Н. А. Изотова на партийном собрании. 1930-е гг.



ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦИК СССР

О НАГРАЖДЕНИИ ОРДЕНОМ ЛЕНИНА ЗАБОЙЩИКА ШАХТЫ № 1 ГОРЛОВКИ Н. А. ИЗОТОВА

Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР

постановляет:

За лучшие образцы ударной работы по добыче угля, за инициативу в деле организации нового эффективного метода вырубки его и за хорошую подготовку квалифицированных кадров забойщиков — наградить забойщика-инструктора шахты № 1 в Горловке тов. ИЗОТОВА Никиту Алексеевича орденом ЛЕНИНА.

Председатель ЦИК СССР М. КАЛИНИН

Секретарь ЦИК СССР А. ЕНУКИДЗЕ

Москва, Кремль, 17 апреля 1934 г.

Н. А. Изотов на даче у А. М. Горького под Москвой.



На занятиях в Промакадемии.



Вручение Н. А. Изотову ордена Трудового Красного Знамени. 1939 г.



Н. А. Изотов. Фото 1948 г.



Наследники славы Изотова.



Митинг у памятника Н. А. Изотову
в 50-ю годовщину изотовского движения
11 мая 1982 г.

Сегодняшний вид шахты «Кочегарка».





Почетная награда лучшим угледобытчикам.



нель и сдав винтовку. Другие, получив письмо от свояка или земляка, что рассылали по просьбе партийной организации горняки, собирали нехитрые пожитки, отправлялись в Горловку из Смоленщины, Курщины, Орловщины, Брянщины... Деньги были обесценены, поэтому правление шахты ввело в расчет свои боны — по ним отпускали продукты и промтовары. А забойщикам еще доплачивали хлебом, учитывая тяжелую физическую нагрузку.

Но и в эти трудные месяцы большевики думали о завтрашнем дне. И не только думали. Еще на I съезде Советов Горловского района, в 1920 году, депутаты решили образовать пятнадцать школ ликбеза. На шахте № 1 такую школу возглавила П. Е. Белая, жена штейгера Г. Д. Белого, погибшего несколько лет назад во время взрыва метана на пласте «Толстый». Он проявил тогда геройство, спасая рабочих, посмертно избрали его почетным депутатом в Горловский Совет. Помимо школы, на шахте работали кружки по ликвидации неграмотности и малограмотности. Вели занятия инженеры, техники. Учились по программе школы, но попутно объясняли и азбуку горного дела. Среди тех, кто никогда не пропускал занятия, был и Изотов. Он так объяснял свое прилежание Денисенко, человеку прямому, но душевному, всегда находившему пару добрых ободряющих слов для новичков:

— Понимаешь, дядя Гавриил, хожу я на уроки, а с глаз словно темень сходит. Грамота — это само собой. Тут еще узнаешь, откуда уголь взялся, как он в земле залегает, весь путь его от забоя до эстакады видишь. Прямо душа радуется, мышь им за пазуху.

Денисенко смеялся:

— Гляжу, Никиша, ваши-то орловские гнут по-матерному в три дуги, а от тебя слова бранного не слыхал. Небось дома хорошо было, родители себя блюли. Ты не из духовных?

— Скажешь, дядя Гавриил. Не угадал. Дома отец

бранился пуще всех в деревне. С пеленок матерки только и слышал. Противны мне эти слова до сих пор. Как увижу материны глаза, сестренку испуганную, так и застывают на губах матюки эти.

— Во-от как бывает, — удивился Денисенко. — Это хорошо, добро. Уйдут и матюки из шахтерской жизни. Да-к с нее-то раньше завыть можно было, не то что ругнуться... «Шахтер рубит, шахтер бьет, под землею ход ведет. Шахтер радости не видит, с горя песенки поет», — прочитал Денисенко. — А песенки какие? «Распроклятый рудник пятый, где ты милого запрятал?» Погиб, значит, — пояснил он. — «Я надену бело платье, прицеплю семнадцать роз, пойду лягу под машину, пусть задавит паровоз...» Вот какие песни пели, — закончил он.

— Новые теперь песни шахтеры запоют, — догадался Никифор.

— Запоют, да не скоро. Вишь, сколь еще прорех у нас, не ладится пока дело. То того нет, то другого. Верить важно, что будет лучше — сами теперь хозяева. Без такой веры не выкарабкаться, — заключил Денисенко, довольный этим разговором.

Катилось время, неделя за неделей, и каждая, словно экзамен на пролетарскую зрелость. И плотники, и слесаря спускались в шахту, нередко уже отработав смену, чтобы вытянуть на плечах еще и подземную упряжку. Опытные забойщики брали над ними индивидуальное шефство, учили рубить уголь. И все же людей в забоях остро не хватало.

Никто не роптал. Понимали, что новую жизнь с маху не построишь. Чтобы вытянуть задание по добыче угля, приходилось забойщикам делать в месяц по пятьдесят-шестьдесят выходов. Да нередко еще после работы собирать в отвалах и на поверхности крепежный лес, помогать в котельной кочегарам. Не хватало лошадей, и забойщики вручную гнали вагонетки с топливом к подъему.

Но работали все споро, азартно: не ныли, не жаловались. Твердо верили: со временем все изменится, и они, горняки, заживут по-иному. И когда новый председатель правления рудника Коробкин запаниковал, поддался шепоткам старых служащих из конторы, что не верили ни в победу мирового пролетариата, ни в новую власть, то кузнец Семен Яковлевич Бескаравайнов публично выразил ему недоверие. Тот самый кузнец, на квартире которого когда-то нелегально проживал организатор знаменитой Морозовской стачки Петр Моисеенко. По просьбе кадровых горняков вопрос о работе правления шахты № 1 изучила Горловская рабоче-крестьянская инспекция. Коробкина отстранили от должности председателя. Руководитель инспекции Франц Клиппе посоветовал ветеранам:

— Каждый из вас должен стать хозяином рудника. Увидел непорядок — собери товарищей, устрани своими силами.

Новый быт постепенно входил в сознание и семей горловчан. Закрылись все питейные заведения в поселке, и не горланили теперь в рощицах с получки подвыпившие горняки, не затевали драк чубатые коногоны. На шахте № 1 уже складывался прочный коллектив, более тысячи рабочих и служащих значилось в штатном расписании. Ну хорошо, кабаки закрыли, а они были привычным местом, где собирались, обменивались мнениями. Что взамен людям дать, куда им свободное время девать? Ведь даже собраться негде — лишь небольшой садочек у белого дома бывшего управляющего остался. Комсомольская ячейка объявила ударный фронт: «Даешь молодежный парк!»

На пустыре высадили деревья и кустарник, разбили клумбы. Соорудили летний театр на четыреста мест. Все споро, быстро. Днем здесь политкружки работали, школы ликбеза, а вечерами на сцене выступали самодеятельные артисты: и пели, и плясали, и распевали озорные частушки, и устраивали состязание силачей.

Когда Никифор Изотов больше всех выжал двухпудовик да еще вдобавок им перекрестился, то заслужил бурные аплодисменты зала. Зато после вечера секретарь ячейки сделал ему замечание: мол, крестился гирей зря, отрыжка это проклятого прошлого. «Да я ж шутя, — оправдывался Никифор, — в цирке раз такое видел, когда в Юзовку ездил». — «То цирк, а тут комсомольский театр», — парировал секретарь, «заостренный» на наступательное безбожие: такое уж было время.

За два года работы в шахте окреп Никифор физически, набил себе в забое стальные мускулы, а еще более созрел духовно. Вместе с мастерством пришла уверенность, гордость за свою профессию. Он, Изотов, нужен шахте, его безоговорочно приняло подземное братство, распознав в нем и чуткую душу, и желание помочь товарищу. Его имя не сходило с доски ударников. И немало пригожих дивчин, чернооких украинских певуний заглядывались на статного парня с русым чубом и добрым лицом.

Не ходил на вечеринки Никифор, не влекли его и ватаги парней, допоздна ходивших с гармонией по улицам, сдвинув набекрень фуражки с лакированным козырьком. Денисенко называл его домоседом, спрашивал, не пора ли остепениться, пустить прочно корни на донецкой земле, подразумевая под этим семью, свой дом. Неохотно отвечал на такие вопросы Никифор даже ему, которого считал скорее за отца, чем за наставника, хотя никогда не говорил об этом. Да Гавриил Семенович и сам догадывался, что выделяет его Изотов, тянется к нему, хоть и стал ударником. Значит, живет в нем благодарность за те первые уроки труда, значит, и сам от того отзывчивей стал. Не пропадают добрые семена, внесенные в хорошую почву.

Весь нараспашку был Никифор, а одного не знали о нем ни Денисенко, ни другие: почему не глядит на девчат, сторонится вечеринок. Во время болезни оказался

Никифор в Малой Драгунке, там и встретился ненароком с Надеждой, Надюшей. Родом она из соседней деревни, а познакомила их сестра. Темно-русая девушка с неброской русской красотой сразу вошла в сердце восемнадцатилетнего юноши. Голос у нее — говорит, словно песню играет, а сама приветлива, дружелюбна. О себе охотно рассказала. Отец железнодорожник, привыкла она к перестуку поездов, паровозным гудкам. Но и в поле работает, в огороде, и еще вышивать любит, наверное, это у нее от матери, искусной рукодельницы. Несколько раз всего и встречался-то Никифор с Надеждой, но важно разве время, важно душой человека почувствовать, сердцем его понять. Ни о чем не говорили они на прощанье. Одно лишь сказал дома Изотов-младший родителям, что жениться приедет сюда, домой. Твердо сказал, с тем и уехал. Наверное, дошли эти слова до Надежды.

Встретились они еще раз уже в 1924 году. Приехал Никифор в Малую Драгунку по письму родителей — отсюда надлежало ему идти служить в Красную Армию. Провожали в Орел новобранцев всей деревней, пришла и Надежда. Робко протянула Никифору три платка носовых с вязью вышивки: «Не забывай». Как же забудешь ее, такую?

В Орловском военкомате Изотов попал на собеседование к немолодому человеку в очках, который говорил, с трудом сдерживая постоянный кашель. Выяснилось, что военный — шахтер из Горловки, партизанил, потом воевал, так и остался в армии. Он с интересом расспрашивал Никифора о знакомых, удивлялся новостям. Под конец сказал:

— Вот что, земляк, направлю я тебя в столичную воинскую часть. Почетно это, в самой Москве службу проходить. Узнаешь многое, вернешься — будет о чем порассказать.

Он и провожал до вокзала команду новобранцев, что отправлялась в Москву.

В Москве Изотов попал в артиллерийскую часть, которая размещалась в казармах на Покровском бульваре.

— Красноармеец Изотов, определяем вас в школу артиллерийских наводчиков, — сказал командир части после того, как новобранцы приняли присягу. — К навыкам нужны и знания. — И уже по-свойски попросил: — Смотри, шахтер, не оплошай, учись. Я за тебя поручился.

Вспоминал позже Никифор, с каким трудом постигал он простые и десятичные дроби, как одолевал уставы. Но прошло время, и отправил он в Малую Драгунку письмо. Сообщая родителям о здоровье и службе, передавая приветы родственникам и знакомым, не без хвастовства щегольнул: «Не могу уже дня прожить, не прочитав газеты».

Служба есть служба. Построения, дежурства, политзанятия, выезды на полигон. Однажды дежурил Изотов по кухне. Столовая после завтрака опустела, повар готовил продукты к обеду, ворчал, что опять мясо привезли с мослами, а ему хочется угостить красноармейцев макаронами по-флотски, так вот теперь надо выкручиваться... В середине этой тирады вдруг отворилась дверь, вошел командир части и еще несколько военных. Один из командиров, невысокий, в щегольском тонкого сукна френче с четырьмя ромбами на петлицах, принял рапорт дежурного, осведомился, из каких Изотов краев. Узнав, что из Донбасса, принялся расспрашивать о добыче на шахте, о снабжении. Командиры молча переминались с ноги на ногу. Наконец визитер обернулся и к ним.

— Товарищ Ворошилов, продукты не всегда качественные привозят, — доложил командир части.

У Никифора, видимо, глаза округлились: еще бы — сам командующий Московским округом!

А тот, с отработанным дружелюбием большого начальника, похлопал бойца по плечу:

— Что, земляк, растерялся? Комокруга тоже красноармеец, такую же присягу принимал. Ты кто по армейской специальности? Наводчик? Молодец. — И добавил назидательно: — Учиться надо, всегда учиться, как можно больше. Так-то, дорогой товарищ!

Осенью 1926 года расставался с сослуживцами старшина батареи Никифор Изотов. Взгрустнулось, когда на Курском вокзале сел в поезд. Когда-то попадет он теперь в Москву, с которой сроднился, которую полюбил?

Глава пятая

ЗРЕЛОСТЬ

Широко шагал по ухабистым улицам Малой Драгунки рослый красноармеец, с треугольничками-пирамидками в петлицах, с вещмешком на плече. Обходил лужи, чтобы не замарать начищенных до блеска сапог. Вежливо козырял встречным. Лишь немногие узнавали в бравом парне Никифора Изотова. Пока дошел до дома, ни с кем даже не остановился, так торопился увидеть своих. А подошел к крыльцу — окна забиты жердями крест-накрест. Вот те на! Рванул дверь — и в нос ударил кислый запах нежилого помещения. У соседей узнал, что наладить хозяйство родителям так и не удалось. Отец куда-то на заработки подался, а мать вернулась в Горловку, наказала, если Никифор явится, то пускай без промедления в поселок возвращается, она там с сестрой будет его ждать и квартиру приготовит.

Переночевал Никифор дома, вновь вещмешок на плечо, зашагал к станции. Так определили досужие соседи. Однако не сразу к станции направился Изотов, а прежде зашел проведать Надежду Николаевну, Надюшу. Увидела его, ахнула, за грудь схватилась. Вся зарделась, когда достал он из вещмешка московский по-

дарок — цветную шаль с кистями. На прощанье Никифор коротко сказал, что как только определится на работу, квартиру в Горловке найдет, так сразу и приедет за ней. Четко все объяснил, по-военному.

На шахте № 1 Изотова встретили приветливо. Многое в Горловке изменилось к лучшему за те два года, что служил он в Москве. Однако и бед немало осталось. Летунов по-прежнему много, так что в забоях опытные люди нужны прямо позарез. Путевое хозяйство никак не наладят, бурятся вагонетки на путях. С крепежным лесом перебои. Инженеров и техников вроде бы и немало на шахте, да все они что-то пишут, в приказах грозятся, в телефонные трубки с трестовским начальством лаются. Все это поведали Никифору старые други-забойщики Федор Артюхов, молодой крепыш с цыганистыми черными глазами, и сухопарый подвижный Денисенко, который все обушок не отставляет в сторонку, никак не может без шахты. Но и нового много.

Изменилась внешне Горловка. Замостили главные улицы, на месте развалюх каменные дома появились. Добротные, в два этажа, каждый на четыре семьи. Административное здание шахты отремонтировали, пристроили к нему помещение шахтерской бани. Узнал Никифор, что в 1925 году в Горловке собирался I Всероссийский съезд по безопасности горных работ. Участвовали в нем видные ученые, профессора горного дела Скочинский, Терпигорев, Шевяков. Съезд запретил пользоваться опасными при скоплении метана лампами Вольфа. Их заменили аккумуляторными лампами. Должности новые появились на шахтах — табакотрусы. Приглашали ветеранов-горняков, внушали им, как опасны в забое не то что огонь, а даже искра. И усердно проверяли всех перед клетью, отбирали табак и спички. Спецодежду стали давать регулярно. Вот такие дела.

Мать, Марию Павловну, разыскал Никифор в первый же день приезда: нанялась она кухаркой в бригаду

каменщиков, кормилась с ними, дочка голодной не ходила. «Погодите, мама, скоро заживем лучше», — пообещал Никифор. Отдел кадров направил Изотова на самый тяжелый 19-й участок. Уходили с него шахтеры, не выдерживали: пласт с утонениями, «перекатами», как говорят горняки, с породными прослойками. Что ж, к трудностям не привыкать. С месяц воевал с капризным пластом Никифор, упряжки пересиживал, а давал все время больше нормы. В иные дни до двенадцати рублей вырабатывал, а поденная ставка — 2 рубля 75 копеек. Перевели его на пласт «Мазурка». Начальник участка Логвиненко предупредил:

— Гляди, Изотов, уголек у нас крепкий. Правда, без прослойков. Приглядись вначале, день тебе на знакомство даю.

— Михаил Ильич, за день можно десяток вагонов нарубить, а я только глядеть буду, — засомневался Никифор. — Что мне, с уступом целоваться, как с барышней, что ли? Поймем друг дружку.

На «Мазурке» работал и Федор Артюхов, и конармеец Ермолай Ермачек. Встретили они Никифора радостно.

— Тряхнем недра, елкина мать, — говорил Федор. — Уголек крепок, да нормы — тьфу для нас.

— Это почему же? — заинтересовался Изотов.

— На такие ответы инженеры есть, не наших мозгов забота, — глубокомысленно произнес Федор и для наглядности плюнул. — По науке, видно, нормы-то рассчитали. Наше дело телячье...

— Ты, Федор, больше на бычка смахиваешь, — врезал ему Изотов. — Не на хозяев работаем...

— Погоди, ты к чему это? — разволновался Артюхов.

— А к тому... Если ошиблись в конторе, то мы им подсказать должны. Поправить, одним словом.

— Эт-та што, в армии так учат, командирам не подчиняться? — нашелся Федор.

— Ты словами зря не играй, — спокойно посоветовал Никифор. — Армия уголь не добывает. А в стране каждая тонна на учете... Это уже не телячье дело. Понимать надо.

Артюхов молчал, как-то надвое улыбался. То ли соглашался, то ли нет.

Пласт на этом горизонте требовал не только больших физических усилий. Навык силу борет — говорят в народе. Зашел после бани в нарядную участка Изотов. Весь распаренный, светлые глаза в окаймлении причерненных неотмываемой угольной пылью ресниц светятся. Обратился к Логвиненко:

— Ильич, как бы глянуть на наш пласт в разрезе?

— В каком таком разрезе? — сразу не понял начальник участка.

— В геологическом, — буднично произнес Никифор. — Чтоб не требовалось догадываться каждому, где кливаж, а где прослоек. Есть у нас на шахте и геологи, и маркшейдеры. Пускай нам пласт наглядно изобразят. А мы уж на практике, так сказать, обушком их инженерную грамотность проверим.

— Дельно, дельно, — заинтересовался Логвиненко. — Я поговорю.

Через несколько дней в нарядной появились схемы всего участка — и отработки уступов, и проветривания, и откатки. Отдельно для наглядности в цвете изобразил геолог пласт в разрезе с указанием крепости в условных единицах по таблице Протодьяконова. Позже коллективно составили памятку для начинающего забойщика.

Год 1926-й горняки Донбасса ознаменовали выходом на рубеж 1913 года по добыче угля. Иными словами, восстановительный период закончился, выдвигались на повестку дня новые большие задачи по развитию бассейна. Большевики своевременно разглядели возможную угрозу топливного кризиса — развитие промышленности опережало добычу угля. На XIV съезде партии был определен генеральный курс: превратить страну из

аграрной в индустриальную, способную производить собственными силами необходимое оборудование. На партийных конференциях и собраниях говорилось о том, что достигнутый довоенный уровень, которым иные хозяйственники очень гордятся, — это уровень отсталой страны. Необходимо, мол, двигаться дальше, основываясь на достижениях науки и техники, передового опыта.

Уж чего-чего, а опыта Изотову было не занимать. Месяц за месяцем «Мазурка» шла впереди, а ударники Изотов, Артюхов, братья Шушарины давали по четырепять норм. Тогда и вспомнился Никифору тот давнишний разговор с Федором Артюховым. «Что ж за нормы такие, если их так легко перекрываем, все ли правильно рассчитали в конторе?» — поделился он своими сомнениями с товарищами.

— Верно, слабоваты нормы, — сразу согласился Ермолай Ермачек.

— Тьфу, одно слово, — поддержал и Артюхов.

Тогда предложил Изотов попросить Логвиненко от имени всех ударников «Мазурки» поднять нормы, а то как-то неудобно, стыдно даже.

— Вроде сами себя надуваем, — закончил он свою мысль.

Начальник участка выслушал это предложение, просиял, крепко тряхнул руку каждого из ударников, выражая полную солидарность, с интересом прикинул:

— Значит, так... Если сейчас поденно четыре с половиной тонны на забойщика, то мы попросим поднять до шести тонн. Так? Гляди, ребята, чего удумали. Нет, право слово, здорово, — заключил он. (Много лет спустя М. И. Логвиненко стал Героем Социалистического Труда.)

Шахтная администрация вначале отнеслась к начинанию ударников с «Мазурки» скептически. Предприятие хромало, надзор увязал в мелких текущих ремонтах выработок, путей, ствола, заведующий шахтой не видел перспективы на завтра, отсиживался в кабинете,

в забои даже спускаться перестал, боясь вопросов острых на язык горняков. Десятники, начальники участков приходили в контору, грохали кулаками об стол, требовали улучшить снабжение материалами, инструментом, наладить откатку угля к стволу. С ними соглашались, торопливо отделывались обещаниями.

Такова была обстановка, когда родилась на Первом руднике замечательная инициатива снизу о пересмотре норм. Ее сразу оценила партячейка: коммунисты одобрили почин на собрании, дали перцу заведующему шахтой. А когда «Мазурка» после введения новых норм вновь по итогам месяца оказалась впереди и Изотов громко объявил у окошечка кассы, что заработал триста рублей, то признание рабочего почина стало полным.

На других участках ударники также требовали пересмотра норм: и на добычу угля, и на проходку подготовительных выработок. Изотова, хоть и был он беспартийным, пригласили выступить на горловской партконференции с рассказом о борьбе с отжившими нормами. Не приходилось еще Никифору выступать, вот и пришел за советом к Логвиненко:

— Михаил Ильич, как представлю себя на трибуне, так аж язык деревенеет. Что ж будет, когда в самом деле выйду? Может, ты выступишь. Уважь, а?

— Присваивать твои заслуги не имею права, — отказался Логвиненко. И посоветовал: — Ты представь себе, что в нарядной говоришь, товарищам своим. Понял? В зале и будут товарищи — горняки, металлурги, транспортники. Одна рабочая косточка, так что — не боись.

Это первое выступление, которого так опасался Никифор, сыграло с ним неожиданную шутку. «Вот уж правду говорят, что судьбу не обойдешь», — раздумывал Изотов после вызова в Горловский райисполком. Случилось так, что после конференции, где говорил он просто, толково, решили выдвинуть его как передовика

и сознательного рабочего заведовать районным отделом коммунального хозяйства.

— И не вздумай отказываться, — говорил ему веско председатель райисполкома, наклоняя выбритую голову. — Меня вон посадили в это кресло, не спрашивая согласия. Из седла да за стол. Я же кадровый командир. Никто согласия не спрашивал, сказали, мол, надо. Так и с тобой говорю. Участок сложный, жилья не хватает, ремонтировать надо, дороги и тротуары в порядок приводить, водоснабжение наладить, — перечислял он.

Что ж, надо, так надо. Армейская закалка сказалась, ответил коротко:

— Есть, товарищ командир.

Повеселевший председатель ободрил:

— На время, понял? Так что не убивайся. Вернешься еще на свою шахту.

«Хоть и не очень хотелось мне бросать забой, но за новую работу принялся я горячо. Красноармейская школа дала мне очень много, а все же тяжеловато было, особенно первое время. Проработал я в комхозе два года — 1929-й и 1930-й — и стал проситься обратно в забой. Наконец мою просьбу «удовлетворили»: послали заведовать Червонопахарской сельскохозяйственной школой. Эта школа готовила садоводов, животноводов и огородников. При ней было большое хозяйство. Дело для меня совсем новое, но раз поручили, пришлось взяться и за него. Опять тяжеловато пришлось: хозяйство большое, учеников много, а помощи ниоткуда. Работа мне понравилась. Приятно было жить и работать среди новой молодежи, и часто я завидовал их детству. Понемногу подтянул школу, обсеялись, собрали урожай. Начал я зарываться в земельное дело...» — писал Н. Изотов в своих биографических заметках.

Хочется в этих воспоминаниях выделить слова — «раз поручили — пришлось взяться». В них — весь Ни-

кифор Изотов и тех лет, и более зрелый, в период героического ударничества, в тяжкие годы войны и восстановления Донбасса после Победы; и так — до последнего дня. В нем жило обостренное чувство долга, внутренней дисциплины и той социальной порядочности, что заставляет думать, болеть в первую очередь о деле, о коллективе, ставить всегда на первый план понятие «наше», а не «мое».

Годы громкой славы, встречи и знакомства с самыми известными в стране людьми, служебные взлеты и горечь потерь ожидали крестьянского мальчонку с Орловщины впереди, о чем он не мог не только догадываться, но даже помыслить. Слово «карьера» не значилось в лексиконе его поколения, а трудовой азарт был естественным состоянием богатырской натуры Изотова. В 1930 году он вернулся в Горловку. Вернулся не один, а с женой Надюшей и годовалой дочкой Зиной. Когда увидел знакомые терриконы, высокий копер, дрогнуло сердце, попросил возчика, что взялся доставить семью от станции, остановиться, встал с подводы, низко, по-крестьянски, поклонился в сторону шахты, своего Первого рудника. Пока ехали улицей, с лица не сходила улыбка.

Сняли Изотовы квартиру у одинокой женщины, вернее, не квартиру даже, а комнату. Хозяйка потребовала деньги за постой вперед, предупредила, что крика детского не выносит, подозрительно выспрашивала Никифора: точно ли он шахтер или впервые сюда попал, потому как она пускает квартирантов ради пайкового угля, что дают лишь кадровым горнякам.

— Шахтер, подземного племени, — с улыбкой отвечал Никифор. — С самого Первого рудника. Уж чем-чем, а углем на зиму запасемся.

Еще на станции, когда вышли из вагона, внимание Изотова привлек плакат. На нем был изображен молодцеватый шахтер с отбойным молотком на плече, а ниже надпись: «Товарищ! А ты что сделал для преодоле-

ния отставания Донбасса? Не забывай: судьбу первой пятилетки решает уголь».

Едва разложили в комнате нехитрые пожитки и Надежда ушла с хозяйкой на кухню готовить, Никифор кепку в руки — и на улицу. И сразу повстречался со старым товарищем Елисеем Ходотовым, бывшим председателем шахткома. Оба обрадовались встрече.

— Потянуло к угольку? — с улыбкой спрашивал Ходотов. — Как же иначе, душа шахтерская, тосковал небось по забою. Ты же вроде в начальниках ходил?

— Сельхозшколой последние месяцы заведовал, да не вытерпел, попросился назад, — сообщал Никифор. — А тут вы подкачали с добычей. Вот это и задело мне за душу. Подмогнуть решил. Ну что у нас, рассказывай?

Помрачнел Елисей, свернул самокрутку, пожаловался: на Первом руднике прямо беда, каждый божий день по четыреста-пятьсот тонн минус. И контора вроде на все педали жмет, и забойщики не на отсидку в шахту спускаются, а вот поди ж ты. Что ни день, то срывы да перебои: в уступ придешь — крепежного лесу нет, лес доставят — порожняка нет. Отбойные молотки дали забойщикам, а с ними морока — то давления в шланге не хватает, то вообще недобитое кулачье воздухопровод перережет.

— Не-ет порядка, — говорил Ходотов. — Бюрократы позасели в конторах, им за воротник не каплет. Получка идет, на пролетках разъезжают. Ну да сам увидишь. Ладно, рад, что приехал — нашего полку прибыло. Молчать не будем, общими усилиями порядок наведем. Рано ли, поздно ли, — закончил Елисей как-то уныло.

Такой тон не понравился Изотову, и он напрямик сказал, что ведь он, Ходотов, в числе выборных встречал в двадцатом году Калинина, не оробел же беседовать с ним, а теперь чего нюни распустил.

— Написал бы Михаилу Ивановичу в Москву письмо, раз бюрократы заели, — сердясь, говорил он.

— Ты не подумай, не все плохо, — стал оправдываться Ходотов. — Это я как своему человеку душу облегчил. Перемен тоже много... Первый ствол углубили, третий вентиляционный переоборудовали в грузовой, уже добыча по нему пошла. Маматова Даниила помнишь? Отличился он, прямо герой!

Случилось же вот что.

Чтобы поднять угледобычу, шахтные умельцы предложили спаривать лавы. Это ускоряло доставку добытого топлива. Так называемая система ската, когда две лавы соединяются вертикальной выработкой и уголь скатывается с верхней в нижнюю и грузится здесь в вагонетки, прижилась на шахте № 1. Чуть не вдвое поднялась оборачиваемость подземных составов. Но однажды произошла беда. Люк под лавой открыт, а уголь не сыплется. Коногон, грузивший вагонетки, сразу смекнул: пробка в скате. А как ее пробить? Вызвался Даниил Маматов.

— Согласовал бы с начальством, — засомневался коногон Сергей Филиппов, придерживая лошадей и глядя, как Даниил крепит трос к поясу.

— Я, между прочим, партийный, — спокойно ответил Маматов. — Вот я у своей совести и спросил, как быть. А она мне ответила: если можешь сам устранить неполадки, то действуй, а не ищи помощников. Понял? Ты лучше вот что — в случае чего тащи трос. Ну, застряну ежели.

С этими словами он исчез в скате. Поднявшись на семьдесят метров вверх, Маматов увидел, что две затяжки закрестили выработку, а на них лежал уголь. Раздумывать было некогда, начал Маматов осторожненько так разбучивать пробку. Упершись в край ската, он подбил одну доску. С грохотом ринулась вниз горная масса, куски били забойщика по ногам, но он терпел.

Когда спустился в штрек, ноги не держали, сел прямо на почву. Сергей дрогнувшим голосом сказал:

— Ну, брат, не думал тебя увидеть. Знаешь, сколько высыпалось из дыры этой? Девяносто тонн, как только успевал вагонетки толкать.

Никифор выслушал рассказ, ответил, что, конечно, Маматов жизнью рисковал, но ведь не по дурости или там озорству, а в интересах общего дела.

— Сам-то молчал, — добавил Ходотов. — Если б Сережка Филиппов не рассказал, то и не узнали бы.

— Вот это совсем здорово, — отозвался Изотов. — Молодчага. На себя работаем, чего хвастаться...

Как встречаются с близкими людьми после вынужденной разлуки, так приняли Изотова шахтеры. И так случилось, что Сыромятников, старый товарищ по забою, уговорил Никифора поработать у него в бригаде проходчиков.

— Временно, — уточнил он. — Знаю, ты душа угольная. Запородились мы с подготовкой. Выручай.

Те же доводы услышал Изотов и в отделе кадров. Предложили несколько дней пройти техминимум в бригаде Цыганкова. Проходчика Андрея Петровича Изотов знал, уважал за сметку, трудолюбие. Охотно согласился поработать под его началом.

Почему направили именно к Цыганкову, он понял позже. В нижнем штреке Никифора встретил бригадир, хлопнул по плечу, радушно сказал:

— Просим, просим. Знакомься, мои сыновья. Они уже без тебя в шахту пришли — Павел, Василий и Леонид.

Крепкие парни степенно тряхнули руку незнакомому могучему человеку, промолчали. Да и о чем в забое говорить? Он сам, забой, лучший экзаменатор, всю правду о каждом скажет. Цыганков в работе нетерпелив, досуж на всякие выдумки, не раз ставил рекорды при прохождении штреков в самых сложных геологических условиях — по пятьдесят погонных метров в месяц да-

вали. Со многих шахт приезжали к нему за опытом. Пожалуй, первым в Донбассе применил Цыганков на проходке совмещение профессий. Если б не «семейственность», может, и не открылся Цыганкову этот метод.

Попробуй уговори проходчика: и бурить, и отпаливать, и породу убирать, и крепить. А тут — сыновья, с ними проще. Поглядели другие — мать честная, дак это ж можно простои сократить. А платят всем по пройденным погонным метрам выработок. Выгода прямая. Цыганков придумал перед отпалкой бурок железные листы под забой настилать. После взрыва куда легче отбитую породу и уголь убирать с этих листов в вагонетки. И даже лопаты особые сам придумал — широкие, обрубленные по углам, с удлиненным держаком. Их так и называли потом на многих шахтах — «цыганковские лопаты». Сердились шахтеры, если выдавали обычные, заводские.

— Не-е, мне цыганковскую, сподручнее кидать...

Очень довольный практикой, перешел Изотов в бригаду Сыромятникова. С помощью Изотова здесь вскоре ввели новый график, и за две недели прошли тридцать метров штрека. Сам Цыганков пришел в забой поглядеть. Не то чтобы не верил, а сомнения были, так и сказал. Может, у Сыромятникова крепят реже? Нет, все по паспорту. А в следующий месяц после последней упряжки проходчиков у клети встречала целая делегация.

— Дорогие наши мужья и братья, — заговорила бойкая на язык жена техника Мария Бабкова, — вы и под землей не остаетесь без женского надзора. Узнали мы, что отличилась ваша бригада, и пришли поздравить с трудовой победой.

— Не только следим, а еще и душой за всех вас болеем, — добавила жена забойщика Анна Завадская, по предложению которой шахтпрофком ввел такие вот торжественные встречи ударников у ствола с вручением цветов. Женсовет работал активно, жены не только че-

ствовали горняков, но и ходили по нарядным, совестили отстающих. И не раз дюжим мужикам, не боящимся ни бога, ни черта, приходилось стыдливо пригибать головы, когда в нарядную входила группа женщин.

Бригада, в которую пришел Изотов, прошла за месяц шестьдесят погонных метров штрека — горизонтальной выработки, по которой откатывали уголь и породу. Рекорд угольного района! Через несколько дней в клубе всем проходчикам под аплодисменты вручали приз — приятно поскрипывающие хромовые сапоги.

— Это не простые, — пошутил председатель шахткома профсоюза, — а сапоги-скороходы. Смотрите, теперь не подведите.

Проходчики после этого вечера поднажали, загнали штрек вперед за лаву на сорок метров. С заделом — знай наших! Спустился к ним в забой заведующий шахтой, покачал головой:

— Рванули. Что ж теперь с вами делать?

— В лаву меня переведите, — попросил Изотов. — Я все же забойщик.

— Да, с добычей у нас неважно, — сказал в раздумье заведующий шахтой. — Посмотрим...

Что обидно было? Примеров личного трудового героизма — предостаточно, а Первый рудник хромает, на всех совещаниях склоняют его руководство. Взять хотя бы недавний случай, когда квершлаг перевалило. По нему шла откатка угля целого крыла, так что несколько участков пришлось остановить. Тогда вызвался проходчик Александр Сидоров:

— Дайте пару ребят по моему выбору. Берусь расчистить завал.

— Втроем, значит, — сказал главный инженер. — Сколько же вам суток потребуется?

— Постараемся, — ответил Сидоров.

— Это не ответ. За трое суток управитесь?

Вышли проходчики в первую смену, а следующим утром ввалились прямо из забоя, перепачканные на

планерку к главному инженеру, бодро доложили: завал разобран, можно, мол, пускать составы. За сутки справились. Короткий перерыв устроили прямо под землей.

Чудеса прямо показывали отец и сыновья Цыганковы и многие другие. Кстати, Василий Цыганков, получив закалку в забое, со временем стал крупным хозяйственником, возглавлял современные шахты имени Румянцева, № 19—20. Он вошел в историю Донбасса как новатор, предложивший оставлять породу под землей для выкладки бутовых полос, служивших дополнительным креплением очистных забоев. Новшество это переняли на большинстве шахт страны.

Почему же отставал Донбасс? Для ответа на этот вопрос сюда в сентябре 1930 года прибыла правительственная комиссия во главе с тогдашним главой правительства СССР В. М. Молотовым. Члены комиссии разъехались по трестам, спускались в шахты, беседовали под землей с рабочими и представителями надзора. И доверительные эти беседы на рабочих местах, как и личные наблюдения, вылились в серьезный разговор, который состоялся 27 сентября на собрании партийного актива Горловского, Енакиевского, Грушинского районов. Было прямо сказано: если раньше Горловка получала огромные потоки рабочей силы из деревни, то для нынешнего периода это уже неприемлемо. А задача создания постоянных кадров горняков должна увязываться с механизацией угольной промышленности.

— Отсталые хвостистские настроения и попытки все валить на объективные причины — это не большевистские повадки, они не подходят для большевистского Донбасса, — упрекнул председатель комиссии горловчан.

В это время Изотов уже рубил уголь на пласте «Пята». На участке № 22 129 горняков, в числе лучших — Никифор Изотов. Втянулся в шахтерскую упряжку и не уставал вроде, а две нормы давал постоянно. Жаловался, что не дорабатывает, были бы если уступы подлин-

ней, он бы и не такое показал. Прислушаться бы инженерам и техникам к замечанию ударника, поразмыслить — ведь дело предлагал Изотов, да еще какое. Нет, никто не обратил внимания. Только начальник участка пошутил:

— От тебя, Никифор, даже лошади плачут. С перегрузкой приходится им работать.

Коногоны еще значились в штатах большинства шахт.

А так, если не дергать себя чужими болячками, то грех было Изотову жаловаться на жизнь. Прочно в ударниках, почет и уважение на шахте, фамилия с Доски почета не сходит. Нет, не мог успокоиться, болела душа за шахту, за знаменитый Первый рудник, который склоняли на каждом совещании. Изотов болезненно воспринимал критические слова, остро ощущал и свою невольную вину, даже не сознавая толком, какую, стыдился смотреть во время совещаний на соседей. На хорошую почву, значит, легли уроки Денисенко, Зубкова и других друзей-шахтеров, их горячие слова о долге и ответе друг перед дружкой за шахту, за все, что в ней происходит; проросли мыслями — они будоражат, не дают покоя.

Жили Изотовы на квартире, хозяйка попалась не добрая, не злая — никакая; и чужое равнодушие больно щемило доброжелательного к людям Изотова. В 1929 году Надюша родила дочку, Зинаидой назвали, а еще через два года маялся сутки Никифор у больницы, пока не вышла медсестра, сказала приветливо: «Поздравляю с дочкой». — «Не может быть, — дернулся Изотов. — Хорошо посмотрели?» — «Радуйся, дочка к отцу ближе», — отрезала сразу посуровевшая сестра. «Да я не к тому. Сына ждали, в горняки б его определил. Вот, передай Надюше», — протянул большой пакет.

Вторую дочку назвали Тамарой.

Где жить-то теперь? Пошел Изотов в контору: так,

мол, двое детишек, тесновато, да и хозяюшка ворчит. Ответили ему приветливо: ударникам, дескать, почет и уважение, а уж насчет квартирки — заслужил вполне. Даже адрес назвали: две комнатки в доме, где размещается пока горная инспекция... Через пять месяцев волокиты въехала семья Изотовых в новую квартирку. Да и то пришлось Никифору после многих заверений «вот-вот переселим» обратиться в райисполком, где недавно возглавлял отдел. Помогло!..

Все бы хорошо, да очень обидно за шахту. Не только Изотову, конечно. Как-то Ермаков, бригадир первой на шахте № 1 ударной бригады, поделился с ним в клети:

— Бьемся, бьемся, а результат пшиковый. Не вытащить нам рудник — ни вдвоем, ни втроем. Всем миром только... Тут Стрижаченко прав.

— Ударников-то, Ермолай Павлович, у нас не двое-трое, а поболее наберется, — в раздумье сказал Изотов.

Коренастый, невысокий Ермаков — до плеча Никифору, сдернул с головы бобриковую фуражку, досадливо ответил:

— Да не про то я говорю. Работаем по поговорке «Сила есть — ума не надо». Организованности не хватает, контроля за снабжением. Простои в лавах откуда?

В прошлом боец Первой Конной армии, Ермаков пользовался авторитетом среди горняков. Работящий, знающий, упорный. Не случайно он стал во главе первой ударной бригады. Секретарь партколлектива шахты № 1 Стрижаченко сказал о нем на собрании, когда выбирали бригадира:

— Ермолай Павлович служит примером для нас и в труде и в быту.

К секретарю партячейки и пришла за советом группа ударников. Горняки степенно расселись в партийной комнате, закурили. Ермаков начал:

— Видим, Игнатыч, как ты с бюрократами воюешь. Хотим тебе помочь. Задумали мы поставить отчет кон-

торских на рабочем собрании. Пускай заведующий шахтой, главный инженер на вопросы ответят.

— Рабочий контроль и гласность наше первое оружие, — сразу согласился Стрижаченко. — Кто от имени рабочих выступит? — Сам предложил: — Если Изотов, не возражаете?

— Какой из меня говорун? — растерянно прогудел Изотов. — Тут кто пограмотней нужен.

— Авторитетный в коллективе человек нужен, — сказал Стрижаченко. — Говорить о том нужно, что болит. Без красивостей. Что касается грамоты... Никифор в Москве служил, с самим Ворошиловым беседовал. — Улыбнулся по-доброму. — Так никто не возражает?

Собрание прошло вяло. Заведующий шахтой сказался больным, а главный инженер напирал в основном на плохое снабжение со стороны треста, достал из кармана пиджака блокнотик, глядя в него, прочитал:

— Вот, послушайте подсчеты. За месяц лично я отдал пятьдесят три распоряжения.

— Вы слишком верите в силу бумаги, — подал реплику Стрижаченко.

— Помилуйте, что значит «бумаги». Это распоряжения руководства. Не понимаю...

— Точно, не понимаешь, — грохнули из зала. — В шахте надо бывать, а не стулья в конторе полировать.

Так на этот раз ни до чего не договорились.

Глава шестая

РОЖДЕНИЕ БОГАТЫРЯ

Узелок с горбушкой хлеба и салом да пару луковиц или помидоров по летнему времени, которые шахтер захватывает из дому в забой, издавна называется «тормозком». Обеденных перерывов под землей не было и нет, но четверть часа или даже полчаса всегда можно

выкроить даже в напряженной шахтерской упряжке, чтобы перекусить. До чего же была рада Надя, когда после долгого перерыва собирала мужу «тормозки».

С продуктами в те годы приходилось туго. Мясо, хлеб, крупу выдавали по карточкам. С рук — все дорого. Привезла Надежда Николаевна из деревни домашнего сала немалый запас — по осени родители кабана закололи. Дали ей еще мешок лука да мешок муки. Вот и положила своему Никише пару белых пышек, а между ними розовые ломти сала. Очистила луковицу покрупнее, завернула снедь в чистую тряпицу, любовно завязала, сунула в карман жесткой куртки.

— Ну вот, подкрепишься там, — сказала она и потерлась легко щекой о жесткий подбородок мужа — выше не доставала.

Изотов молчал, улыбался. Хорошо, что Надюша все понимает. Упряжки для него — вроде праздника.

Совестливый во всем, тем более в отношении к работе, Изотов тяжело переживал хроническое отставание знаменитого прежде Первого рудника. Положим, сам он дает две и даже три нормы за смену, да и не один он такой грамотный в забое. Вон сколько ударников записано на красную доску шахты. Закавыка получается. Вроде бы и много ударников, а шахта в хвосте плетется. Значит, всем миром надо навалиться, чтобы уголек рекой хлынул на-гора. Такими мыслями делился Изотов в нарядной с Федором Артюховым и Гавриилом Денисенко.

Озорной Артюхов, тряхнув чубом, запел, дурашливо округляя глаза:

Мы Америку догоним
И сумеем перегнать.
Только нужно уголь черный
С превышением давать...

— Ты подожди, подожди, — махнул на него рукой Изотов. — Ты еще «Яблочко» спляши. Я о деле, а ты насмешки.

— Думаешь, у меня душа не болит? — сразу посерьезнел Федор. — Всем миром, всем миром, — передразнил он нарочито густым голосом. — Сравнил лошадь с трактором. Шахтное поле сохой не поднять. Условия пускай забойщикам создадут, тогда можно крикнуть: «Братва, давай в гору!» На красную доску, значит, — пояснил он.

Денисенко, уже одетый для спуска в шахту, постукивал резиновыми чунями по полу, соглашался:

— Правильно, Федя. У многих зуд хороший в руках, да размахнуться не дают. Ты погляди, — обратился он к Изотову, вставая с широкой скамьи и задирая голову, — сколько люди простаивают в забоях? То-то... Письмо надо писать.

— Какое еще письмо? — Изотов сверху смотрел на Денисенко, на широком лице недоумение.

— А такое... Коллективное письмо ударников в трест. Для начала, — пояснил Денисенко. — Если не поможет, то выше обратимся. К товарищу Калинину. Понял?

Напомним, что ударничество как форма трудового соперничества за высокие (ударные) темпы возникло в середине 20-х годов. И в короткое время охватило всю страну.

В 1931 году шахта № 1 пользовалась неважной репутацией в Горловке. Даже новички, которых кадровики треста направляли туда на работу, возражали: «Только не на первую, оттуда и так все тикают». Из месяца в месяц на общегородской доске показателей против первой изображали черепаху, а «минус» перед четырехзначной цифрой говорил о тысячах не выданных из забоев тонн угля, о копившемся изо дня в день долге. Приезжали представители из треста, спускались в шахту, осматривали подготовительные выработки, состояние механизмов, многозначительно качали головами. Но на рабочих собраниях о неполадках на шахте говорили какими-то общими гладкими словами. И получалось: вроде бы все виноваты в отставании и в то же время есть

«объективные причины», то есть виноватых, в общем-то, и нет. А постоянные призывы «мобилизоваться... собрать все силы в единый кулак... поднять добычу на уровень передовых шахт...» вызывали у горняков глухое раздражение.

После того как ударники направили коллективное письмо о своих бедах, нагрянул сам управляющий трестом. В пролетке рядом с ним сидел испуганный главный инженер шахты. Оказывается, управляющий встретил его по дороге, когда тот гулял в сквере. Встретил и, багровея от возмущения, предложил занять место рядом. На невнятный лепет главного инженера демонстративно не отвечал. Зато дал волю чувствам в кабинете заведующего шахтой Хлопонина.

— Докатились, — гремел он. — Позор на весь Донбасс, все участки минусуют, а начальник штаба, — он показал на главного инженера, — этаким франтом с палочкой по аллеям прогуливается. Вот еще только барышню бы какую-нибудь захватил с собой.

— Но позвольте, я обдумывал схемы...

— Сейчас вот в шахту поедем, а потом обдумаем, — перебил его управляющий, обводя взглядом присутствующих. — Все поедем.

У ствола случилась задержка: сорвался подъемный канат с блока, слесари устраняли аварию.

— И часто, дед, у вас здесь простои? — обратился управляющий к стволовому, постукивая по колену кепкой, которую так и не успел надеть.

— Да кажный божий день то то, то се. Ствол стоит, а на меня матерки сыплются, — довольный возможностью высказаться, охотно отозвался дед.

— Где же выход? — поинтересовался управляющий.

— В воскресенье ствол остановить вовсе, направляющие до низу просмотреть и отремонтировать, где надо, да левый шкив нужно сменить... — начал он перечислять.

Управляющий повернулся к главному инженеру:

— Записывайте, товарищ... Кстати, вы когда последний раз в шахту спускались? На прошлой неделе? Ну, знаете ли, это черт знает что, — возмущенно выкрикнул он, надевая на голову кепку и поворачиваясь к заведующему. — Руководители ежедневно обязаны бывать на участках, а не отсиживаться в кабинетах. Канцеляристы у вас, а не горняки.

В шахте его худшие предположения подтвердились. На одном участке уступы лавы обогнали откаточный штрек, уголь неровным треугольником забутил часть выработанного пространства, завалил печку. На другом — машинист врубовки сорвался на крик: «Издеваются здесь над шахтерами! Неделю наверх не выезжаю, здесь днюю и ночую. Никто у нас за ремонт техники не отвечает». В следующей лаве царила тишина, забойщики сидели кружком в штреке. На вопрос управляющего, что случилось, с издевкой ответили: опять, мол, нет воздуха, хоть вновь за обушок берись, а лава именуется механизированной. Частые остановки компрессоров приводили к простоям забойщиков. В штреке десятник встретил начальство вопросом: «Скоро ли кончится базар с порожняком?» Управляющий поинтересовался, что значит «базар». А то и значит, что приходится к стволу бегать, перехватывать чужие составы, иначе уголь скапливается в лаве, и бригада уж который раз грозится шею ему, десятнику, намылить.

— Вагонеток не хватает, — попытался оправдаться главный инженер.

— Как не хватает? — Управляющий даже лампу поднял, чтобы увидеть лицо собеседника. — Я сам только что видел у терриконa десятки вагонеток. Валяются, вроде вчера выброшенные. Их что, нельзя отремонтировать?

— В принципе, конечно, можно.

— Ладно, все ясно, — бесцеремонно прервал его управляющий. — Я отстраняю вас от должности. И еще надо разобраться, что это: обыкновенное разгильдяйст-

во или преступная халатность... Мне одно ясно: организация труда примитивная, дисциплина ни к черту, соцсоревнованием никто не занимается. Все это — результат канцелярско-бюрократических методов руководства. Проведем между сменами рабочие собрания. Пусть люди выскажутся...

А ты, Хлопонин... — управляющий пренебрежительно махнул рукой, словно не находил нужного слова для оценки завшахтой. — Тоже мне, угольный волк, извини за слово. Но так тебя в райкоме характеризуют. Нянчишься с бездельниками. Взял бы стоечку крепежную...

— Да в райкоме меня все остужают, говорят, к спецам бережно относиться надо, — вяло оправдывался Хлопонин.

Еще 20 января 1929 года в «Правде» была напечатана статья В. И. Ленина «Как организовать соревнование?», вызвавшая широкий отклик по всей стране. В ней говорилось: «Социализм не только не угашает соревнования, а, напротив, впервые создает возможность применить его действительно широко, действительно в массовом размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатый родник и которые капитализм мял, давил, душил тысячами и миллионами».

Лозунги партии — «Пятилетку — в четыре года!», «Овладевать техникой!» — подхватили все трудовые коллективы.

В невероятном напряжении сил страны выполнялся первый пятилетний план. Весной 1930 года пошли первые эшелоны по Турксибу. Летом Ростовский завод сельскохозяйственных машин отгрузил земледельцам первые партии многорядных дисковых сеялок. Тогда же на Сталинградском тракторном заводе состоялся многолюдный митинг, посвященный выпуску первой машины, а запорожский «Коммунар» досрочно изгото-

вил первые отечественные хлебоуборочные комбайны. Аграрная прежде страна становилась на индустриальные рельсы. В июне — июле 1930 года XVI съезд ВКП(б) оповестил весь мир о развернутом наступлении социализма по всему фронту.

Съезд партии наметил поднять экономику Советского государства на новую ступень, поставил грандиозные задачи, ошеломившие ученых и экономистов западных стран. В 1931 году вступили в строй действующих заводы — тракторный в Харькове и автомобильный в Нижнем Новгороде, наращивал мощности Урало-Кузнецкий комбинат, становясь второй после Донбасса угольно-металлургической базой. А всего за год намечалось получить продукцию от 518 новых предприятий, создать 1040 машинно-тракторных станций. Цифры «518» и «1040 »напоминали о себе со страниц газет, с плакатов и транспарантов.

В эти годы Донбасс был главной «кочегаркой» страны. Невиданными темпами создавалась тяжелая индустрия. Возводились домны и электростанции, росли корпуса гигантов машиностроения. Отовсюду шли запросы: нужен уголь! А Кузбасс только разворачивался, еще только приоткрывал несметные запасы своих недр. В июле 1931 года газеты напечатали Обращение Совнаркома СССР, Центрального Комитета ВКП(б) и ВСНХ СССР ко всем партийным, хозяйственным, профсоюзным и комсомольским организациям Донбасса с призывом преодолеть отставание, давать больше угля.

«Дальнейшее развитие Донбасса и рост добычи угля являются решающим условием выполнения задач третьего, решающего года пятилетки, решающим фактором в развитии всех отраслей народного хозяйства СССР», — говорилось в нем.

В этот период поддержка рабочей инициативы, внимательное отношение к требованиям ударников возводились в ранг государственной политики. И это было

оправданно, потому что не все старые специалисты, занимавшие командные должности на предприятиях, мягго говоря, проявляли энтузиазм в решении инженерных задач, улучшении бытовых условий людей.

— Наш учитель во всем — это история, — говорил на рабочем собрании парторг Стрижаченко. — Не всемирная, а история нашей шахты, Горловки, Донбасса. С Москвой мы находимся на одном меридиане. — От волнения лицо у него заалело, ярче стали глаза. — Дело, конечно, не в географии. Вспомним, как 2 января 1921 года углекопы Юзовки вышли на первый в стране бесплатный воскресник. Он проходил под лозунгом: «Уголь — замерзающим детям Москвы». В нем участвовали и многие горловчане. И добыли почти двести тысяч пудов угля. Теперь нам необходимо так же сплотиться, действовать единым фронтом. Объявим бой бюрократам, лодырям, прогульщикам...

— Ве-ерна! — закричали горняки. — Прижать их к ногтю.

— Вношу предложение, — продолжал с напором Стрижаченко. — Создать бригады из кадровиков и ударников для массовой работы. Я не ошибся. В забоях у нас индивидуальный труд. Пока, — поправился он. — А бригады нужны для работы в массах. С молодежью особенно. Надо им разъяснить, что и они хозяева шахты. Теперь — о руководстве. Заслушать на нарядах отчеты начальников и механиков участков о личном вкладе.

За это предложение проголосовали единогласно.

Развернувшееся в стране социалистическое соревнование рождало новые формы контроля снизу: взаимопроверку условий труда, выполнение обязательств. С такой целью и прибыла в Горловку делегация бакинских нефтяников. Они завершили свое пятилетнее задание за два с половиной года и имели моральное право потребовать у горняков отстающих предприятий подтянуться. Гости спускались в шахту № 1, присутствовали на на-

рядах, а в заключение на общем собрании резко высказались о слабом техническом руководстве, низкой дисциплине, неорганизованности, не щадили рвачей и лодырей.

«Стыдно нам было перед бакинскими товарищами. Горько было читать упреки в обращениях к нам ленинградских и тульских пролетариев. Вся Советская страна требовала, чтобы мы работали лучше», — напишет Изотов в своих воспоминаниях.

Только уехали бакинцы, пообещав вернуться для проверки обстановки через полгода, как на второй наряд в административное здание зашли горняки шахты № 5 имени Ленина. Представители этого передового угольного предприятия, которое отмечали на всех городских конференциях и собраниях, и раньше приезжали сюда: призывали, стыдили. На этот раз они молча прошли к ламповой и прикрепили древко рогожного знамени к стене, так что каждый мог прочитать на нем слова: «Позор! Позор! Шахтеры шахты № 1, награждаем вас рогожным знаменем за черепашьи темпы в работе. Требуем немедленного выполнения плана и ликвидации прорыва. Ударники шахты № 5».

— Зачем вы так? — сунулся было Денисенко. — Позорите зачем?

— Тебя лично, Гаврила Семенович, мы уважаем, — ответили ему. — Вот собери передовиков, пусть они лодырям мозги прочистят.

Стоявший рядом с Денисенко Изотов прогудел:

— Дожили, чтоб нам мышь за пазуху. — И уже мягче — делегации: — Не только мозги прочистить надо, дорогие товарищи, а учить отстающих. У нас же много хлопцев из сел приходят, они обушок-то правильно держать не могут. А мы смеемся над ними — неумехами. Так нельзя. Я тоже пришел на шахту — подкову мог согнуть, а кутка зарубить не умел. С кровавыми мозолями на ладошках ходил, — он вытянул вперед руки, — а гляньте теперь. По две нормы и более даю,

а кожа гладкая. Вон Гаврила Семенович мне помог. Да и другие. А ведь иные старые забойщики и посмеивались надо мной. Когда совета просил, отвечали по старинке: «По́том надо сто раз облиться, слезами от неудач умыться, тогда сам все поймешь». Денисенко да Зубков все секреты мне открыли, ничего не утаили. И не пришлось мне слезами обливаться, с их легкой руки забойщиком стал, с любым теперь готов посоревноваться.

— Ну а сам? Сам научил кого-нибудь из молодежи? — спросил подошедший на разговор парторг шахты. — Ага, молчишь. Делиться опытом надо.

— Да что, я согласен, — растерянно выдавил Изотов. — Пускай кто хочет в уступ ко мне приходит, ничего не утаю. Все покажу. Даю слово, покажу, Игнатыч. — Он пришел в себя, заулыбался: — А ты наскочил... Прямо кочет...

Шли дни. Никифор довел выработку до трех, а затем и четырех норм в смену. Городская газета «Кочегарка» призывала равняться на Изотова. Ну и что доказал? Да, он может дать четыре нормы. Его даже в шутку «врубмашиной» прозвали. А дальше что? Рогожное знамя продолжало висеть у ламповой, и шахтеры, заходя сюда перед тем, как пойти к клети, отпускали всякие соленые шуточки.

— Эх, вы, шутники, веселитесь, вроде у самовара собрались. Тут злость у всех нас должна появиться. Да что мы, хуже других?

Высказавшись, взял заправленную лампу, пошел к стволу. Обида билась в нем уже который день. И дома жене объяснял, как позор из-за негожих руководителей и лодырей ложится на всех и на него, Изотова, тоже.

К тому времени у шахты появился Дом культуры. В нем стали собрания проводить, оркестр духовой создали, кружки разные. Собирались здесь и общественники, бывалые шахтеры, уже вышедшие на пенсию. Парт-

орг Стрижаченко сам составлял из них бригады для работы с молодежью. В одну из них записал и Изотова. Ходил Никифор с дедами по общежитиям, толковал с молодыми шахтерами, ободрял. Втянулся постепенно в общественную жизнь.

Но перелом на шахте пока не намечался. Пытались даже штурмовые отряды из ударников на прорыв бросать. Ерунда все получалась, общая расхлябанность мешала, неорганизованность. По совету парторга написал Изотов заметку в многотиражку «Механизированный забой». Злой был на беспорядки, потому и крыл последними словами рвачей и симулянтов. Стрижаченко сказал при встрече:

— Крепко ты их, Никифор.

— Не люблю этих паразитов, — сорвалось у Изотова.

— Во всяком деле выдержка нужна, — с участием посоветовал Стрижаченко, остужая этими простыми словами гневный пыл Изотова.

Делился не раз он с Денисенко, что считает себя в душе большевиком.

Однажды после смены сел к столу, взял лист бумаги, старательно написал: «Заявление. Прошу принять меня в партию Ленина. Хочу вместе с кадровыми рабочими — большевиками-коммунистами проводить настоящую работу за снятие с шахты рогожного знамени». И подписался. Жена спросила с легкой насмешкой, мол, не стихи ли, часом, сочиняет ее благоверный.

— Стихи — это верно. Послушай-ка, Надежда Николаевна. — Он громко прочитал заявление.

Наде не понравилось выражение «за снятие с шахты рогожного знамени», и она посоветовала высказать эту же мысль как-то иначе, более грамотно, ну вроде бы так лучше — приложить силы и вывести шахту из прорыва.

— А, ничего ты не поняла, — с досадой махнул он рукой, сворачивая лист бумаги и пряча в карман курт-

ки. — Ну, напрягу я силы, дам пятнадцать, пусть даже двадцать тонн за смену. Не спасет это. Все должны напрячься, в один кулак. — И он с размаху треснул кулаком о стол, хрустнула фанерованная поверхность, и Изотов растерянно посмотрел на жену.

— Хорошо хоть стол на ножках устоял, — сказала Надя. — Не забудь проведать Денисенко, заболел он.

Гавриил Семенович, не в пример жене Изотова, заявление одобрил.

— Снеси Игнатычу, а то затаскаешь в кармане, — посоветовал он. — Молодец, Никиша, ба-альшой толк из тебя будет.

Изотов смущенно отмахнулся.

Несколько недель носил Изотов в кармане заявление, пока решился отдать его Стрижаченко. Тот прочитал, одобрительно сказал, что ему такая конкретная постановка вопроса нравится, а то все сразу на построение мирового коммунизма замахиваются, зато не видят, что творится под самым носом.

В ленинские дни 1932 года партийное собрание шахты № 1 рассмотрело заявление Изотова о приеме в кандидаты партии.

Партийное собрание проходило в нарядной. Первый вопрос в повестке дня: рассмотрение заявления т. Изотова о вступлении в кандидаты ВКП(б). Стрижаченко зачитал заявление, назвал поручителей Изотова, затем официально сказал:

— Никифор Алексеевич, коммунисты хотят знать вашу биографию. И поподробнее, пожалуйста.

Изотов слегка оробел — не ожидал такого официального тона от Игнатыча, всегда вроде бы понятного и близкого, а тут... Откашлялся, начал говорить, незаметно увлекся, когда вспоминал нужду мужиков в Малой Драгунке, как мальчишкой попал в Горловку, о работе на брикетной фабрике и в котельной. Наверное, хорошо говорил — тишина стояла в нарядной. Вслед за ним высказались поручители. Затем слово попросил

забойщик, за ним коногон, потом проходчик. Слушал их Никифор, удивлялся. Выходит, о нем у всех давно уже хорошее мнение сложилось: отзывчивый, добрый, надежный. И каждый повторял, видимо, понравившуюся фразу из выступления поручителя:

— У Изотова нужно учиться работать.

Слова эти для присутствующих в расшифровке не нуждались: в 1930 году о рекордах Изотова говорили на всех шахтах, призывали горняков равняться на него. О подвигах Изотова в забое знал и С. Орджоникидзе, тогда еще председатель ВСНХ. Только сам Никифор не догадывался даже о своей громкой славе.

«И тогда я впервые подумал: работаю я действительно неплохо, и учиться у меня есть чему, но почему же я до сих пор ничего не сделал, чтобы научить других работать по-моему?» — вспоминал Изотов об этом собрании.

Он попросил слово, оглядел всех в нарядной, рубанул кулаком воздух:

— Принимаю на себя обязанность учить отстающих работать по-ударному...

— Что ж, обязательство серьезное, — подытожил Стрижаченко после голосования. — Но какое-то неконкретное. Лучше так договоримся. Обучи за месяц одного новичка шахтерскому мастерству. Одним словом, чтобы в передовики он вышел.

На следующий же день Изотов принялся за обучение соседей: по-хозяйски забирался в другие уступы, смотрел, как рубят уголь, брал обушок, высвечивая лампой пласт, показывал, где уголь слоистый, под каким углом клевак в пласт вгонять, чтобы сил затрачивать меньше, а угля скалывать больше. Так со смехом, шуткой проходил каждый день по всем уступам лавы. Правда, у самого выработка до двух норм с четырех снизилась, зато участок впервые выполнил суточный план. Даже заведующий шахтой спустился в лаву, нашел Изотова, обнял в тесном уступе: «Ну, молодец, вот она, инициатива.

Давай я тебя на другой участок теперь переведу. Ну хотя бы на пару недель». — «А наш поплывет, — резонно возразил Изотов. — Лучше иначе сделать... Найти в других лавах, кликнуть добровольцев помочь отстающим. Они ведь в большинстве не лодыри, а просто неумехи, мышь им за пазуху».

Об обязательстве Изотова заговорили на нарядах, в забоях. Большинство горняков его поддерживали, говорили, что давно пора взяться и за новичков, и за лодырей. И так же, как в сказке дед с помощниками репку вытащил, так и общими усилиями вывести шахту из прорыва. Иные открыто насмехались: «Да брехня все это, волну Никишка гонит. Гля, какой он здоровый, под телеграфный столб. При такой-то силище и навыки не нужны. Где ж мальцам за ним угнаться? Пустую пропаганду пущают».

В 1972 году в Горловке отмечалось 70-летие со дня рождения Н. А. Изотова. Сохранилась записанная на магнитофоне беседа с его женой, Надеждой Николаевной. О том периоде после партийного собрания она вспоминала: «Каждый раз Никиша мой задерживался. Наготовлю всего, а мужа нет. Наконец появляется, шумно так с порога здоровается: чувствует ведь, что перед домашними виноват. Помоется, сядет за стол, сам признается. «Я, — говорит, — Надюша, уже наверх было собрался. Гляжу, паренек в уступе сидит, горюет вроде. Интересуюсь, чего голову повесил. Да вот, отвечает, норму не выполнил. Задержался с ним, показал, как обушок держать, куда бить лучше. Посмотрела бы, Надюша, как он повеселел. Значит, толк получится, станет шахтером». И так через день да каждый день».

В короткий срок Изотов обучил более десяти горняков, и те, впервые попав на доску ударников, вручили Изотову большую коробку...

— Это что, хлопцы? — удивился Изотов, снимая с коробки шпагат и открывая крышку. — Мать честная, да вы что...

В коробке лежала кепка с широким, как шахтерская лопата, козырьком.

— За науку, Никифор Алексеевич, — ответили ему, — не ругайся. В город Сталино смотаться пришлось.

— Не серчай, а спасибо людям скажи, — посоветовал Денисенко. — В старое время за науку ведро водки учителю, значит, ставили, а тебе почет оказывают. Да и кепчонка славная, надень-ка. Ишь ты, как с примеркой брали.

Так и ходил Изотов в этой кепке.

Глава седьмая

СЛОВОМ И ПЕРОМ

Первый город на территории Донбасса — это Бахмут. В сохранившемся древнем документе сказано, что по обе стороны речки Бахмут построена «крепостца». Назначение нового поселения — отражать набеги кочевников с «дикого поля», охранять южные границы Московского государства. Но еще раньше, в XVI столетии, тянулись из этих мест по чумацким шляхам на Белгородщину, в Таганий Рог возы с солью. А в округе днем и ночью в погожее время курились солеварни.

Для нужд солеварения со временем стали брать неподалеку уголь из выходящих прямо наверх пластов. В XIX веке французские и бельгийские капиталисты вложили немалые средства в возведение шахт, кирпичных, алебастровых, стекольных предприятий, хищным носом почуяв колоссальные прибыли. А дальше, после Октябрьской революции, все, как в сказке, происходило. В 1919 году в Бахмуте формировались первые красногвардейские полки. Здесь и разместился штаб обороны Донбасса, возглавляемый известным революционером Ф. А. Сергеевым (Артемом).

Через год Бахмут объявляется губернским городом. Ну это понять можно: соль вошла в те годы в перечень первоочередных проблем. В 1921 году В. И. Ленин писал М. В. Фрунзе: «Теперь главный вопрос всей Советской власти, вопрос жизни и смерти для нас, — собрать со всей Украины 200—300 миллионов пудов хлеба.

Для этого главное — соль...»

Многие углекопы, в том числе и добровольцы из Горловки, восстанавливали разрушенные соляные копи, затем и работали в непривычных белых забоях.

В 1924 году Бахмут переименовали в Артемовск.

Именно в Артемовске, расположенном в центре Донбасса, разместилось объединение Донуголь. Сюда и прибыла в апреле 1932 года бригада газеты «Правда». Первая встреча — с заместителем управляющего Е. Т. Абакумовым. Вот как описывают ее журналисты: «Невысокого роста, коренастый человек с глубоко сидящими живыми глазами, светящимися иронией. Железное рукопожатие одубелыми пальцами. Низкий хрипловатый голос, временами мурлыкающий.

— Правдисты?! — сказал и хитро улыбнулся. — Будем громить? Будем вдар-рять?.. Перцу-горчицы запасли для нас?» Позже правдисты убедились, что Егор Трофимович на редкость душевный и заботливый человек, прекрасный организатор. Позже Абакумов возглавлял Метрострой, был заместителем наркома угольной промышленности.

Для иронии одного из руководителей Донугля основания были: Донбасс отставал. Квартальный план завален. Анализ показал, что треть механизмов в шахтах бездействует. Внутришахтный транспорт запущен. Велики междусменные простои. Отсюда и текучесть кадров.

— Если наглядно, — сказал Абакумов, — то два человека добывают меньше одной тонны угля в сутки. Такая вот реальность...

И порекомендовал побывать на горловской шахте

№ 1, где много ударников, есть среди них и известные по всему бассейну, скажем, Изотов и Артюхов. Но есть и лодыри, саботажники. Назвал завшахтой Хлопонина «угольным волком», сам усмехнулся такому нелепому прозвищу, добавил, что и волка ягнята обводят. Нет пока должной дисциплины в забоях, организованности, велика расхлябанность. Так один из правдистов попал на шахту № 1.

Подробности эти весьма важны, поскольку находятся в прямой связи с будущей громкой славой Изотова, началом целого движения в стране, впервые в мире названного по имени рядового рабочего-углекопа.

Горловка переживала вторую молодость. Благоустройство поселка началось еще в 20-е годы. В оперативной листовке, выпущенной в те годы совместно редакциями многотиражки «Механизированный забой» и городской газеты «Кочегарка» в помощь пропагандистам, говорилось:

«До революции шахта имела всего 390 домов, почти половина из них была таких, как сейчас брошенные под терриконом. В 1924 году построена новорудничная колония (143 дома в 286 квартир). В 1930 году построена еще одна колония — 95 домиков и 380 квартир. Выстроено 10 трехэтажных домов с 360 квартирами». Приводились эти факты с чувством большой гордости за свой поселок, который в 1932 году получил официальный статус города. И люди, главное люди, на глазах преображались. Вечерами под гармошку пели новые частушки участники художественной самодеятельности:

Молодеют старики,
Юные и бодрые,
Носят галстук горняки
И костюмы модные.

Или:

Мой миленок крепит лаву,
Я на приводе сижу,
Дорогой мой, крепи лучше,
Я в театр с тобой схожу.

Появился в Горловке и театр, и эстрадные площадки в парке, и многое другое, о чем рассказ впереди.

С начала 30-х годов сносились избы в «шанхаях», «нахаловках», «собачевках», строились новые кварталы домов, разбивались скверы. Омолаживалась и старая Корсуньская копь-шахта № 1. Начавшаяся здесь реконструкция предусматривала переход на электровозную откатку во всех основных подготовительных выработках, установку мощных компрессоров, применение на крутых пластах отбойных молотков. А пока Изотов делал по две и три крепи за смену. Сделать «одну крепь» означало вырубить три кубометра угля и закрепить выработанное пространство. Три кубометра — это пять тонн, или семь вагонеток. Так что за смену Изотов порой нагружал больше 20 вагонов, и Денисенко шутливо разводил руками в клети, когда поднимались на-гора, восхищался: «Хлопцы, чи это врубмашину затягнули в третий уступ? Так, значит, то Никиша вместо врубовки працюет».

В честь кумачового Первомая ударники становились на трудовую вахту. Коммунисты-забойщики взяли обязательство выполнить по две нормы за смену. Парторг аккуратно в книжечку фамилии всех ударников-беспартийных записал, тоже на две нормы их уговорил.

— А мне четыре запиши, — попросил Изотов, поглаживая гладкую ручку обушка. — Веселое у меня что-то настроение.

— Чего — четыре? — переспросил Стрижаченко.

— Крепи, конечно.

— Так это же, парень, двадцать тонн! — вопросительно уперся в него взглядом парторг. — Веселое настроение, говоришь? Может, шутишь?

— Ну это ты зря, Игнатыч, — недовольно сказал Изотов, хмурясь и натягивая кепку на лоб. — Сказал — дам четыре, значит, будет четыре. Пиши!..

Утром в нарядной шахты появилась «молния»: «Товарищи шахтеры! Забойщик Н. Изотов нарубил за

ударную смену 20 тонн угля, выполнив норму на 400%. Равняйтесь на т. Изотова». В нарядной шумно, весело. «Ай да Никифор!.. Право слово — врубмашина... Ну и Никиша...» — раздавались возгласы. Крутит головой Изотов, не нравятся ему такие шуточки. Вроде бы и поздравляют, а с другой стороны, и насмешки чувствуются. Дергает он за широкий козырек кепки, недовольно бросает:

— Да при чем здесь сила?

— Как это — при чем?

— На Ваську Окунева гляньте, — не сдается Изотов. — Ему в цирке рельсы на груди гнуть надо. Ей-богу, сразу бы в люди вышел. Зато в забое одну крепь с натугой дает. Так? Чего ты, Давиденко, за дверь прячешься? Иди сюда, сними тужурку.

— Это еще зачем? — испуганно протянул широкогрудый забойщик, отодвигаясь на всякий случай к спасительному выходу.

— Мускулы свои покажи народу. Тебе впору с самим Иваном Поддубным схватиться, а ты не всегда норму даешь. Правильно я говорю, мужики?

— Правильно... Верно сказал... Лодыри они первущие... — раздались одобрительные выкрики. — Молодец, язви тебя в пятку, умыл их...

— То-то, понимать надо, что одной силой уголь не возьмешь, — удовлетворенно заключил Изотов. — Вот мой ученик, — продолжал он, обнимая за плечи стоявшего рядом с ним худощавого парня. — Из деревни приехал, неделю я его в уступе гоняю. Вдумайтесь, парень неделю на шахте, а уже сам крепь дает за смену.

— Не-е, не гоняешь ты меня, дядя Никифор, а показываешь, — отозвался смущенно парень. — С охотой и делаю...

— В умении все дело. А-а, ученых учить — только портить, сами все знаете.

— Знают, да не все, — вмешался в разговор вездесущий Стрижаченко. Где серьезный разговор — он тут

как тут. — Неученых у нас хватает. Надо бы тебе, Изотов, выступить на рабочем собрании, раскрыть свои секреты.

— Нет никаких секретов. И говорить я не дюже обучен.

— В мастерстве всегда есть секреты, — не согласился парторг. — Это и приемы труда, и особенности рабочего места. Раньше свои секреты мастера только самым близким открывали, в роду хранили.

— Ну а теперь все мы в родстве состоим, — поддержал Денисенко. — Давай, Никиша, не скромничай.

Но так случилось, что аудиторией забойщика Изотова стала вся страна. 11 мая 1932 года «Правда» напечатала письмо Н. Изотова «Как я работаю», в котором рядовой горняк горловской шахты № 1 по-государственному поставил вопросы о взаимопомощи и распространении передового опыта.

«Говорят: «Изотов — сильный, Изотов — крепкий, поэтому он так хорошо работает». Чепуха! Не в силе дело. Одной силой не возьмешь... Многие думают, что техникой надо овладевать, только работая на машине. Они делают ошибку... Скажу без хвастовства: я даю большую выработку потому, что овладел техникой дела...»

И далее подробно расписал технологию углевыемки на своем рабочем месте:

«Вот так я работаю. Никакого тут «секрета» нет. Каждый забойщик может достигнуть моих успехов. Стоит только научиться подходить к углю, а не рубить сплеча, как это делают многие. Еще одно хочу отметить: у нас 6-часовой рабочий день, но многие забойщики фактически только 3—4 часа работают в уступе. Я же сижу в забое в среднем 5 часов. На приход и уход с уступа я затрачиваю не больше часа. Когда я прихожу и вижу, что мне угрожает простой из-за нехватки леса, я лучше затрачу полчаса на то, чтобы пригнать к себе в уступ лес, чем потом час-два сидеть без леса и ругать на чем

свет своит лесогонов. Я стараюсь заполнить, уплотнить свой рабочий день, не растрачивая времени, дорогого и для меня и для государства. Если на нашей шахте и на всех шахтах каждый забойщик полностью использует свое рабочее время, он сделает намного больше, чем делает теперь, и наша страна получит дополнительные тысячи тонн угля».

В письме в редакцию ударник не только щедро делился своим профессиональным опытом, но и взволнованно обращался к трудовому народу с призывом помочь отстающим добиться общего подъема.

Смену на шахте называют «упряжкой». Не зря называют. Нет легкой работы под землей, и сколько бы ни было в забоях техники, за каждую тонну «солнечного камня» надо, что называется, попотеть. Четыре раза в сутки на шахте пересменка. Те, кому предстоит спускаться в забои, собираются в нарядных, десятник закончившейся смены рисует сменщику эскиз лавы, рассказывает, в каких уступах сколько «коньков» дали, как ведет себя кровля. Здесь же бригады получают задания на смену. Ну а те, кто выехал в широкой металлической клети на-гора, торопятся домой — хотя и построили на шахте баню, но немало горняков идет в спецовке, с перепачканным угольной пылью лицом домой, где ждет благоверная с ведрами кипятку. Ох, всласть поплескаться в широком корыте, потом досуха, чтобы кожа горела, вытереться, сесть на крылечке, закурить «законную» папироску. Идут мимо люди, здороваются, лишних вопросов не задают, понимают: после шахты человеку отдохнуть надо, вот так у земли посидеть, закатным солнцем полюбоваться.

В тот погожий майский день многие забойщики, крепильщики, лесогоны собрались после смены в нарядной. Те собрались, у кого сердце жгло позором за отставание, за рогожное знамя, что продолжало висеть у ламповой. Шахту быстро облетела весть, что Изотов в «Правде» с критикой выступил. Вот это событие и по-

тянуло людей в нарядную после упряжки. Одни уже прочитали газету, другие допытывались, о чем это Изотов написал.

— Да о чем? — сердито сказал забойщик Денисенко. — О работе нашей. Стыд не дым, а глаза мне, например, ест, жгет даже. Говорим больше, словами разбрасываемся. А лучше бы вместо каждого слова — тонну уголька. Глядишь, вышли бы из прорыва.

Шум, гомон привлекал все новых людей в нарядную участка. Были и такие, что недовольно кричали: «Чего он, самый умный? Вроде мы без него не знаем, как обушок в руках держать. Написать легче, чем уступ срубить».

— Ну уж это ты брешешь, — перебил говоруна Денисенко. — Никишу в этом не упрекнешь. Мой выученик, — гордо добавил он. — Да сейчас он сам выедет из шахты.

И точно, через несколько минут в дверях появилась широкая фигура Изотова. Он зорко оглядел всех, вслушиваясь в стихающий гул разговора, спросил с улыбкой:

— Что за шум, а драки нету?

— О твоей статье в «Правде» говорим, — повернулся к нему и, протягивая для пожатия руку, ответил Денисенко. — Мнения тут трошки разошлись, вот и ждем тебя прояснить кое-чего.

— Некогда мне сейчас, Гаврила Семенович, в столовой меня ждут. Забыл разве, что мы решили с нашим поваром договор на соревнование заключить. Мы — угля побольше, а он — борщ погуще.

В нарядной дружно рассмеялись.

— Нет, сынок, не упрямься, — не отставал Денисенко. — Ты тут многих старых шахтеров задел за живое. Мол, новички, неумехи рядом, а помочь им некому.

— Совсем не так сказано, — посерьезнел Изотов. — Если на то пошло, я могу по памяти пересказать.

— Прочитай-ка лучше сам свою статью, а мы ее туточки и обсудим, — неожиданно попросил Денисен-

ко. — Кое-что пояснишь, если кто не так понял. Вот она, «Правда».

Делать нечего, сел Изотов на скамью, кашлянул, начал читать:

— Я работаю десять лет на одной из крупнейших шахт Донбасса — на Горловской шахте номер один. Несколько лет подряд я перевыполняю все планы и задания. Сейчас изо дня в день даю четыреста-пятьсот процентов нормы...

В нарядной стало тихо. Только когда дошел до слов: «Я работаю обушком, но мои товарищи по шахте в шутку зовут меня «врубовой машиной», раздался смех. Закончив читать, Изотов прогудел:

— В позорном прорыве мы, товарищи. Терпеть дальше мочи нет. Я и предлагаю всем вам: пускай каждый опытный забойщик возьмет на буксир новичка, поднимет его до себя. Так мы общего подъема добьемся. Вот к чему нас партия призывает.

Предложение обсуждали недолго, большинство сразу же поддержало Изотова. Правда, нашлись и такие, что поворчали: дескать, я семь потов пролил, пока научился обушок правильно держать, а тут только из деревни явился, еще навоз от рук не отмыл, а хочет сразу в дамки, чтобы вровень со мной, несправедливо, мол, это.

— Ты сам откуда родом? — перебил ворчуна Изотов.

— Местный я, все знают, — растерялся забойщик.

— Ага, местный, — согласно кивнул головой Изотов. — В землянке, поди, жил. Точно?

— Ну так што?

— Твоей семье шахта в первом доме новую квартиру дала. Верно?

— Ну верно...

— А кто дом строил, знаешь? После смены горняки подмогали и штукатурить, и полы стелить, и деревца под окошечком твоим сажали. И я в том числе помогал, а от квартиры в том доме тогда отказался, знал, что

у тебя семья поболе. Подумай над этим. Нельзя по-старому жить, когда во все двери новое стучится.

— Дак я што, я не против, кому надо, пусть в уступ приходят, научу, — смешался забойщик.

— А я предлагаю самим по чужим уступам пролезть, да и не чужие они — все на нашей шахте свое, рабочее. Делить не стоит: мое — чужое. Я вот беру себе в ученики, — Изотов оглянулся вокруг, поманил пальцем вихрастого паренька, что жался в углу нарядной, — вот Золотарева беру, сделаю из него ударника.

Шахтпартком одобрил на своем заседании статью Н. Изотова в «Правде» и рекомендовал всем горнякам широко обмениваться опытом. А горловская газета «Кочегарка» напечатала обращение ударников шахты № 1 взять шефство над отстающими забойщиками и целыми участками. «Найти Изотовых на каждой шахте и в каждой профессии», — призывали заголовки в газете. «Кочегарка» взялась вести перекличку ударников, последовавших примеру Изотова.

Никифор Алексеевич на ближайшем партийном собрании все же поправил «Кочегарку»:

— Если уж мою фамилию газета в заголовок вынесла, то я хочу поделиться опытом. Обучил я Золотарева — он теперь полторы нормы дает. Дальше Гурова взял, сам с ним в уступе не один день провел. Теперь меня он перегнал, ну, не вообще, а в отдельные смены. В общем, не ищу я изотовцев, а беру ребят, кто попадется, да и делаю из них «изотовцев», — под общий смех заключил он.

«Нет, не только рекорд угледобычи установил богатырь-шахтер и не только к рекордам звал он своих последователей, — говорилось в обращении ударников ко всем горнякам. — Он своим обушком подрубил старую изгородь, сплетенную из косности и инерции». Эти слова многократно повторяли пропагандисты Горловской техстанции в общежитиях горняков, во время нарядов на шахтах, проводя по решению горкома партии

громкую читку выступления Изотова в «Правде». На первой странице «Кочегарка» печатала отклики ударников, делившихся своим опытом.

Такое, например, пришло письмо из Криворожья:

«Уважаемый товарищ Изотов! Читая статью в газете «Правда» о том, что ты за 24 дня июня дал норму в 2000%, наши горняки рудника «Большевик» Октябрьского рудоуправления взяли под сомнение правильность этих данных.

Просим подтвердить собственноручным письмом, так ли это в действительности. Если можно, то пришли нам свою фотографию для того, чтобы мы проверили, твой ли портрет был напечатан...

Пишем потому, что наш рудник самый большой по добыче руды в Криворожье, но выполняет план только на 46—47%. Твой ответ поможет нам мобилизовать массы на основе твоего письма.

По поручению товарищей Н. Протасов».

Послал Изотов фотографию, в ответе посоветовал «хорошенько поискать, обнаружить причины, мешающие выполнить план, и ликвидировать эти причины — это первое условие победы».

«Я начал получать письма со всех концов нашей великой страны, — вспоминал то время Н. Изотов. — Мне писали шахтеры и металлурги, химики и колхозники. Приходили письма от горняков Кривбасса, Кузбасса, Подмосковного района. Были даже письма из далекой Караганды. Одни не верили, что я так работаю, а другие верили и приветствовали меня. Многие товарищи хотели узнать от меня лично, сколько лет я изучал пласты, какого я роста и прочее. На шахтах Донбасса возникли целые легенды обо мне как о забойщике невероятной физической силы. Я отвечал на эти легенды, что Изотов так же силен, как и другие забойщики, а высокую производительность даю потому, что овладел техникой своего дела... На все письма я немедленно отвечал».

Таковы были истоки движения, которое позже получило имя «изотовского». От индивидуального наставничества ударники переходили к коллективному, и характерно в этом плане выступление Изотова на Горловской партийной городской конференции 25 июня 1932 года: «Мне просто неловко говорить вам о том, что свое задание я выполнил на две тысячи процентов. За это время у меня было четыре дня отдыха. За двадцать дней июня я заработал две тысячи рублей.

Стрижаченко с места дал справку, что «выпуск школы Изотова» составляет тридцать молодых горняков.

— Это новое пополнение рабочего класса, которое прошло обучение в забое и горит желанием применить полученные знания на практике, — говорил парторг. — Свое обязательство товарищ Изотов перевыполнил... Наверное, так и положено большевику.

«Товарищи! Почему же на других шахтах у нас недовыполнение? — продолжал Изотов. — Я думаю, что немалую роль, если не решающую, играет то, что новички не умеют выбирать уголь. Я хочу взять под свое руководство весь наш горняцкий молодняк, всех отстающих для того, чтобы передать им свое умение работать в забое. Молодые кадры забойщиков хотят и будут работать. Их только надо научить».

После конференции новый заведующий шахтой Юхман пригласил к себе Изотова, вежливо усадил на диван, сам вышел из-за стола и пристроился рядом, улыбнулся приветливо:

— Значит, в начальники участка захотел?

— Да подожди, подожди, не так меня понял, Иван Артемович, — возмутился Изотов, вскакивая с продавленного дивана и рубя воздух ладонью. — Да зачем мне в начальники? Мне ребят обучать охота, добровольцев.

— Если добровольцев, — перебил его Юхман, — то надо учить там, где потруднее. Пусть участок будет отстающий, чтобы не на готовенькое добровольцы пришли.

— Любой выделяйте, не пожалеете.

— Что ж, подбирай потихоньку молодняк, — согласился заведующий шахтой. — Рискнем.

Новый завшахтой Юхман слыл бывалым горняком. Сам начинал трудовую биографию ламповщиком на юзовской шахте еще в 1911 году. Кремень мужик, но с понятием. Его и бросили на прорыв, предупредив, что если за год не вытянет Первый рудник, то положит на стол партийный билет. Юхман спокойненько так ответил представителю обкома партии:

— Я не лошадь, чтобы вытягивать шахту. А людей постараюсь мобилизовать. Партийный билет мне собрание выписало. Понял? Коллективно выписало, проголосовав за меня. Доверие мне оказало. Оно только и сможет его назад отобрать. — И посоветовал, закуривая толстую самокрутку: — Ты, товарищ, зря словами не бросайся.

Таков Юхман. Первые недели он спускался ежедневно на целую смену, побывал во всех забоях, знакомился с горняками, расспрашивал о делах и житье-бытье, ничего не записывал. Знал Юхман, что нигде так язык не развязывается, как на своем рабочем месте: здесь и гордость, здесь и боль. И каждый день после «упряжки» собирал командный состав, обрисовывал обстановку, каждому давал задание. Конкретное. И срок исполнения просил точно обозначить. Тут уж записывал. И пошло-поехало, как говорится...

Кого взять на шахте — не секрет, новички — вот они, как на ладони. Немного их только. Поехал Изотов в обком комсомола, рассказал о своем предложении, о том, что Горловский городской комитет партии поддерживает, а руководство шахты вроде бы и за, но как-то нерешительно соглашается. Вот он и просит обком направить ему на будущий участок комсомольцев из деревень, тех, кто решил уголек понюхать. Ему пообещали.

В декабре 1932 года многие шахтеры читали вывешенный в нарядной приказ № 114.

«Придавая огромное значение делу подготовки квалифицированных забойщиков, организовать с 1 января 1933 года в седьмой лаве горизонта 640 метров первую на шахте изотовскую школу.

1. Штат лавы укомплектовать из учеников-комсомольцев. После окончания учебы штат обновлять за счет новичков.

2. Назначить руководителем-инструктором участка № 7 Н. А. Изотова».

Никифор Алексеевич сам записывал в тетрадь фамилии добровольцев. В основном это были молодые парни, которые не вытягивали норму. У кого навыков не хватало, у кого условия попались трудные даже для опытных шахтеров. Никому не отказывал Изотов, всем одинаково говорил:

— Молодец, что пришел. Нам такие хлопцы нужны. Мы еще себя покажем.

Приехали парни с комсомольскими путевками. Так набралось человек сорок пять. За неделю до начала добычи Изотов провел собрание коллектива участка, серьезно так, деловито. Выбрали бригадиров, договорились о взаимопомощи — пришлось Изотову растолковывать, что это такое и как понимать крылатые слова «делись огнем!».

С Юхманом же чуть не поссорился.

— Зря вы меня в приказе назвали, — сердился он, — назвали бы просто участок комсомольским.

— А это для того, чтобы ты лучше ответственность почувствовал, — сказал ему завшахтой. — Ученики — одно, а участок — совсем другое. Тут надо не только рубить, но еще и умело организовать работу, все звенья увязать в единый трудовой процесс.

— Ладно, увяжем, — отозвался Изотов, — а если на мое образование намекаешь, так я полный институт-

ский курс в забоях прошел, а учиться все равно еще буду. И диплом получу.

— Друг, не серчай, — попросил Юхман. — Я тоже диплом в забое получил. Верю в тебя и твою идею. По душе она мне, ей-право.

В устав новой школы Изотов вписал такие пункты: состав работающих сделать переменным, если новичок овладел профессией, переводить на любой участок по его желанию; любой отстающий рабочий шахты по заявлению может перейти в школу.

— Понимаю, что непросто все, — сказал Изотов десятнику седьмого участка. — Давай составим памятку, сколько на смену нужно вагонеток, леса, разобьем ребят по сменам, чтобы в каждой хоть по одному бывалому забойщику оказалось. А между нарядами я буду накоротке новичкам теорию преподавать. Объясним как-нибудь, что умение любую силу гнет.

Сам пролез по всем уступам, высвечивая лампой каждый угол, изучая боковые породы.

Выехал на-гора, когда уже темнело. Зашел к Стрижаченко. Тот неторопливо вел беседу с коногоном, подавшим заявление о приеме в кандидаты партии. Увидел Изотова, показал рукой на стул:

— Присаживайся, Никифор Алексеевич. Только из шахты? — отметил он, скользнув взглядом по влажным волосам Изотова. — Глядишь, так многие отвыкнут дома мыться. Душевые какие построили — выходить неохота. Говорят, вроде Сандуновских бань в Москве-матушке. Сам, правда, не бывал, но наслышан. О банях, конечно, в столице-то приходилось жить.

— Дома как-то привычнее, — поддержал Изотов. — Трудно отвыкать от привычного. Вроде и неудобно в корыте плескаться — и набрызгаешь, и детишки кругом, а многие упорно в душевые не заходят.

— Поймут со временем сами, неволить не станем, — протянул Стрижаченко. — Добровольно лучше. Такой у меня принцип. А ты как считаешь?

— Если ты, Игнатыч, насчет нового участка, то согласен. — Опустился осторожно на стул, скрипнувший под его тяжелым телом. — Трудный участок, мышь ему за пазуху.

— Чем надо поможем...

— Насчет привычного, товарищ, парторг, вы правильно подметили, — неожиданно заговорил коногон со смоляным чубом. — В августе, когда первый электровоз по штреку пустили, считай, вся шахта сбежалась смотреть...

— И что дальше? — заинтересовался Стрижаченко.

— Лошади ему больше по душе, — подсказал Изотов, улыбаясь. — Что, не так?

— Электровоз-то вроде хорош, тащит куда тебе, — присвистнул коногон. — Только составы часто бурятся...

— Пути надо под электровоз лучше закреплять, — бросил Стрижаченко. — А раз лошадей любишь, то как же тебе не жаль на них под землей смотреть? Они же обреченные.

— Да нет, я жалею, тут я согласен, — зачастил парень, уловив суть вопроса.

Изотов слушал, не вмешивался.

Глава восьмая

ШКОЛА ИЗОТОВА

Текла река времени, и было оно безумно интересное. Каждый месяц страну облетали сообщения о новых победах на хозяйственном и культурном фронтах. В один из сентябрьских дней партпропагандист Изотов, удобно расположившись на широкой скамье в нарядной, пересказывал новости из свежих газет. Выпуск автомобилей московских и нижегородских доведен до ста в сутки, а тракторов харьковских и сталинградских — до ста двадцати.

— Вчера вроде о стройках писали, а сегодня готовые машины из цехов выходят, — восхищался он. — Прямо волшебники у нас люди.

Шла перекличка металлургов Украины, Сибири, Урала. Ударники выступили с призывом: «Все 101 домна могут и должны работать как 8 передовых». Приятно было Изотову сообщить, что в числе передовых и земляки, мариупольские металлурги... Вылетел из Москвы в Харьков авиагигант АНТ-14. Самолет цельнометаллический, построен из отечественных материалов, размах крыльев за сорок метров, полезная нагрузка семь тонн. Пять моторов развивают мощность 2400 лошадиных сил.

— Такого табуна, поди, в мире нет, — восторженно брякнул коногон Федя, вольно стоявший у входа.

— Дура, — не выдержал механик. — При чем тут табун? Это ж условные лошади. — Степенно повернулся к Изотову: — Алексеич, это что же, самый большой? Не сказано там?

— Не-е, четвертый в мире по размеру, — сообщил Изотов, глядя в газету. — Гидросамолет «дорнье» двенадцать моторов имеет. Еще «капрони» и «юнкерс». Последний уступает нашему в скорости... Хочу еще прочитать заметку доменного мастера с мариупольского завода имени Ильича. Вначале он об обезличке в обслуживании техники говорит, о перебоях с поставками материалов. Специалисты редко в цехах бывают. — Поднял голову. — Прямо как у нас. А дальше автор кроет напрямую: «Живем на берегу Азовского моря, а рыбы нет. Селедку дают в централизованном порядке и то умудряются так: нашу селедку везут в Архангельск, а к нам — с Мурмана. В столовых однообразие. Советские базары развиваются очень туго, ибо организации, на мой взгляд, плохо ведут связь с подшефными колхозами. Все описанное мною — главным образом мелочи. Но, устранив их, мы добьемся больших результатов... Из мелочей теперь складываются великие дела».

Изотов отложил газету, качнул в раздумье массивной головой:

— Гляди, ребята, интересно как получается... Цельнометаллический самолет сделали, автомобили и тракторы выпускаем. Под силу, значит. А в столовых и торговле порядок навести не можем.

— Селедкой обмениваются, — не выдержал Денисенко. — Вредительство!

— Надо рабочий контроль вводить повсеместно, — не согласился Изотов. — И в столовых тоже. Тогда порядок будет.

— Вот это в точку... Хозяйский глаз нужен... — раздались голоса.

— Не зря, выходит, я с поваром соцобязательство подписал, — подал голос Изотов.

В нарядной рассмеялись.

Под Новый год принес Никифор домой елку. Невысокую, но разлапистую. Стряхнул с нее перед крыльцом снег, с треском протащил сквозь узкую дверь. Снял шапку, шутливо поклонился Надежде Николаевне:

— С праздником, хозяйка. Ваших чад и домочадцев тоже.

Четырехлетняя Зина захлопала радостно в ладошки, а двухлетняя Тамара сидела у матери на руках, таращила глазенки: первый раз елку видела — до того Нового года честили исконный обычай «пережитком проклятого прошлого». Вечером, когда дети заснули, родители украсили елку хлопьями ваты, подвесили конфеты, пряники. Долго сидели вдвоем, наслаждаясь густым хвойным ароматом. Надюша подбрасывала полешки в печь. Легли до полуночи. Завтра хоть и праздник, а Изотову в первую смену.

— Новый год встречу новой упряжкой, — пошутил он, имея в виду седьмой комсомольско-молодежный участок.

Случай свел на Первом руднике Александра Степаненко и Никифора Алексеевича Изотова, но не случай-

ность. И два этих человека, разные по возрасту, встретившись однажды, стали друзьями на всю жизнь...

В весенний день 1932 года людно было у комсомольской комнаты на стройке Харьковского тракторного завода. Выкликнули и Степаненко, крепыша с живыми карими глазами.

— Садись, Сашко, — встретил его секретарь. — Такое вот дело. В Донбассе умелых рук нехватка. Острая, — подчеркнул по-молодому суровый секретарь. — Стране нужен уголь. Там передний край борьбы за социализм.

— Я хочу строить социализм тут, в Харькове, — не выдержал Степаненко.

Секретарь поморщился, словно от зубной боли.

— Слова твои правильные, но не зрелые. Без угля и наш ХТЗ никогда тракторы не даст. Понял?

— Чего тут понимать. Я специальность освоил, в бригаду хорошую попал. На Доске почета значусь.

— А в Донбасс треба посылать лодырей? — перебил секретарь Сашкину горячую речь. — Разгильдяев всяких? Партия обратилась к комсомольцам с призывом: помогите поднять добычу угля!..

Через несколько дней с Харьковского вокзала уходил специальный эшелон с мобилизованными на угольный фронт комсомольцами. Так им и сказали на прощание:

— Вы мобилизованы партией. Несите себя высоко, будьте достойны доверия.

Попал Степаненко в Горловку на шахту № 1. Переночевал в общежитии, а в шестом часу зазвучал гудок. Новичкам выдали брезентовые куртки и штаны, каски, налезающие на глаза, каждого прикрепили к опытному забойщику... Вечером, помывшись в душевой, еле дошагал Сашко после первой упряжки до общежития. Ныла спина, болели ноги — не привык передвигаться согнувшись, как пришлось в лаве. В комнате Антипа — случайно с ним познакомился в поезде, даже не знал, откуда он, — не оказалось. Двое парней курили, резались

азартно в «подкидного». Спросил, не видели ли Антипа.

— Курчавый такой? — один из парней глянул на Степаненко. — Утек вместе со своим сидором.

Решил Сашко прогуляться по поселку. Открыл чемодан, чтобы переодеться. Батюшки! Костюма нету. Сорочек нету. И деньги исчезли. Подъемные. Мать честная, только справил костюм.

— Хлопцы, — спросил он дрожащим голосом. — Кто лазил в чемодан?

— Да друзьяк твой...

— Так разве он в шахту не спускался?

— Не-е, — гоготнули парни, — он на дно твоего чемодана спускался.

— А, пропади оно все пропадом, — закричал в обиде Сашко. — Тоже мне, индустриальное сердце страны. На черта мне все это нужно.

И стал дрожащими руками запихивать вещи в чемодан, бормоча под нос: «Все, дураков нету, пускай другие попробуют...» В двери заглядывали любопытные.

— Еще один загнулся... Сбежит... — услышал он голоса.

«Что ж, и сбегу, — подумал Сашко. — На завод неловко, поеду домой, на Черниговщину. В деревне тоже работы хватает».

Неожиданно ребята расступились, и в комнату уверенно вошел крупный человек. Первое, что бросилось в глаза Сашку, — был вошедший на голову выше всех, острижен коротко, а глаза небесно голубели на заветренном лице. Поглядел на открытый чемодан, спросил:

— Что за крик, аж в шахте слыхать?

— А чего молчать? — озлился Сашко. — Обокрали всего. Костюм новенький, еще не надевал. Сорочки, гроши. Ноги моей больше на земле вашей донецкой не будет...

— Дать бы тебе по потылице, — отозвался спокойно голубоглазый. — Крепко дать... Эх ты, кадр. Комсомо-

лец! — укоризненно качнул крупной головой. — Костюм? Да мы из этого края скоро сказку сделаем. Будет тебе белка, будет и свисток — костюм то есть. Да, глядишь, не один. И орденом еще дома покрасуешься. Разве ж с шахты уходят? Ты думай, думай... Нет, уходят, но кто? Нытики да хлюпики всякие. Радуйся, что попал в Горловку. Подумай.

— Что еще за агитатор? — недовольно спросил у ребят Сашко.

— Изотов, — ответили ему. — Ударник наш. Ест за троих, работает за десятерых. Кстати, присаживайся, на голодный желудок в забое много не нарубишь. Давай-давай, не стесняйся.

Ушли злость и обида. Утром с парнями встал по гудку. На наряде десятник сказал:

— Степаненко. Вот тебе наставник. Обушок, одним словом. Слушай его во всем.

Смотрит Степаненко — невысокий худощавый человек в шахтерках ему руку тянет:

— Будем знакомы...

— А где обушок?

— Так я и есть Обушок. Кличка такая почетная у меня, — пояснил худощавый. — Держись возле меня, в ударники выйдешь...

Обушок оказался ловок в забое, проворен. Показал, как крепить забой, а сам застучал — принялся рубить в уступе. Через пару часов Обушок постукал по стойкам, что ставил новичок, одобрительно произнес:

— Добре, молодец. Зараз поснидаем.

Достал узелок, выложил краюху хлеба, ломти сала, свежие огурцы, каленые яйца, приветливо пригласил подкрепиться. За едой рассказал Сашко, как собрался было уезжать, да остановил его Зотов какой-то.

— Изотов, — поправил учитель. — Добрый из него шахтер вышел. А начинал, как и ты. С мозолей.

— Чего он в общежитие-то ходит? — спросил Сашко.

— Наверное, тянет его к молодым, — заулыбался Обушок, пряча тряпицу от «тормозка» в карман куртки. — Давай теперь ты попробуй на угле.

Приладился Сашко, раз ударил в пласт, другой. Вошел в азарт, застучал дробно. Учитель остановил его, поднял пару грудок угля, протянул:

— Держи, твоя первая добыча.

— Я же вроде много нарубал...

— С полведра наберется, — согласился Обушок и не понял, почему нахмурился его ученик.

— А я думал...

— Не горюй, — наконец догадался Обушок. — Все так начинали. При-идет сноровка. Парень ты крепкий. Гляди, прямо морфлот. Запомни, каждый пласт свой норов имеет, вроде новой жинки. — Усмехнулся: — Сегодня у меня ужинаем. Познакомлю со своей благоверной.

Вечером узнал Сашко у Катерины Павловны, что приехали они в Горловку с Полтавщины, фамилия их Обушак, отсюда и прозвище у мужа, на которое смешно обижаться. Долго вспоминал Сашко своего первого учителя.

За несколько месяцев столько событий произошло в жизни Степаненко, что самому не верилось. В забое освоился, рубить уголь стал легко — граючи две нормы давал. Выдвинули его в бригадиры, а начальник 24-го участка Дмитрий Александрович Семенов, человек твердый, но отзывчивый, порекомендовал Сашко в секретари комсомольской ячейки. В бригаде семь хлопцев. Им и сказал на наряде Семенов:

— Молодые вы, любо-дорого глядеть. На вас и надежда. Вам первым доверяем освоить отбойные молотки. Главное, не робейте. Я и в парткоме за вас поручился как коммунист. Механизация — дело политическое. Первая на шахте комсомольско-молодежная бригада. Гордитесь.

Бригада Степаненко первой взялась освоить отбойный молоток.

— Ку-уды они с энтими дрыгалками против обушков, — насмехались иные на шахте. — Скоро «мама» заголосят...

Зря так говорили. На взлете была первая комсомольско-молодежная... Хлопцы скоренько освоили отбойные молотки, пулеметные очереди в уступах оборачивались угольным потоком. Лава вышла на передовой рубеж по добыче. Ни у кого теперь язык не поворачивался подшутить над молодыми горняками из бригады Степаненко. Особенно отличались в работе и по характеру Ваня Тараненко и Коля Буценко, с ними сдружился Сашко, так их и звали на участке «трое неразлучных». И тут пришла беда.

В ночную смену загорелись трансформаторы в подземной камере, и вентиляционная струя понесла по выработкам угарный газ. Бригада Степаненко не успела выехать... Когда Сашко открыл глаза, то увидел Семенова. Осунувшийся, небритый, он понуро сидел на стуле рядом с больничной койкой. Позвал слабым голосом:

— Дмитрий Александрович, как хлопцы?

Семенов долго смотрел на него, с трудом выдавил:

— Погибли твои други...

Позже узнал Сашко, что поднятый ночью с постели Семенов первым бросился на их участок, вывел всех забойщиков. А они втроем в верхних уступах уголь рубили. На руках вынес Сашко на штрек, бросился обратно... Ивана Тараненко и Николая Буценко спасти уже не удалось.

Двадцать дней отлежал Сашко в больнице. Злоязычные о нем говорили: «Теперь сбежит... Сам сказал: боюсь, мол, шахты... Ку-уда ему...» В день выписки пришел в больницу Семенов, спросил напрямую:

— Ну как, Сашко? — Напряженно ждал ответа.

— А что? — удивился Степаненко.

— Слышал, будто уезжать надумал? — И, уловив

растерянность на Сашкином лице, торопливо сказал: — Нет, без укора спрашиваю. Твоя воля. После такого...

— Да никуда я не собираюсь, — почти закричал Сашко, вскакивая с кровати. — Даже в мыслях такого не было. Кто сказал?

— Тогда молодец, — похвалил Семенов. — Знаешь, Сашко, о чем подумал? В партию надо тебе вступать. Я первый поручусь...

Вернулся Сашко на 24-й участок, вновь возглавил бригаду. Тяжко ему было без верных друзей — Вани и Коли, но, как по уговору, разговор об аварии никто не заводил. Однажды перед утренним нарядом зашел Изотов, поманил Степаненко, спросил, слышал ли он, что на седьмом участке создается школа молодняка.

— Изотовская школа, — поправил его Сашко. — Вчера сам приказ по шахте читал.

— Не в названии дело, — поморщившись, недовольно произнес Изотов. — Главное доказать, что любой новичок может стать добрым шахтером. Если захочет, конечно. Вот я и подумал — давай ко мне.

Степаненко пожал плечами. Во-первых, он уже и не новичок, как-никак бригадир, а во-вторых, зачем ему снова с молотка на обушок переходить.

— Затем, что мне помощник нужен, — доверительно сказал Изотов. — Пример живой нужен. А славу пополам разделим, — улыбнулся он, зная, что Сашко правильно поймет его слова. — Добре, бригадир.

1 января 1933 года на участке № 7 открылась школа Изотова, которого приказом оформили инструктором. В нарядных и забоях в ту пору было много разговоров об этом начинании. Кто, напротив, выражал всяческое одобрение: «Не боги горшки обжигают». — «Так то горшки, а тут завалящий участок», — возражали им.

Седьмой участок — это сорок пять добровольцев. В основном комсомольцы-новички, большинство из них не справлялось со сменной нормой. Перед первым спуском в шахту Изотов сказал в нарядной:

— Главное, хлопцы, не вешайте носа. Не выйдет у кого сегодня, постараемся, чтобы получилось завтра. Ну, орлы, я на вас надеюсь.

Так начала работать школа Изотова — не в аудитории, не у доски, а в подземных коридорах перелистывали страницы «шахтерского букваря» сельские хлопцы. И вслед за учителем выходили «на план», а затем и перекрывали его, гордясь обретенными навыками, приобщением к подземному братству шахтеров. Уже позже подсчитали, что первый «выпуск» этой необычной школы составил 150 забойщиков, которые, получив свой главный диплом мастерства, возвращались на свои участки, внося веру в то, что действительно «не боги горшки обжигают» и что умением и упорством можно все преодолеть.

Несмотря на старания ударников, в 1932 году шахта № 1 недодала государству около девяноста тысяч тонн угля. И хотя рогожное знамя давно убрали, чтобы не подрывать далее настроение горняков, успехи Изотова и его товарищей, «минусовый» итог жег обидой. «Нечего ссылаться на геологию, — говорил на собраниях Изотов, — легче всего на геологию все свалить: природа-де нам подножки ставит. Неправильно это, не по-большевистски. Сами виноваты, порядка мало еще. Второй год отбойные молотки внедрить не можем, порожняка не хватает. А сколько отстающих в забоях? Во-от они, резервы, тонны уголька недоданные. Их давайте считать».

А Стрижаченко, ставший теперь парторгом ЦК ВКП(б), поддерживал: «Правильно говорит. Незачем в облака смотреть, причины сбоя искать. Сами виноваты — сами и будем выправлять положение. Начинать будем с укрепления дисциплины среди надзора. Бывает, что техники вообще не выходят в смену? Бывает. А в нетрезвом виде встречали их в забоях? Встречали. Так дело не пойдет. Руководитель, даже самый маленький, примером во всем обязан быть».

Парторг ЦК невысок, худощав, волосы гладко назад приглажены, глаза серые, внимательные. Голос негромкий, но когда заговорит, то всем слышно. Носит брюки в сапоги, френч полувоенный, иногда серый костюм с галстуком. Очень любит слово «товарищ». Это, рассуждал он среди шахтеров, тоже великое завоевание революции. Обращение такое всех людей уравняло — товарищ. А начинает выступление всегда так: «Дорогие мои товарищи!..» Звали его Владимиром Игнатьевичем, но шахтеры сразу же уважительно стали называть: «Игнатычем». Так и говорили, если что не ладилось: «Надо к Игнатычу сходить, он присоветует...»

Нравился парторг Изотову. Объяснял так: «Толковый и с душой, у меня на хороших людей нюх». Когда спит Игнатыч, когда ест, только гадали, всегда он был рядом, а шахту знал не хуже любого специалиста. И еще — всегда ярким румянцем горели его щеки, словно свеклой натер. Только много позже после знакомства, когда уже был Изотов в зените известности, узнал: давно болен Стрижаченко, этот трудолюбивый, скромный человек, тяжелой, неизлечимой болезнью легких, но никому никогда об этом не заикался, а жить ему оставалось совсем немного.

Проводили на участках собрания, выявляли коллективно недостатки, гласно заявляли о необходимости замены начальника участка или механика, десятника. А когда провели перестановку кадров, вплотную взялись за распространение передового опыта. Попросили техников вместе со старыми забойщиками составить на каждый пласт «техминимум» — краткую инструкцию по выемке угля. Это были первые паспорта, дающие характеристику залегания угля и особенности его выемки. «Техминимумы» очень помогали молодым горнякам освоиться на рабочих местах.

Сам Изотов, как инструктор, все время в движении. Зайдет в один уступ, возьмется за обушок: «Вот как надо, гляди лучше», да еще присмотрится к новичку, бро-

сит вроде бы ненароком: «Толк будет» — и к соседу. У того уже волдыри на ладонях. «Не-ет, браток, обушок не молот, гляди, как надо его брать». Нарубит вагонетку, дальше идет. Так за смену во всех уступах побывает, всем доброе слово скажет; а оно, слово это, вроде волшебного эликсира: дух поднимает, уверенность придает. Стараются ученики «изотовской школы». Не все ладится, конечно, но увереннее обушок держат и будто устают меньше, а угля получается больше. «Так и должно быть, — радуется инструктор. — Мастерство, оно в том и состоит — силы трать меньше, выработку давай больше».

Новички уж интересоваться стали: скоро ли и они на молотки перейдут? Изотов подтверждал, что скоро, вот выполнят месячный план, так и можно будет ставить вопрос о переводе их участка на пневматику. Январь до месячной нормы не дотянули, но добыли больше угля, нежели седьмой участок раньше давал. Неутомим Изотов, не ругает, не сердится, а учит, показывает. Видит, устал парень, усадит его в уголок, возьмет обушок — раз-два... Льется угольный ручей вниз, в люк. Только вагоны порожние подавай. «Дядя Никифор, давай я сам...» — переживает хлопец.

«Сам и работаешь, я что — слегка подмогнул», — отвечает Изотов. И в следующий уступ, где Сашко Степаненко работает.

— Сколько сегодня? — и пытливо по сторонам глянет.

Тот для легкости куртку сбросил, играет мускулами, обушком в черную стену — р-раз, еще р-раз! Проседает пласт, сыплется, отваливаются грудки угля, текут по почве.

Спрашивает Изотов для порядка — сам видит, что бригадир уже шестую тонну рубить кончает, радуется.

— Сашко, как настроение у хлопцев?

— Боевое...

Первый день вроде того блина комом вышел —

шестьдесят тонн недодали к плану. Через неделю суточная добыча дошла до 130 тонн угля. А к концу месяца вышли на план — 150 тонн.

Нравился Сашко Изотову, который вообще любил людей. Все с участка прошли выучку у Никифора Алексеевича, а Степаненко вдвойне. Когда он, выполнив свою норму, поспешил в соседний уступ помочь Игнашке, неразворотливому пареньку, то совсем покорил Изотова. «Вот это по-нашему, по-шахтерски, — гудел Никифор Алексеевич, хлопая его по плечу. — Ежели бы твою сознательность да всем рабочим». — «Да при чем тут сознательность, — смущался Степаненко, — жалко Игнашку стало, ведь старается, только не угоняется за нами». — «Что, я ему не показывал? — не соглашался Изотов. — Не обходил, рядком в уступе рубили». — «Может, он вас робел, а я вроде своего, товарищ-одногодок», — не терялся Сашко.

Февраль 1933 года начался победно для седьмого участка — все «плюсы» по итогам смены на доске показателей заносила молоденькая табельщица. Ребята радовались, а Изотов вдвойне — за себя и за них, что поверили хлопцы в свои возможности работать не хуже бывалых забойщиков, страх преодолели перед шахтой, перед пластом. А как важно в себя поверить, он по опыту знал...

Часто заходил к ним в общежитие, присаживался в комнате на табурет, увлеченно вспоминал, как восемнадцатилетним приехал в Донбасс. Неуклюжий, в просторном балахоне из мешковины, который в шутку называли «спецовкой», он шуровал в топках, носил уголь. Спал здесь же, в центральной кочегарке шахты № 1 в Горловке, не раздеваясь. Время было голодное, выдавали за работу немного муки да кипятку вдоволь. Шел 1920 год, восстанавливались разрушенные во время гражданской войны шахты. Закрутились на копрах колеса-шкивы, что опускали по стволу клеть с людьми и лесом и выдавали на-гора вагонетки с углем и породой.

Кочегары удивлялись: откуда у деревенского увальня такая хватка? Сила силой, а ведь здесь и сноровка нужны. Хвалили на собраниях, называли «сознательным пролетарием», лишнюю пайку хлеба выдавали за ударный труд. От похвал хотелось еще больше сделать. Тем более что на глазах менялась жизнь, а вместе с ней и отношение к труду.

— А как забойщиком стали? — спрашивали ученики.

Прикипел сердцем к немолодому уже шахтеру Денисенко, часто прибегал в нарядную шахты, садился на вытертую до глади скамью, слушал разговоры. И Денисенко его примечал, бывало, руку, пожмет, скажет как равному: «Привет рабочему классу. Закурить хочешь?» — «Не курю... Ты мне, дядя Гаврила, лучше про шахту расскажи». Просился не раз: «Возьми меня в забой». Но Денисенко советовал подождать: вот пустят скоро новый горизонт, уступы нарежут, тогда можно и новичков брать, а пока опытные руки нужны. Пояснял свою мысль: «Знаешь... так ведь можно навеки охоту отбить к нашей работе». — «Не-е, я упрямый». — «Природа упрямых не любит». — «А каких любит?»

Гаврила Семенович закручивал самокрутку, дымил: «Умелых любит, настырных». — «Вот я и говорю, что упрямый, чем труднее, тем мне больше охоты сделать по-своему...»

— Сколько таких разговоров было. А однажды Денисенко остановил проходившего мимо инженера, попросил: «Парень в забой хочет. Кумекаю я, толк выйдет, если на новый горизонт его направить». Инженер остановился, внимательно посмотрел на меня, качнул головой, сказал, что парень крепкий, да не в силе дело, он, Денисенко, знает это не хуже него.

«Посмотреть хочешь?» — спросил он с усмешкой.

«Чего смотреть? — отвечаю. — Насовсем хочу...»

«Сбежишь ведь после первой упряжки», — раззадоривал инженер.

«Слово даю», — загорелся я.

Не понимал, что инженер хитрит, нарочно подзадоривает, чтобы характер проверить, зажечь, чтобы не смалодушничал.

«Хорошо, — говорит, — попробуем тебя в забое. Но предупреждаю, это не кочегарка, это как живой организм, шахта-то. Ее полюбить надо».

Тот день, когда, получив лампу и обушок с корявым держаком — да ничего, вылезу из шахты — стеклом обтешу, — пошел к стволу, надолго остался в памяти.

— Здо́рово, дядя Никифор!

— Недели три нормы не давал, — признавался Изотов. — А потом пошло-поехало. На пласт «Сорока», где уступы располагались с другой стороны и можно было рубить уголь слева, — сразу две нормы, затем две с половиной. Однажды в уступ прилез незнакомый человек, устроился неподалеку, представился: «Хронометражист я, сделаю фотографию твоего рабочего места».

Удивился, как в такой темени фотографировать! Человек разъяснил, что фотография здесь ни при чем, а это по шкале времени надо отразить, сколько минут и на что затрачивают в смену, чтобы мой опыт другим передать. Гордился потом: «Сам хронометражист в забое у меня побывал!..»

Да, накрепко засели в памяти Изотова первые шаги в шахте, и та бескорыстная помощь, что получал он от незнакомых людей, обернулась желанием не проходить мимо отстающих, передавать им свои навыки...

— Руби по клеваку, — поучал он новичков, — начинай рубить сверху, с «кутка», и у тебя дела пойдут лучше. Уголь лежит слоями, и если будешь рубить по струе, он станет хорошо отваливаться и удар будет не напрасный. Лучше ударять меньше, да впопад.

Учил, что к крепкому углю надо брать зубки короткие, в уступ с мягким углем — длинные. Тогда выработка возрастет. Вел такие беседы ежедневно. Лучше пошли дела на участке, наряды проходили весело, без разносов. Смена старалась обогнать смену, и, чтобы ре-

бята еще больше прониклись духом коллективизма, посоветовал Изотов оставлять сменщикам в запасе крепежный лес: дескать, мы и так вас обгоним. Так потихоньку, умело вел Изотов свою школу, приобщая деревенских хлопцев к великому искусству добывать уголь. И сам с ними рос: брал домой технические брошюрки, журналы, читал подолгу, даже выписки делал в особую тетрадь.

В феврале участок № 7 впервые со времени образования перевыполнил план, среднесуточная добыча составила 220 тонн угля при задании 170 тонн.

— Да нам по плечу дела и побольше, друзья, — сказал Изотов ученикам. — Из пеленок вышли.

— Рекорд бы дать, — вставил Степаненко.

Стрижаченко, парторг, тут как тут. Тихо так подошел, предложил:

— Читали? Московские и ленинградские рабочие встречные планы составляют. Что это? А вот что — берут карандашик, лист бумаги и считают: задание у нас такое-то, а сделать можем больше. Зачем нам заниженный план? Мы вам свой предлагаем, и чтобы сомнений никаких — полная техническая выкладка. Чем донбассовцы хуже?

Раззадорил ребят.

— Давайте так порешим... — сказал Изотов, глядя на парторга. — Если мы, Игнатыч, пока без расчетов десяток тонн к плану в сутки добавим, сгодится?

— Сгодится для начала, — отвечает Стрижаченко. — Стихию усмирять нельзя, тем более в соревновании.

— Тогда голосуем, чтобы все по порядку. Эти десять тонн будут нашим ответом на призыв партии: «Пятилетку — в четыре года!»

Все дружно проголосовали за встречный план, а шахтпартком поддержал инициативу молодежного участка. В марте при плане 180 тонн горняки давали в среднем 223 тонны угля в сутки. А в апреле, когда плановое

задание составляло 190 тонн, сумели поднять выработку до 224 тонн. Сменная производительность по шахте составляла на забойщика 5 тонн, а ученики изотовской школы довели ее до 9 тонн. Это была победа, о ней громко говорили на собраниях, писала горловская «Кочегарка». Встречные планы взяли и другие участки.

В апреле 1933 года Александру Степаненко, лучшему ученику Изотова, предоставили слово на Вседонецкой конференции ударников-шахтеров, собравшихся в театре города Сталино.

— Сорок пять комсомольцев, не выполняющих задания, пошли работать к товарищу Изотову, — говорил Степаненко с трибуны. — Наш учитель дал нам «зарядку», проинструктировал, как надо хорошему шахтеру работать... Мы выбрали бюро комсомольской ячейки, выделили бригадиров, сказали себе, что дисциплина у нас должна быть боевой, как на фронте, и стали работать... Кое-кто посмеивался над нами сначала: «Собрались ребятишки, и участок свой завалят, и шахту подведут». Дали нам задание сто пятьдесят тонн. В первый день мы дали только девяносто. Но голов не повесили. Никита Изотов сказал: «Не бойтесь, ребята, не унывайте. Назавтра дали уже сто тридцать тонн. И день за днем начали двигаться вперед...»

К конференции ударников коллектив шахты № 1 пришел с отличными результатами: план первого квартала горняки выполнили 23 марта, дали почти полтораста тысяч тонн сверхпланового топлива. Конечно, не сами по себе пришли эти успехи. Сколько было призывов, сколько совещаний провели, сколько бумаги на приказы извели, а задание в 1932 году с треском провалили: долг составлял 86 тысяч тонн угля. Тогда горком партии, руководство трестом призвали коммунистов, передовиков взять под контроль все участки предприятия, чутко реагировать на предложения шахтеров. На шахте укрепили техническое руководство по всей технологической цепочке, начали смело выдвигать молодых техников, опытных

рабочих на должности заведующих участками, их помощников.

Не хватало фронта работ, отставали от лав подготовительные выработки. Объявили ударный месячник. Многие, отработав смену, оставались на вторую, становились рядом с проходчиками и забойщики, благо эти профессии при ручном труде легко совмещались. За короткий срок удалось нарезать новые лавы, пустить пять эксплуатационных участков. Изотовское движение на шахте позволило направить в забои за несколько месяцев более пятидесяти обученных шахтеров.

Уже пару лет бились техники с механизированными лавами — не ладилось хоть убей. «Мышь им за пазуху», — укоризненно качал головой Изотов, когда речь на нарядах у заведующего шахтой заходила об использовании отбойных молотков. По его предложению создали «рабочую инспекцию» для проверки всего хозяйства. И выявили сразу же массу недостатков. Молотки были обезличены, гуляли, что называется, по рукам, ну и, понятное дело, портились чуть ли не каждую смену. Забойщики бросали их прямо в уступах, вылезали в штрек, ждали слесаря. Часто не хватало давления в пневмопроводе — тоже из-за разболтанности, из-за того, что не проводились плановые ремонты оборудования. Первое, что сделали, — закрепили молотки персонально за забойщиками, обязали ежедневно осматривать их и промывать, а раз в неделю в каждой лаве ввели ремонтную смену.

Задумались и о новой системе разработки шахтного поля. Еще когда разворачивалось изотовское движение в Горловке, приехал на шахту № 1 забойщик Свиридов. Слыл он среди горняков шахты № 10 «Артем» одним из лучших мастеров отбойного молотка. Поэтому встретил его Изотов с подчеркнутым почтением:

— Спасибо, что приехал. Мы-то еще с сохой, а ты уже с плугом.

— В умелых руках и палка — инструмент, — отшу-

тился Свиридов. Помолчал, оглядывая собравшихся в нарядной парней. — Вот они в шахте железными конями управлять будут, не то что плугом... Какие у вас уступы?

— В каком смысле? — не понял Изотов.

— Да в прямом. Сколько метров по падению?

— Пять-шесть, как водится.

— То-то — «водится». Со старины глубокой. Для обушка, может, подходит, а вот с отбойным молотком расточительно. Времени зря много уходит, — пояснил Свиридов, присаживаясь к столу и раскрывая тетрадь. — Глядите, лава восемьдесят метров. Сколько кутков надо зарубывать? Ага, по числу уступов. Значит, двенадцать, а то и больше. А если уступ протянуть до двадцати метров? Зарубился — и гони пласт до конца. Выработка вдвое вырастает.

— А ведь верно, — поддержал его Изотов. — Почти треть смены у забойщика на вырубку кутков уходит. Но я сам должен попробовать, чтобы, значит, своим горбом почувствовать, а то как, не зная, агитировать за свиридовские уступы? — Прищурил хитро глаза. — А прежде я к тебе съезжу. Мы тоже готовимся перейти на молотки по всем лавам, хотя иные старики и сопротивляются.

— Боятся просто, — сказал Свиридов. — Сам, грешным делом, не верил поначалу. — Все в нарядной засмеялись. — Хвастаться не хочу, но за смену успеваю нарубить молоточком... — Он сделал паузу, поглядел на шахтеров.

— Сколько у вас на обушок получается?

— Изотов двадцать тонн дал, рекорд! — откликнулось сразу несколько человек.

— А я каждую смену даю по тридцать тонн, — отрезал Свиридов. — И не рекорд это, а норма. Так-то, ребятки. Кумекайте сами.

Названная Свиридовым цифра произвела на шахтеров большое впечатление и, можно сказать, круто повер-

нула интерес многих к отбойным молоткам и удлиненным уступам. Но только месяцев через восемь после той встречи удалось нарезать лавы по методу Свиридова. Горняки шутили: «Работаем по-изотовски в свиридовских уступах».

Так начинался подъем шахты № 1, коллектив которой вскоре добился стабильных успехов. Не только энтузиазм решил исход дела, но и грамотная техническая политика. Широкий фронт очистных забоев, переход на отбойные молотки и новую систему уступов выявил новое узкое место — подземный транспорт. Не успевала откатка, много угля скапливалось в лавах, сдерживая возможности бригад. Шахта получила четыре электровоза, коллективно привели в порядок пути в подготовительных выработках, отремонтировали двести вагонеток. По предложению Изотова ввели журналы пересмен в каждой лаве, на каждом горизонте. Теперь десятник, сдавая смену, должен был четко обозначить, на сколько метров продвинулась лава, сколько осталось порожняка и крепежного леса, есть ли нужное давление в воздухопроводе. Одним словом, свели к минимуму простои, всякие неурядицы по вине предыдущей смены. План первого квартала 1933 года завершили досрочно. Шахты «Мария», «Чекист», «Красный профинтерн», «Голубовка-22» также раньше срока рапортовали о выполнении квартального плана.

Важнейшую роль в подъеме угледобычи бассейна сыграло постановление Совнаркома СССР и Центрального Комитета ВКП(б) от 8 апреля 1933 года «О работе угольной промышленонсти Донбасса». В нем говорилось:

«Следует учесть, что условия на шахтах изменились в корне. Изменился состав рабочих на шахте — он стал более квалифицированным. Изменился труд на шахтах — он стал более сложным. Изменились требования шахты — шахта нуждается в опытных инженерах и техниках в гораздо большем количестве, чем это имело ме-

сто при ручной добыче». В постановлении указывалось, что ключом для подъема хозяйства всего угольного Донбасса является освоение новой техники.

В мае 1933 года Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) приняли еще два чрезвычайно важных постановления — об организации управления шахтой, рудником и трестом в Донбассе и о заработной плате рабочих и инженерно-технических сил угольной промышленности Донбасса.

За короткий срок только на шахте № 1 перешло из аппарата на участки более ста горняков.

В то время переходящее Красное знамя бакинцев находилось на шахте Буденовского рудоуправления, которое отставало. Шахтеры смеялись, читая в «Кочегарке» сводку об угледобыче и комментарий, что шахтеры «хранят знамя, но не удерживают». В Донбассе на конференцию ударников, где от шахты № 1 выступал ученик Изотова Александр Степаненко, прибыла делегация нефтяников. Прибыла с обидой: как же так, они завершили свою пятилетку за два с половиной года, а шахтеры подводят. Ясное дело, знамя следует передать достойным. Претендентов оказалось много. Единогласно постановили: передать его коллективу шахты № 1, так как здесь еще и снизили себестоимость тонны угля против проектной, на один процент уменьшили зольность топлива.

— Сменили-таки рогожное знамя на бархатное, — весело говорил бакинцам Изотов. — Теперь уж из рук не выпустим.

— Из таких рук, как у тебя, и не вырвешь, — шутил Вдовин, лучший слесарь Бакинского завода нефтеперегонного оборудования.

Об итогах конференции и передаче знамени бакинцев рассказала центральная пресса. Все больше писем стал получать Изотов. В их числе пришло такое из Подмосковного бассейна: «Я прочитал в «Правде» о тебе, что ты лучший забойщик Донбасса. Моя фамилия тоже Изотов, зовут меня Иваном Яковлевичем. Я тоже, как и ты,

забойщик. Угля меньше 19 тонн в смену не даю. Работаю в Подмосковном бассейне, в Донском районе, на шахте № 7. Наша шахта № 7, как и ваша горловская шахта № 1, перевыполнила квартальную программу.

Потому, тов. Изотов, я вызываю тебя на соревнование...»

И дальше сообщал, что овладевает техникой горного дела и учит бригаду, вникает в дела не только своей смены, но и всей шахты и как лучший ударник премирован, получил хорошую квартиру. Администрация шахты стремится создать ему, Изотову, и его семье хорошие материально-бытовые условия. Подмосковный шахтер передал привет бригаде своего однофамильца и спросил: «Напиши мне, тов. Изотов, согласен ли ты со мной соревноваться так, чтобы вся страна могла следить за нашим соревнованием... Надеюсь, ты примешь мой вызов, и ко дню Первого мая мы покажем стране наши показатели».

Письмо Никифор Алексеевич громко прочитал шахтерам, усмехнулся по-доброму: «Вот ведь как, однофамилец вызывает». — «Так это же хорошо, просто здорово, — отозвался Степаненко. — Все равно победит Изотов».

Отвечать на вызов однофамильца пришлось с трибуны в главном городе Донбасса, где собрались ударники бассейна; пригласили сюда и забойщика Ивана Изотова с подмосковной шахты.

— Вызов, который напечатал в «Правде» товарищ Иван Изотов, я принимаю,—говорил Никифор Алексеевич. — Только не в такой форме. Мы с тобой, товарищ Изотов, не дадим стране никакой пользы, если будем соревноваться только вдвоем, ибо двое ничего не дадут. — Он поднял руку, сжал пальцы в кулак. — Нужно, чтобы соревновались бригады, участки, шахты. Когда мы с тобой научим молодняк, научим тех, которые еще не овладели техникой нашей работы, — вот это будет соревнование.

Зал ответил на эти слова рабочего аплодисментами.

— Мы с вами часто читаем в газетах, — продолжал он, — что есть в Донбассе забойщик Изотов, который работает лучше всех. Это неправильно, у нас в Донбассе все Изотовы, которые пришли на конференцию рассказать о своих методах и темпах работы. Все дело упирается в то, что вы своих методов работы, которые дают вам возможность выполнять и перевыполнять задание, не передаете тем, кто работает хуже, не стараетесь познакомить со своими методами побольше народу.

Вот в этом у вас закавыка. У нас есть еще кое-где скверная привычка думать так: если я его научу, он начнет работать лучше меня. Такие соображения недостойны настоящих ударников, это не коммунистические соображения. Я должен сказать, что многие из тех ребят, которых я обучил своим методам, работают не хуже меня. Я этим горжусь.

Нашей шахте № 1 постановлено передать Красное знамя бакинских нефтяников. Рабочие и ударники нашей шахты, когда мы ехали сюда, поручили мне заявить конференции, что знамени, присужденного нам, никто от нас не заберет...

Шахта № 1 имела задание на сутки 1900 тонн. После того как нефтяники вручили коллективу знамя, здесь появился плакат: «Никакого головокружения от успехов — за 2300 тонн угля в сутки!» Приняв такой встречный план, коллектив шахты № 1 обратился в редакцию «Правды», Наркомтяжпром и ЦК профсоюза угольщиков с предложением объявить социалистическое соревнование на лучшую шахту СССР. Горняки всех бассейнов страны горячо поддержали призыв горловчан.

Пока предложения горловчан обговаривались в Москве, Изотов с группой донбассовцев по приглашению нефтяников уехал на празднование Первомая в Баку. Смотрели город, удивлялись необычным постройкам, ходили по базару, угощались горячими лепешками и крупной черешней, гладили покорных осликов по холкам,

здоровались с бородачами в папахах. Познакомились с рыбаками, и те устроили товарищеский ужин — уха, раки. «Соленая вода в Каспии, а раки откуда?» — интересовались гости. Рыбаки шутили, что специально вырастили к их приезду. Но главное — были встречи с нефтяниками. Шахтеры с интересом осматривали промыслы, перерабатывающие заводы, заходили в общежития и клубы, смотрели выступления самодеятельных артистов. Хозяева, в свою очередь, интересовались работой «изотовской школы», говорили, что у них, на нефтепромыслах, также создают школы-участки, где опытные рабочие берут «на буксир» всех отстающих, будут обучать молодых нефтяников. Это была в высшей степени полезная поездка. У нефтяников было что перенять, в частности в вопросах быта, досуга. Вернувшись, Изотов и другие горловчане пошли по общежитиям, установили рабочий пост в столовой. Здесь кормили кое-как, да и тесновато в ней было. Сменили повара, установили двенадцать отдельных столов для ударников, с помощью профсоюзного комитета приобрели новую посуду. Улучшилось питание шахтеров, особенно радовалась молодежь, живущая в общежитии.

— Столовая — это тоже участок шахты, — говорил Изотов на заседании шахтпарткома. — От нее зависит выполнение плана, как и от порядка на штреках и исправности отбойных молотков.

Объявили субботник по наведению порядка в общежитиях — все побелили, покрасили, расселили горняков по профессиям, как они того и просили.

Все это были ростки новых отношений, которые подняли роль рядовых горняков, истинных хозяев предприятия. Как-то Изотов в выходной зашел в молодежное общежитие, где жил и Сашко Степаненко. На дверях висел лозунг: «Каждому шахтеру скажите — у нас не казарма, а общежитие». В красном уголке шли занятия по изучению отбойного молотка, кто-то в дальней комнате бренчал на балалайке, видимо, вспоминая родную

деревню. Усмехнулся Никифор Алексеевич, прочитав на двери комнаты, где жил Сашко, надпись: «Перед тем как войти, постучи». Стукнул костяшками пальцев, открыл дверь. Навстречу поднялся с кровати сосед Степаненко в мятой рубахе и брюках, хмурый.

— Случилось чего? — На лице Изотова было написано удивление. Он привык видеть своих учеников всегда подтянутыми, жизнерадостными. — В одежде на кровати...

— Ничего не случилось, — ответил Петро. — Зуб болит! — и схватился за щеку.

— Ты подожди, подожди... А по правде?—настаивал Изотов. Любил он так говорить: «Ты подожди, подожди», в смысле — подумай хорошенько.

— Костюм у него украли, — отозвался сосед.

— Какой костюм? — не понял Изотов.

— Единственный, — хохотнули зашедшие в комнату ребята. — А за балкой, на восьмой шахте, Дуняша горюет...

Петро махнул рукой:

— Никакой Дуняши нету, а просто обидно.

— Обидно, если товарищ спер, — спокойно сказал Изотов, присаживаясь за квадратный стол и отодвигая подшивку газеты. — А когда залетный воришка, тут на себя обижаться надо — прячь подальше. Ладно, найдем выход. Спроси у соседа своего, как его обчистили в первый день приезда. Тоже уехать собрался было.

— Да ну? — повеселел Петро.

— Вот тебе и ну...

— Лучше бы костюм найти, — не выдержал Петро.

— Об том и говорю, — согласился Изотов. — Сообща выход и найдем... Только прежде я вам историю одну расскажу...

В апреле 1918 года Горловку захватили германские части, а с ними вошли и гайдамаки.

«Каждая шахта — это же большевистская крепость», — говорили тогда германские офицеры и нака-

зали жестче карать население. Каждый день на конном дворе истязали рабочих, женщин сюда волоком тащили, не просто били — издевались. Сюда привели первого председателя союза горняков Горловки Нестеренко. Допрашивали его, хлестали плетью — ни слова не сказал. Гайдамаки повалили его, били сапогами по лицу. Так и затоптали...

— Вот как боролись за Советскую власть, — закончил Изотов свой рассказ. — К чему говорю об этом? К новой жизни идем, помнить надо о жертвах, беречь, что народ завоевал. Ну а из-за мелочей вроде украденного костюма не стоит голову вешать. Не все же так сразу перековались — есть и воришки, погодите, дай срок — выведем и их. А костюм Петру новый купим. Соберемся все и купим.

Его предложение в общежитии охотно поддержали. Собрали триста рублей, на другой день купили соседу Степаненко новый костюм. Как он ни отнекивался, а подарок принял, повеселел даже. Через неделю заходит Изотов к нему в общежитие, смотрит — висит на стене газета «Забойщик». Оказывается, Петро вызвался ее выпускать: вот первый номер. А еще через несколько дней натянули молодые горняки рядом с общежитием экран — старались вовсю. Шахтпартком свое обещание выполнил — стали каждый день показывать для молодежи фильмы. Узнал Изотов, что его ученики и здесь инициаторами оказались, порадовался. Пустяковый вроде бы случай, а как пробудил он коллективистское начало у молодых забойщиков. Вот чему радовался Изотов.

Узнали на шахте, что Изотов в общежитие ходит. Такова уж сила авторитета, пошли к молодым горнякам и другие кадровые рабочие, больше того, жен уговорили подсобить уборщицам. Женскому глазу виднее, в чем у парней нужда: одни помогали чистоту в комнатах наводить, другие созвали свободных от смены парней цветники разбивать и деревца сажать, кое-кто белье штопал,

иные вызвались даже сорочки шить с отложными воротничками, только с уговором: «Для передовиков». Очень развеселился тогда Изотов: «Ну и обязательство взяли женщины наши, у нас же все теперь ударники, не нашьются».

Всего месяц-другой прошел, как начала работать в уступах школа Изотова, а о седьмом участке заговорили в Горловке. Да и как не удивляться: ни одного отстающего! Вчера еще вроде бы неуклюжие в забое деревенские парни, которых направляла к Изотову комсомольская ячейка, уезжать собирались, а ныне — на Доске почета красуются. Весь участок № 7 с «плюсом» идет, без сбоев. А текучесть забойщиков самая высокая на шахте. Только текучесть необычная. Не с шахты уходят изотовские ученики, а возвращаются на свои же участки, чтобы уступить место новичкам. И тут удивляют умением, старанием, выдержкой. Чудо какое-то! За короткий срок школу Изотова прошли полтораста молодых горняков. Комячейка на собрании постановила: считать Н. А. Изотова почетным комсомольцем.

— Эт-то же революция в кадровой политике, — доказывал Юхман в тресте. — Простой рабочий мыслит шире иных наркоматовцев.

— Но-но, ты без обобщений, — осаживали его трестовские служащие. — У нас есть план подготовки рабочих, мы его успешно выполняем.

— Да идите вы со своим планом знаете куда? — не выдерживал Юхман.

Зато в горкоме партии инициативу шахты № 1 по обучению профессиям молодого пополнения сразу поддержали, рекомендовали всем парторганизациям Горловки обсудить ее и использовать. И Игнатыч, скрывая улыбку, однажды привел на седьмой участок представителей шахты № 5, которые некогда оставили у ламповой рогожное знамя. Не подал вида Изотов, что помнит обиду, радушно пригласил посмотреть ребят в деле, а потом в нарядной обстоятельно рассказал о своих методах об-

учения. Улыбнулся широко, когда гости начали благодарить:

— Вам спасибо за науку...

В мае 1933 года наметился новый «горизонт» у Изотова. Еще когда гостили у нефтяников и те написали «Коллективную изотовскую инструкцию» в помощь отстающим, Никифор Алексеевич горячо говорил о переходе всех участков с крутопадающими пластами с обушка на отбойный молоток. А вернулся из Баку — заявил об этом официально в парткоме. После смены пролез по всем уступам самого отстающего на шахте № 1 участка «Мазурка-12» — год целый его коллектив «минусовал». И что же увидел? Закреплены уступы неряшливо, костры в выработанном пространстве кое-где развалились под тяжестью горного давления — так и до греха недалеко. Рештаки, по которым нарубленный уголь вниз идет к люку, дырявые, кривые, отсюда и потери немалые добычи. В общем, картинка хуже не придумаешь.

К тому времени шахтпартком уже принял решение направить для укрепления на этот участок десять коммунистов. Попросился включить его в тот список и Изотов. «Ты ж у нас профессор обушка», — пошутили в парткоме. «Стану профессором молотка», — в тон ответил Изотов.

Надо сказать, что ему приходилось держать в руках молоток. Когда в Горловке, а затем и в других районах Донбасса появились «изотовские школы», родилась идея об обмене передовым опытом между предприятиями. Ударники ездили к соседям, знакомились прямо в забоях с приемами работы, организацией труда, показывали свои методы.

Такие взаимопроверки стали нормой, добрым подспорьем партийных и профсоюзных организаций в борьбе за повышение производительности труда, за технический прогресс. Прослышал Изотов, что на шахте № 10 имени Артема, где работал известный ударник Свиридов, немало отстающих забойщиков. Приехал сюда, спу-

стился в шахту. Десятник привел его к штреку, где собрались проходчики.

— В чем дело? — поинтересовался он.

— Передышка у нас, уголь больно крепкий. Небось слыхал, пласт называется «Каменка», — отозвался дюжий парень.

— Ну и сколько же ты даешь за смену?

— Больше двух метров, хоть убей, по углю вперед не уйдешь, — развел руками парень. — А ведь еще породу надо обурить и взорвать...

Изотов взял отбойный молоток, проверил его, приноровился — р-раз, сыпанул отбитый уголь.

— Ты подожди, подожди... Чего там крепкий, вполне можно и четыре метра дать.

— Сам попробуй, — обиделся парень.

— Ладно, засекай время, — попросил Изотов десятника.

Глухо сыпал очередями тяжелый отбойный молоток, его пика крушила и крушила угольный пласт в штреке, обнажая серый плотный известняк боковых пород. Когда забой ушел на метр, Изотов выключил молоток, повернулся и, утирая пот со лба, спросил:

— Сколько прошло?

— Пятьдесят минут, — ответил десятник.

— Как твоя фамилия? — обернулся Изотов к парню.

— Павлов, — смущенно ответил тот, пожимая широкими плечами. — Сейчас сам попробую, может, получится.

— Получится, — убежденно сказал Изотов. — Обушок и молоток как необъезженные лошадки поначалу, оседлаешь — и только погоняй, товарищ Павлов.

Тут уж и забойщики потянули Изотова в лаву — попробовать молоток на уступе. И в уступе он за двадцать минут согнал «конька», на что здесь тратили полтора часа, вызвав общее восхищение.

Из забоя Изотов поднялся прямо в кабинет главного

инженера. Сняв любимую фуражку и приглаживая волосы, посетовал:

— У нас все лавы перешли на свиридовские уступы, а у вас, на родине инициатора, только в двух лавах по-новому работаете. Чего же вы по старинке-то мелкими уступами идете?

— Не идем, а хромаем, товарищ Изотов, это ты правильно подметил. — Главный инженер вышел из-за стола. — А знаешь, на что забойщики ссылаются? На крепость угля жалуются. А по-моему, сознательности кое у кого пока недостает. Будем создавать «изотовскую школу». Хорошо бы пример им предметный показать.

— Показал уже, — добродушно отозвался Изотов. — Вон упарился весь. Я все же профессор по обушку, а тут с отбойным пришлось... Сам знаю — словами не убедишь, делом только.

— Ну за это даже не знаю что. Портрет твой на нашей Доске почета поместим.

— Вот это не надо, — искренне попросил Изотов. — Я же не ради славы.

— Знаю, знаю, что душой болеешь за весь Донбасс, — обнимая его за плечи, с чувством произнес главный инженер. — За то тебя и любят шахтеры.

Глава девятая

СТАЛЬНЫЕ МУСКУЛЫ

Донбасс преображался на глазах. Росли новые поселки с непривычными названиями — Первомайское, Солнечное, Ясногорье... Незаметно для глаза, но еще быстрее менялась технология добычи угля. Первая пятилетка еще не закончилась, а уже была создана мощная механизированная база для добычи угля, на стальные мускулы машин перекладывались усилия шахтеров, уходил в прошлое ручной труд на главных операциях —

зарубке, отбойке, доставке угля. Бассейн получил за несколько лет около 2 тысяч врубмашин, более 5 тысяч отбойных молотков, сотни скреперов, конвейеров, электровозов. В 1932 году вошли в строй 17 новых механизированных шахт, газеты сообщали, что добыча угля уже механизирована на 72 процента. Под высокие обязательства горняков был подведен надежный фундамент.

По призыву партии и комсомола приходили на шахты и заводы сельские парни, порой неграмотные, но полные желания всему научиться, стать вровень со временем, строить новую жизнь. Изотовское движение, активно подхваченное в забоях и цехах, на стройплощадках, пришлось как нельзя кстати — новички со временем стали кадровыми рабочими и сами выступили лучшими агитаторами за передачу передового опыта и трудовых навыков.

«Каждый рабочий предприятия, прежде чем пойти домой, должен сдать свою работу сменному товарищу,— писал Изотову из Баку слесарь-ударник завода нефтяного оборудования А. Вдовин. — Только после того, как сменный рабочий убедится, что станок или батарея в полной исправности, он расписывается в специальном журнале и продолжает работать. Это заставило каждого из нас внимательно относиться к своему станку или батарее, хорошо усвоить технику своего участка, подумать над улучшением работы этого участка.

Я считаю, что отбойный молоток или врубовую машину также можно и нужно сдавать на полном ходу.

Тебе, товарищ Изотов, хорошо известно, как много ценного даст обмен опытом. И думаю, что ты сам первый возьмешь новый опыт нефтяников и перенесешь его в лаву...

Задача шахтеров — дать стране больше угля, а наша — больше нефти...»

Письмо вроде бы личное, но оно отражало заботу рядовых тружеников не только о своем предприятии. Масштабность мышления, трудовой героизм шахтеров

и металлургов, нефтяников и строителей помог завершить первую пятилетку за четыре года, наметить новые грандиозные планы развития народного хозяйства. Предложение бакинского слесаря обсуждали на общем собрании. Выступали резко, критиковали обезличку механизмов на шахте: «Молотки только закрепили, а уже в передовиках ходим!..» Единодушно решили: организовать пересмены на ходу, в специальных журналах отмечать состояние рабочих мест — компрессоры, врубмашины, лебедки, электровозы принимать только после тщательного осмотра. И еще Изотов порекомендовал: завести на каждый пласт журнал-справочник, чтобы сподручнее было забойщикам, проходчикам по технической характеристике выбрать для себя лучший режим смены.

«Часто случалось так, что одна из бригад начинала хромать, — писал в газете Изотов. — По соглашению с администрацией мы немедленно переводили передового, авторитетного, крепкого коммуниста в эту отстающую бригаду. Сам я выхожу во все три смены, даю указания, как нужно работать и в нарядной и в забое. Наша партгруппа имеет конкретный план. В этом плане точно указано, кто за что отвечает, в какие сроки обязан выполнить задание. Задача коммунистов: дать больше угля, лучше овладеть техникой, чтобы учить беспартийных работать, стать организатором и вести за собой отстающих. Вот тогда мы будем настоящим коммунистическим авангардом — в этом главное».

Он говорил часто своим ученикам: чтобы всегда горело сердце, чтобы не оставаться равнодушными к тому, как работает товарищ, ладится у него дело или нет, необходимо и минуты не сидеть сложа руки, а искать себе занятие, благо в шахте или общежитии, на шахтном дворе всегда можно найти, к чему приложить руки и голову.

«Тогда можете считать себя комсомольцами по духу, а не по билету», — заканчивал Изотов.

Конечно, не одни слова зажигали молодые сердца. У них перед глазами был пример старших. Седьмой участок, скажем, только стал выходить в передовые, а партгруппа выносит на общее обсуждение вопрос о пересмотре норм. Собрались все, недоумевают, о чем разговор пойдет. А он вот о чем. Что-то очень легко стало на участке в ударники выйти. В чем причина? А в том, видимо, что нормы занижены. Они соответствовали прежней организации труда, но после упорядочения смен, перехода на удлиненные уступы, широкое обучение передовым приемам труда оказались облегченными.

— Давайте так договоримся, — поддержал Стрижаченко Изотов. — Если у нас не будет сбоев с подачей леса, порожняка, если никто не будет опаздывать и лениться, то ручаюсь, что у каждого прибавка к зарплате и при новых нормах составит рублей двести-триста в месяц. Пусть Игнатыч, — показал он на парторга, — судьей будет.

— Это ты загнул, Алексеевич, — выкрикнул старый десятник. — Нормы больше — и получка больше. Чудеса в решете.

— Чудеса на небесах, — ответил Изотов. — Неволить никого не будем. Попробуем на практике.

Со следующего дня все коммунисты участка перешли на повышенные задания. И что же, через несколько дней подвели итоги: выработка увеличилась за счет четкой организации труда, ликвидации простоев. На следующем собрании уже все, убежденные примером коммунистов, дружно проголосовали за предложение: поднять существующие нормы на 60 процентов. По итогам месяца на участке не оказалось невыполняющих норм выработки, а трудности, что ж, они не хуже цемента сплачивают коллектив.

Частенько после смены заглядывал Изотов в молодежное общежитие. Тем, кто в ожидании смены маялся без дела, предлагал выйти на часок раньше и почистить

шахтный двор. Или помочь застройщикам, что по соседству возводили жилье. Постепенно вошло в правило: каждый субботник хлопцы с седьмого участка выступают запевалами. И всегда с ними сам Изотов или неутомимый, надежный Сашко. Невысокий, широкогрудый и длиннорукий, Сашко отличался веселым нравом, любил задорную песню, озорную шутку. Часто заводил:

Я не мамкина
И не папкина —
В комсомоле я росла,
Комсомол — моя семья...

Однажды Сашко выехал до пересменки на-гора, чего с ним раньше не случалось, и бегом в общежитие. Поднял всех, рассказал, что нижний штрек перевалило. Участок хотя и соседний, но транспортная артерия-то одна.

— Айда, хлопцы, поможем соседям? — предложил он.

Все, кто оказался в общежитии, пошли переодеваться. Часа за четыре сообща разобрали завал. Дождались, пока прошел электровоз с составом груженных углем вагонеток, тогда и выехали наверх. Перекусили наспех и снова в шахту — смена подошла.

Когда вечером вышли из клети, то увидели большую группу шахтеров, представителей женсовета. Комсомольцам вручили цветы и предложили после душевой собраться на торжественный ужин в их честь в шахтной столовой.

Пришли, а там столы накрыты. Украинский борщ в кастрюлях аромат источает, пироги с румяной корочкой так и ждут, когда их разрежут на куски. Взвар вишневый в кувшинах рубином рдеет.

— Это вам, сыночки, за совесть вашу рабочую, — сказала принаряженная лебедчица Настасья. — Жинки вам от всего сердца наготовили.

Участок «Мазурка-12» по сравнению с другими забоями имел небольшой план — 110 тонн в сутки, но

и тех никогда за последний год не давал. И собрания тут проводили, и рабочих стыдили, и грозили объявить всех отстающих шахтеров саботажниками — ничего не действовало. А требовались, как считал Изотов, грамотная политика, наведение порядка во всем хозяйстве, личный пример. Так что же, руководители шахты этого не понимали? Конечно же, понимали. Но на шахте много участков и служб, а кроме того, надо проследить, как перестраивается внутришахтный транспорт, системы вентиляции, как монтируются новые компрессоры для подачи в забои сжатого воздуха к перфораторам и отбойным молоткам. Короче, заедала текучка. Да и внимания передовым участкам, которые тянули всю шахту, давали «процент», уделялось больше. Здесь требовалось проявить инициативу снизу, чтобы шла она от самих рабочих. Однако шахтеры, хотя и сетовали на хроническое отставание, что-то дельное предложить не решались, а некоторые стали даже проситься на другие участки — иначе, мол, увольнение.

— Даю слово, что все горнорабочие через месяц возьмут свои заявления назад, — пообещал на заседании парткома Изотов. — Не хвалюсь. Расчеты мы с Сашком сделали обнадеживающие.

— С каким Сашком? — прищурился Стрижаченко.

— Со Степаненко, с кем же еще? — ответил Изотов.

20 мая 1933 года стало во всех отношениях особой датой в жизни не только Изотова и шахты № 1, но и всех горняков страны. Именно в этот день нарком тяжелой промышленности С. Орджоникидзе одобрил и поддержал предложение горловчан о Всесоюзном соревновании — конкурсе шахт. В приказе наркома говорилось, что Совнарком и ЦК ВКП(б) в постановлении о работе угольной промышленности Донбасса указали пути подъема Донбасса и всех угольных бассейнов Союза. Задача состоит в том, чтобы покончить с канцелярско-бюрократическими методами руководства, укрепить техническое руководство на участках — там, где

добывается уголь, овладеть новой техникой — врубовкой, конвейером, компрессором, электровозом, механической откаткой. Лучшие шахты и участки, лучшие рабочие и инженеры по примеру горловского забойщика Изотова должны в дни конкурса передать свой опыт отстающим, с тем чтобы добиться общего подъема.

Не простым совпадением было и то, что 20 мая Никифор Алексеевич перешел на «Мазурку-12», вновь возглавив «изотовскую школу» на самом отстающем участке.

На первое собрание в нарядную пришли парторг и заведующий шахтой. До этого у Изотова состоялся обстоятельный разговор с главным инженером о наведении порядка на «Мазурке». Что-то пообещали сделать в плане общешахтной подготовки, что-то горняки взялись исправить сами, в свободное время. Заведующий шахтой объявил, что решение вытянуть «Мазурку» — важная задача всех коммунистов, всех специалистов шахты.

— Мы считаем так: пусть каждый рабочий назначит себя начальником участка, — поддержал Стрижаченко. — Именно назначит. Здесь приказы не нужны, а должно проявиться чувство хозяина. Социалистического хозяина, — поправил он. — До всего у нас должно быть дело.

От имени коллектива выступил Изотов, сказал о желании горняков вывести участок в передовые, о предложении комсомольцев провести субботник по «благоустройству» участка, ремонту рештаков и добавил:

— План в сто десять тонн мы считаем заниженным и докажем это.

За считанные дни на участке произошли заметные перемены. Уступы нарезали вдвое больше, чем раньше, подлатали рештаки, по которым скатывался нарубленный уголь, проверили основной шланг компрессора, отводы от него к каждому уступу, подкрепили, где надо,

лаву. Мелочи как будто, но они вселяли веру в то, что слова не разойдутся с делом.

В одном из уступов Изотов показывал, как обращаться с отбойным молотком, советовал изучить строение пласта, искать в нем прослойки, «рубить с умом». Незаметно летело время: час, другой, третий.

— Дядя Никифор, — окликнул Изотова люковой, прилезший в уступ. — Почти двадцать тонн уже нарубил. Вот это да!

Изотов, довольный, передал молоток ученику, полез в другой уступ, к новичку Усикову.

— Что, Ваня, ладится?

— Не-е, тарахтит только, — уныло кивнул парень на молоток.

— Давай вместе...

Еще один уступ. Сидит парень на корточках, тычет пикой молотка в забой, а угля нет. Взял Изотов молоток, осмотрел, присвистнул:

— Эт-то ты, паря, молотом по воде бьешь. Давления же нет, разве не чуешь?

Осмотрел шланг, так и есть, прореха, через которую воздух уходил, не создавая нужного напора в молотке. Залатал, взял инструмент: так-так-так. Словно пулеметная очередь зазвучала в забое.

Наутро собрал всех забойщиков, провел дополнительный техинструктаж. Разобрал и собрал молоток.

— Что главное? В порядке его держать. Пришел — испытай, затем в забое смажь его. Масло в штуцер льешь, а его вот так держишь, — наклонил молоток, — для чего? А чтобы маслице в цилиндр прошло. Час отработал, опять смажь. Тогда не подведет.

Пять дней прошло, и вот 25 мая вышла «молния» — «Привет ударникам с «Мазурки», выполнившим суточный план на 114 процентов!» А 26 мая выдали на-гора 196 тонн. Пришел в нарядную парторг Стрижаченко, пожал всем руку, поздравил с победой: 175 процентов

суточного задания, шутка ли! Поднял сжатую в кулак руку:

— Вам теперь любое задание по плечу.

С тех дней ни разу не сбилась «Мазурка» с заданного четкого ритма. Когда стали стабильно давать двести тонн в сутки, Изотов пришел в партком, напомнил о желании своих учеников взять ношу потяжелее.

— Одним словом, увеличивайте нам план, — весело сказал он. — Не подведем.

По просьбе Изотова техстанция шахты составила паспорт пласта «Мазурки». Эти паспорта оказались ценнейшим учебным пособием для молодых забойщиков. Здесь и схемы: вид лавы сверху, по вертикали, описаны геологические условия залегания пород, четко расписаны порядок вырубки, крепления. Осветили уступы, используя пневмоэлектрическую арматуру, — читать можно! В итоге до 30 тонн в смену стало нормой на участке, где раньше забойщики давали за «упряжку» лишь 7—8 тонн на молоток.

Донбасс распрямлял стальные плечи. В 1933 году только в Горловке действовали 1900 отбойных молотков, более двадцати врубовых машин, около сорока электровозов. Шахты оснащались новыми подъемниками, лебедками, скреперами, электросверлами для обуривания забоев. Коллектив шахты № 1, прочно удерживающий первенство в соревновании угольного района, выступил с инициативой: объявить технический поход имени XVII съезда партии. «Участники похода должны хорошо овладеть новой горнотехникой, — говорилось в обращении ко всем шахтерам, — неустанно повышать свои технические знания, вооружать передовым опытом изотовцев всех шахтеров. В этом сейчас главная задача. И мы должны, обязаны ее успешно решить».

В том, что весь Донбасс знал, по каким ступеням поднимался коллектив Первого рудника, была большая заслуга городской газеты «Кочегарка». Постоянно на нарядах присутствовали газетчики, спускались в забои.

Когда шахта хромала, то на ней был пост газеты. Сейчас она посвящала целые полосы опыту работы ударников. По предложению коммунистов-горняков шахту № 1 назвали имени «Кочегарки», а затем стали и в официальных документах называть просто «Кочегаркой».

Никифор Изотов, только отметивший свое 30-летие, проявил себя не только мастером, но еще и опытным организатором и педагогом. Встречи в молодежном общежитии, беседы по душам стали привычными в распорядке дня Изотова. И дома, опоздав к ужину, часто просил жену: «Не сердись, Надя. Ребята на глазах растут, сознательными бойцами становятся. К грамоте потянулись, учиться хотят. А ведь многие приехали в Горловку в лаптях, с сидором за плечами. Вот тебе новая жизнь, стучится во все окна. Мечтаю я сам инженером стать... А что, думаешь, не смогу?»

Нет, не ради красного словца сказал жене об инженерстве. Крепко сдружился Изотов с новым парторгом Стрижаченко, боевым, неунывающим человеком. Они часто встречались, говорили больше о делах, делились и нехитрыми житейскими новостями. Однажды Стрижаченко шутливо сказал, что хотя победителей и не судят, но таланты закапывать никому права не дано.

— Да я же свои таланты давно откопал.

— Ты пока только доказал, что если рабочий чувствует, считает себя хозяином на шахте, то он может чудеса делать, — ответил парторг. — Учиться, Никифор Алексеевич, надо, систему наук усвоить, чтобы уже командовать шахтой по-инженерному, с дальним прицелом.

— Хватит ученых и без меня, — беспечно махнул рукой Изотов. — На то молодые есть.

— А ты старый, что ли? Слышал о Промакадемии? Вот куда тебе надо. Будем со временем рекомендовать на учебу. Партии нужны грамотные специалисты в народном хозяйстве, свои, от пролетарской косточки.

— Ну если со временем... — отшутился Изотов.

Но желание учиться приходило все чаще, порой в пустячном споре с техником или инженером наталкивался на стенку непонимания, не мог объяснить своей идеи, хотя сердцем чуял — прав! Как, скажем, с забутовкой выработанного пространства.

— Ну чего мы породу на-гора выдаем? — наступал он на главного инженера. — От терриконов этих только гарь. Вагонетки зря загружаем.

— А знаете, сколько усилий потребует закладка породы? Вся система отработки шахтного поля будет нарушена. Предлагайте свою технологию, расчеты.

— А инженеры на что? — сердился Изотов.

— Проводить грамотную техническую политику, следить за порядком ведения горных работ и безопасностью людей, — загибая пальцы, монотонно перечислял главный инженер. — Ну и еще воз и маленькая тележка забот.

— А изменить порядок отработки поля? — спрашивал Изотов.

— Это потребует капитальных затрат, товарищ Изотов, — вздыхал главный инженер. — А у нас кое-где еще коняги в шахтах.

Да, были бы знания, сам бы все рассчитал и обосновал. Но приходил новый день, и повседневные заботы вытесняли мысль об учебе. Школа на «Мазурке», по сути, была эксплуатационным участком, а инструктор Изотов — его начальником. Впрочем, и после работы свободного времени у него мало оставалось. Стоит зайти в общежитие молодых горняков, как тут же сбегаются парни, завязывается беседа. И бывало, что прямо в красном уголке Алексеевич брал отбойный молоток и показывал свои приемы. Всегда предупреждал: «Учтите, я же левша». Но чаще разговоры вели о жизни прошлой и нынешней. Вот тут неожиданно обнаруживался у Изотова дар рассказчика. Когда вспоминал родную деревню Малую Драгунку, что прятала убогие

хаты под камышом в зарослях по берегу тихой реки Кромы, ветряки на околице, то уносился в свое дореволюционное житье-бытье. А ребятам интересно: «Дядя Никифор, еще говори, дальше-то...»

— Жизнь была убогая. Отец домой редко приносил заработок, и жили мы впроголодь... Когда мне исполнилось семь лет, отец отвел меня в церковноприходскую школу... Писать было не на чем, и помню, украденный дома кусок хлеба я выменивал на бумагу. В школе меня считали большим сорванцом, но учился я неплохо, а поэтому и терпели. Славился я тем, что был очень дерзким задирой и никому из обидчиков не давал спуску...

Легко было спрашивать парням, живущим в светлом и теплом общежитии, где их кормят и обстирывают, показывают кино и уговаривают учиться: «Что было дальше?» А у него такое в жизни случалось, о чем век бы не знать. И до чего же дорога для него была Советская власть, его народная власть, вознесшая Изотова на орбиту всесоюзной известности. Никому не позволил бы, самому уважаемому человеку, самому большому другу, жене любимой Надюше, хоть полсловом, хоть намеком усомниться в правильности этой власти.

Сама жизнь готовила сюрпризы тем, кто не щадил себя, думая об общем деле. Изотов поставил на парткоме вопрос о премировании молодых забойщиков его участка.

— Поощрять надо, — убежденно доказывал он. — Не ждать, когда ребята взрослыми станут, а сейчас, по горячим следам. — Он облокотился локтями на стол, мечтательно произнес: — Вот бы ордена для шахтеров ввели...

Стрижаченко пожал плечами, спросил:

— Ордена? Есть советские ордена. Для всех категорий работников. Стоит ли горняков выделить?

— Стоит, — стоял на своем Изотов. — Сашко наш, ну, Степаненко... Талант! Прямо мастер угля. Что он,

такого ордена не заслуживает? Предлагаю войти с ходатайством в правительство о награждении молодых. А что?

— И войдем, — отозвался подкупленный горячностью друга Стрижаченко. — Из горкома партии требовали фамилии наших передовиков из молодых. Грамоты, наверное, хотят вручить к юбилею комсомола. А мы им идею об орденах подбросим. Только — молчок пока.

В честь 15-летия ВЛКСМ забойщик Александр Степаненко был награжден орденом Ленина.

Награда потрясла его, и Сашко тревожно говорил Изотову, что несправедливо это, ошибка где-то произошла. Конечно же, Изотова награждать надо, он-то — всего лишь ученик, подмастерье, можно сказать.

— Ладно, ладно, ты себя не макай в лужу, — недовольно поправил Изотов. — Что значит подмастерье? Мастер ты, понял, Сашко? Самый настоящий мастер. Значит, до Москвы о твоем ударном труде слух дошел. Зря не награждают. Оши-ибка! — протянул с усмешкой. — Знаешь, за такие слова что? Ты думай, думай... В твоем лице весь участок наградили. Меня тоже, выходит. Мышь тебе за пазуху.

Много позже узнал Сашко, что более всех хлопотал о награждении его наставник.

Вскоре самому Изотову приходилось, смущаясь, принимать поздравления. Соседнюю с шахтой улицу-новостройку назвали по решению горсовета его именем.

— Твои шуточки? — кинулся он было поначалу к Стрижаченко. — Может, поселок Изотовкой назовем?

— Всему свое время, — серьезно ответил парторг. — Пусть все знают, как высоко ставят в нашей стране рабочего человека. Гордись!..

Имя Изотова в короткий срок стало популярным не только в Донбассе. «Дни Изотовых», «пятидневки Изотовых» проходили на металлургических, химических, машиностроительных заводах, комбинатах легкой промышленности, на транспорте и стройках. «Изотовские

смены» организовали на отстающих участках нефтяники. «Изотовские школы» стали действовать во всех отраслях народного хозяйства страны. В Горловке появился даже «изотовский магазин» для ударников.

А центральные газеты продолжали сообщать о новых трудовых победах зачинателей соревнования, личных рекордах Изотова. С шахты № 1 в адрес наркома С. Орджоникидзе и жюри Всесоюзного конкурса шахт ушла телеграмма: «Общешахтный слет ударников Краснознаменной шахты «Кочегарка» рапортует о новой победе. 5 декабря, готовясь к областному слету ударников, шахта дала рекордную в истории Донбасса добычу — 3020 тонн угля. Боремся за закрепление взятых темпов». От имени ударников эту телеграмму подписали заведующий шахтой и парторг, а также Изотов и его ученик Степаненко.

Перед этим рекордом 20 ноября 1933 года ночную смену в шесть утра встречали по новой традиции цветами: шахта № 1 впервые досрочно выполнила годовое задание. Успехи были громкие, а цифры на большом транспаранте у входа — красноречивее слов: среднесуточная добыча с декабря 1933 года выросла с 1404 тонн до 2529. «Оставшиеся до конца года один месяц и 11 дней работаем в подарок XVII съезду ВКП(б). Ударники, рабочие и ИТР ставят своей задачей достичь к 1 января среднесуточной добычи в 2900 тонн и полного выполнения качественных показателей. Героическое знамя бакинских нефтяников держим крепко», — говорилось в рапорте горняков Центральному Комитету ВКП(б). И здесь рядом с парторганизатором Стрижаченко стояла подпись лучшего мастера забоя Изотова.

Чтобы стали понятны такие ощутимые перемены, приведем заметку из многотиражки шахты «Механизированный забой»: «В 1924 году парторганизация шахты № 1 насчитывала 120 коммунистов. Ленинский призыв влил десятки лучших представителей рабочего класса в ряды партии. 292 члена и кандидата партии

насчитывает сейчас наша партийная организация и 306 комсомольцев, которые под руководством парторганизации помогают ей в борьбе за план угледобычи, за выполнение решений партии».

Уместно вспомнить и об участке № 7, бывшей «изотовской школе». Предсказывали же недруги, что с уходом Изотова покатится вниз участок, только-де благодаря его геркулесовой силе приходят успехи. Неправда ведь, все знают, что неправда, иначе не стали бы новички ударниками. А слушок пополз по нарядным. Нашлись любители, подхватили.

Время идет, а темпы на седьмом не падают. Тут уж пришлось даже самым ярым противникам умолкнуть. 8 декабря 1933 года «Механизированный забой» напечатал рапорт горняков участка № 7:

«2 декабря в 6 часов утра рабочие и ИТР участка № 7 выдали на-гора последнюю вагонетку угля в счет задания 1933 года. Годовое задание 36 000 тонн выполнено на 28 дней раньше срока...»

Нет, не стыдно было Изотову за свой прежний коллектив.

Задача, которую партия ставила перед шахтерами Донбасса, была конкретна и ясна: дать в 1934 году 60 миллионов тонн угля — на 10 миллионов больше, чем в минувшем году. И коммунист Изотов жил заботами производственными и общественными, поскольку не только тоннами угля обозначались годы новой жизни. Горком партии стал штабом по благоустройству старой Горловки. Призыв снести все «шанхаи» и «собачевки», замостить улицы, осветить их и озеленить, поставить не только новые дома, но и построить стадион, разбить парки культуры и отдыха, организовать показательные рабочие столовые и общежития вызвал горячий отклик у шахтеров. «Подрядчиком» этих работ стала вся пролетарская Горловка. После смены шахтеры с женами и детьми выходили на стройплощадки, становились землекопами, каменщиками, штукатурами. Выходили с гар-

мошкой, с кумачовыми транспарантами. Конечно же, начинали с жилья. Еще в 1924 году горловчане справили новоселья в 143 двухквартирных коттеджах — так называемая новорудничная колония стала как бы отправной точкой в развитии города. С годами поднялись двух- и трехэтажные дома. «Грязь отступает перед камнем» — эти слова, произнесенные на городском собрании, повторяли тогда всюду.

Всюду в том 1933 году по Донбассу проходили митинги, шахтеры и металлурги, машиностроители и коксохимики брали повышенные обязательства. Газеты печатали трудовые рапорты об одержанных победах, называли цифры приходящей в забои и цеха новой техники. На фоне этого трудового накала странным, для некоторых даже нелепым прозвучал призыв забойщика Федора Артюхова, давнишнего приятеля Изотова. Началось с того, что Федор выступил на партийном собрании и предложил внести в соцобязательства коллектива культурно-бытовой план развития поселка.

— Многое сделали, елкина мать, — сорвалось у него по привычке. — А дальше? Пусть и здесь накал не ослабевает. Строить дома, улицы мести, цветы высаживать, деревья. Не рывками, а постоянно, — закончил он свою мысль. — Женсовет у нас застрельщиком. Давайте под энтузиазм материальную базу подведем. Сами по себе улицы чистыми не станут.

Предложение всем понравилось. Затем отчет о собрании напечатала «Кочегарка». Его подхватили на соседних шахтах, затем одобрили на активе в Сталино. Так и пошло: «артюховский план за чистоту».

— В историю попал, — пошутил Изотов. — Что там моя улица!

Как по мановению волшебной палочки менялся вид Советского проспекта — центральной улицы Горловки. Ударники и контролировали ход работ, и сами с лопатами и кирками показывали пример другим. Засыпали рвы и осушили лужи, проложили асфальтовое шоссе

и тротуары. На всем протяжении Советского проспекта на четыре километра разбежались зеленые каменные вазоны с цветами. Так что пришлось в коммунхозе срочно вводить новую должность — поливальщицы цветов. Новшество так всем понравилось, что решено было разбить цветники на каждой шахте. Находились, конечно, и скептики. «Ничего из этого не выйдет... Все равно цветы растопчут, деревья поломают, а общежития загрязнят... Шахтер не привык ко всякой цветочной роскоши и чистоте. Куда ему, чумазому! Много еще пройдет времени; для этого нужны десятилетия, а эти задумали сразу... Пустая затея!..» — приводил разговоры тех лет в своих воспоминаниях Н. Изотов.

Только за осень 1933 года горловчане высадили около миллиона деревьев и кустарников. Цветники появились в поселках, на улицах, в шахтных дворах. Тысячи кубометров камня легли на некогда кривые улочки, повисли над ними фонари электроосвещения. В посадке, где буйствовали раньше пьяные ватаги, вырос парк с летним театром, музыкальной раковиной, библиотекой, детскими комнатами, еще два парка поменьше появились в районе. О размахе благоустройства Горловки говорит такой пример: за 35 дней строители с помощью горняков и машиностроителей возвели самый крупный в Донбассе стадион на 9 тысяч зрителей, на котором и провели первую Всесоюзную спартакиаду угольщиков.

Никто не топтал цветы, не ломал деревья, напротив, все бережно охраняли посадки, скверы от непогоды, поливали клумбы. Все эти перемены откладывались в сознании ясной формулой: «Наш город!..»

Время смыло землянки, нарытые бедняками, попавшими некогда в жесткие руки угольных королей, интересовавшихся лишь добычей. Впрочем, одно такое жилье решили оставить в виде экспоната минувшего быта. Нашли давно брошенную землянку, починили, заполнили убогим скарбом, повесили на стенах нехитрые горняцкие принадлежности и при большом стечении наро-

да, под музыку духового оркестра накрыли стеклянным колпаком, что по заказу горловчан сделали константиновские стеклодувы.

Тогда же родилась и еще одна инициатива: соревнование коллективов шахт и рабочих столовых. Одними из первых заключили личный договор забойщик Изотов и повар Кучер. Приведем необычный этот документ: «Мы, Изотов и Кучер, добившиеся больших побед, один — в борьбе за уголь, другой — за качество обедов, заключаем этот договор социалистического соревнования на такие показатели —

Я, Изотов, беру на себя обязательства:

Широко распространять опыт своей работы. Добиться образцовой организации труда, крепкой трудовой дисциплины, перевыполнения плана угледобычи своего участка № 12, горизонт 640, и всей шахты, организуя соцсоревнование и ударничество в борьбе за лучшие методы работы.

Я, Кучер, беру на себя такие обязательства:

Добиться еще более высокого качества, разнообразия пищи и образцового санитарного состояния столовой. Наладить обслуживание шахтеров питанием так, чтобы обед содействовал выполнению промфинплана шахты. Передать свой опыт ученикам-помощникам в моей столовой и поварам Донбасса».

В столовой отвели уголок для ударников, закрепили здесь за столами самых расторопных официанток. А для поднятия настроения шахтпрофком организовал во время обедов прослушивание музыкальных произведений.

— Теперь доказано, — сказал парторгу Стрижаченко Изотов, — что Шопена, Бетховена, Чайковского тоже можно мобилизовать на борьбу за выполнение планов.

И сама эта фраза красноречиво говорила о том, как вырос культурный уровень рабочего, занявшегося самообразованием. Дома жена Надежда не видела его без

книжки. Мог часами сидеть за столом, делая выписки в тетрадь. Учиться хотелось все больше, книги открывали новые глубины знаний, и он прекрасно понимал, как важно систематическое, под наблюдением опытных преподавателей образование.

Один из эпизодов этого периода Изотов часто рассказывал. В Горловку приехала иностранная рабочая делегация — английские и немецкие горняки. Естественно, что они пожелали ближе познакомиться с «богатырем Изотовым». Надежда Николаевна постаралась накрыть стол получше. На прощание гости сказали:

— Товарищ Изотов, ты живешь как собственник шахты. Такой комфорт...

— Так у нас все хозяева, — поправил Изотов. — Ну собственники, по-вашему. Ладно, я работаю, заработки высокие. Заглянем к пенсионеру, моему другу Гавриле Семеновичу Денисенко. Без предупреждения, прямо сейчас, чтобы ничего не подумали...

Денисенко давно справил новоселье в новом доме, наслаждался покоем. В тот момент он рыхлил землю на цветочной клумбе и, увидев много людей, да еще в непривычных шляпах и беретах, вначале растерялся.

— Принимай гостей, Гаврила Семенович, — сказал Изотов. — Да показывай, как живешь.

Внимательно осмотрели шахтеры квартиру, участок, погладили по лбу телку, которой Денисенко от скуки обзавелся, развели руками:

— Да, не ожидали...

Затем зашли в гости к Федору Просолову, проходчику. У того — светлая просторная квартира в коттедже, свой огородик — куры бродят, корова в сарайчике.

— Вот такие у нас собственники! — весело гудел Изотов.

В конце 1933 года, заканчивая свои воспоминания «Моя жизнь. Моя работа», Изотов писал: «Есть у меня

заветная мечта: я хочу стать высококвалифицированным, технически вооруженным большевистским горным инженером. И я добьюсь этого». Книгу он писал с помощью шахтера-литератора Григория Стеценко.

— Смотри, — предупредил автора Григорий, — это не с трибуны говорить. Что написано пером, не вырубить топором. В книгу слова войдут. Серьезно подумал? Шутка ли — инженером!

— Так и закончим, — нетерпеливо сказал Изотов. — Стал же ты писателем, Гриша.

— Да это в шутку меня так называют, — заскромничал Стеценко.

— Чего там — в шутку, — не согласился Изотов. — А пролетарский наш писатель Горький какие университеты заканчивал? То-то же. Буду инженером.

Эту книгу выпустили в Харькове в 1934 году тиражом 50 тысяч экземпляров. Серия таких живых рассказов ударников выходила тогда по предложению С. Орджоникидзе. А перед этим нарком пригласил к себе Изотова. Они познакомились, долго говорили о методах руководства угольной промышленностью, нуждах Донбасса, и нарком, удивленный широтой мышления простого забойщика, посоветовал: «Учиться тебе надо, товарищ Никита». Так его уже многие называли.

После той встречи он снова стал думать об учении. А когда начал встречаться с ударниками, специалистами, государственными деятелями, глубже осознал, как недостает ему знаний — и технических, и вообще кругозора. Занялся самообразованием, немало книг прочитал из городской библиотеки, выписки делал. Знал об этой его мечте и парторганизатор Стрижаченко. Наверное, он и подсказал в горкоме партии, что надо бы Никите учиться. Во всяком случае, известно точно: Никита Алексеевич, отличавшийся во всем удивительной скромностью, никаких просьб по поводу учения не высказывал. Тем более — в академии.

Глава десятая

МОСКВА РУКОПЛЕЩЕТ

Жаркое лето выдалось в 1934 году. Для горняков «Кочегарки» жаркое и в переносном смысле. Как известно, 26 января — 10 февраля проходил XVII съезд партии, который утвердил резолюцию о втором пятилетнем плане. Коллектив шахты поставил перед собой новый рубеж — 3 тысячи тонн угля в сутки. Ударники шли впереди в борьбе за большой уголь.

А планета Земля жила своей неспокойной, суетной жизнью, чередуя приливы с отливами и в природе, и в отношениях между странами. Москва отмечала юбилей Бориса Иллиодоровича Россинского, «дедушки русской авиации». Исполнилось «дедушке» всего-то пятьдесят лет, но какая бурная и прекрасная жизнь у него за плечами: ее хватило бы на десяток биографий. Россинский первым поднял воздушный аппарат «блерио» над Ходынским полем, ставшим впоследствии при его активном участии аэродромом. В 1908 году Россинский сконструировал планер и перелетел через Клязьму. Годом спустя создал кружок воздухоплавателей. Среди них был и будущий авиаконструктор Туполев.

Уехал в Париж, встречался с теоретиками авиации, поступил на завод «Дукс», чтобы «потрогать руками самолет». Работал сдатчиком самолетов в воздухе, испытал более тысячи аппаратов. Во время гражданской войны возглавил Военно-революционный комитет по авиации, изобрел авиасмесь для заправки самолетов, ездил по рабочим клубам, агитировал молодежь «за авиацию».

Правительство высоко оценило заслуги Россинского. «Дедушку» наградили орденом Трудового Красного Знамени, присвоили ему звание заслуженного летчика

СССР, передали в личное пользование самолет. Кстати, вместе с персональной пенсией.

В те же дни один из самых мощных ледоколов в мире «Красин» отправился из Кронштадта в бухту Провидения.

В Москве состоялась конференция о трудовой терапии. Психиатры, психоневрологи объявили о необходимости создавать повсеместно мастерские всякого рода при городских больницах, а также фермы, огороды, сады при загородных. Труд лечит нервы и многие недуги. Таков был девиз совещания.

А в Париже в эти же дни вышел очередной номер журнала оккультизма и магии «Черный козел». С советами о гадании на пресловутой кофейной гуще и внутренностях животных. Внимание парижан привлекает необычный процесс. Некто Елена Бамберже устроила спектакль на Елисейских полях, приняв публично имя Души Эсприловой. И заявила, что именно в нее переселилась душа прославленной русской балерины Анны Павловой. Среди публики — муж балерины Кшесинской, великий князь Андрей Владимирович. Адвокаты настаивают, что душа Анны Павловой, скончавшейся несколько лет назад в Лондоне, обитает в теле Бамберже-Эсприловой. Суд серьезно решал вопрос о переселении душ и счел его возможным. Публика аплодировала...

Помилуйте, фарс? Или, может быть, суд происходит во времена средневековья? Но нет, все это происходило в середине 1934 года. А жизнь шла, выставляя позади каждого события памятные им вешки.

Как же радовался Сашко, как гордился, когда сам главный инженер поручил ему и Изотову пробить гезенк — вертикальную выработку по пласту, соединяющую два горизонта. Да еще пообещал: «Если досрочно пройдете, то на финише вручим вам хромовые сапоги и по плащу». Такие сверкающей кожей сапоги и черный

плащ были в ту пору мечтой горловских парней. Изотов, выслушав главного инженера, хохотнул:

— Ну, раз такая премия... Только мой размер не забудьте.

— Знаю, сорок пятый растоптанный, — серьезно ответил главный.

— Можно и сорок шестой, — в том же тоне сказал Изотов. — Постараемся!..

О сапогах, конечно, сразу позабыли. Сашко ликовал, что будет в паре с Изотовым работать. За ним еще угнаться надо. «Да уж не отстану», — самолюбиво размышлял Степаненко. Бить гезенк стали двойным ходом. Вначале отбойными молотками на сажень снимали уголь с одного бока, крепили, затем принимались за другую сторону. Прошли уже немало, как вдруг раздался шорох, посыпался сверху отжатый горным давлением уголь.

— Заиграла «Мазурка», — весело бросил Сашко, укладывая крепежные стойки.

В это время за стяжками деревянных венцов, охвативших края выработки, шумно осела порода.

— Выброс это, — глухо сказал Изотов, и Сашко почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Выброс сжатого в подземной пустоте метана — это авария, чреватая разрушениями. Немало погибло горняков при внезапных выбросах. По гезенку летели вниз уже крупные грудки угля. До штрека — метров семьдесят, не успеть, засыплет обоих. Слабо треснули, покосились стояки. Изотов уперся в них широкой спиной, выдохнул:

— Крепи, Сашко!

И Степаненко, упершись ногами в боковые породы, вбивал сильными ударами стойки, торопясь от страха, что Изотов не удержит крепь. Не смог потом вспомнить, сколько минут удерживал Никита Алексеевич на своих плечах тяжесть сдвинувшейся горной массы, как они выбирались на штрек. Впервые так близко прошагала

опасность, и впервые Степаненко понял смысл старой горняцкой приговорки: «Шахта — не аптека». Не шуточные слова, а самое что ни на есть серьезное предупреждение, особенно молодым, часто самонадеянным новичкам. И еще очень удивлялся Сашко, что так спокоен был во время аварии Изотов.

— Да я не о выбросе думал, а как бы нам в том гезенке не остаться, — коротко ответил на его вопрос Никита Алексеевич. Положил руку на плечо ученика, посоветовал: — Через опасности, Сашко, нужно с улыбкой перешагивать. Страх в душе поселится, ничем его не прогонишь. Уходить с шахты тогда надо.

Они вместе вышли из клети, прошли к чахлой акации, уселись на уже пожухлую от палящего августовского солнца траву. Сашко видел, как Изотов машинально собирал в ладонь листья, сжимал их. Потом отряхнул с ладоней пыль, сказал с доброй улыбкой:

— Были бы нам хромовые чоботы... А ты молодец, Сашко, я думал злякаешься, — добавил он украинское слово. — Тогда бы нам амба...

Только при этих словах Сашко вдруг осенило: да ведь Изотов спас их обоих, ему он обязан, что видит солнце, сидит на траве. Да, жизнь шахтерская!..

Через несколько дней Изотов и Степаненко пробили гезенк, сэкономив сутки. Обоим в нарядной вручили после смены хромовые сапоги и по черному плащу.

— Помнишь, Сашко, костюм у тебя сперли? — спросил Никита Алексеевич. — Я ж тебя тогда не обманывал: будет тебе белка, будет и костюм. Вот шахта и наградила доброй справой. Так это только начало!..

Так случилось, что сапоги надели в дорогу. Не забыл Алексей Максимович Горький разговор с «богатырем» Никитой Изотовым, пригласил его официально с несколькими ударниками на Первый всесоюзный съезд советских писателей. «Помню, как мы стояли перед Алексеем Максимовичем Горьким в этих сапогах, как он тиснул нам руки, как попросил садиться, — делился

в своих воспоминаниях Степаненко. — Горький попросил рассказать о себе, о том, чем живет ныне Донбасс. Внимательно выслушал, одобрительно произнес:

— Слышал, слышал. Изотовские школы теперь по всему Советскому Союзу гремят...

Через день горловчане увидели писателя на трибуне писательского съезда.

— Мы — враги собственности, страшной и подлой богини буржуазного мира, враги зоологического индивидуализма, утверждаемого религией этой богини... — говорил Алексей Максимович.

Сразу после доклада председательствующий объявил:

— Слово предоставляется лучшему ударнику Советского Союза товарищу Изотову.

В зале раздались дружные аплодисменты. «Инженеры человеческих душ», по известному выражению Горького, бурно приветствовали заслуженного мастера угля, воспитателя молодых горняков.

— Я обращаюсь к вам с этим призывом от имени 140 тысяч донецких шахтеров, — звучал голос Изотова. — Нашего Донбасса не узнать. Там, где капиталисты выжимали из рабочих все соки, пресекая в корне всякие культурные запросы, расцветает сейчас новая светлая социалистическая жизнь. Мы строим свои парки, свои стадионы, свои дворцы. Мы перестраиваем весь наш уклад, весь наш быт, мы жадно стремимся к знаниям, к культуре, к социалистической книге.

Эту книгу, увлекательную, насыщенную духом великой стройки, понятную для каждого рабочего, советские писатели должны дать. Но всю свою энергию, все таланты и знания квалифицированные мастера искусства должны вложить не только в свои книги, но и в воспитание, обучение молодых кадров...

Когда возвращались в тряском вагоне скорого поезда домой, шахтерский поэт Павел Беспощадный открыл тетрадь, начал читать новое стихотворение:

Товарищ Денисенко! Эти строки —
Несу тебе, как сердце, напоказ,
Прими, Семеныч, как поклон глубокий, —
Душевный дар поэта-горняка.
Как хорошо писать о нашем кровном,
О нашем близком, радостном, родном,
И строки лягут на бумагу ровно...

И далее шло обращение к Денисенко, который, прожив шесть десятков лет, вновь пришел на шахту, потому что новым заводам нужен уголь.

Изотов сидел, опустив плечи, слушал с мягким и светлым выражением лица и глаз задушевные строки о своем наставнике и друге. Беспощадный закончил, и он спросил тихо:

— Как назвал?

— Доброволец труда.

— Спасибо тебе, Павел, от всего сердца, — Изотов гулко хлопнул себя по груди, расстегнул воротник гимнастерки.

— Здорово, елкина мать, — отозвался Артюхов, глядя в окно вагона на пробегающие березы.

Горловка заканчивала свое знаменитое переселение. Исчезли утопающие в грязи хибары, горняки отмечали новоселья в чистых просторных квартирах.

— Взявшись за благоустройство Горловки, мы не только не ослабили борьбу за уголь, но еще больше усилили ее. Это только узколобым оппортунистам и злопыхателям из обывательского болота казалось, что благоустройство, мостовые, тротуары, парки, цветы — все это не только не имеет отношения к борьбе за уголь, но даже мешает этой борьбе. Чепуха, — говорил на городском партийном активе Изотов, отложив в сторону листки с составленными для него тезисами выступления. Да и те, что писал сам, тоже всегда на собраниях откладывал, увлекаясь живыми примерами и забывая о листочках с общими фразами.

Ему долго аплодировали, а в перерыве сердечно поздравляли, говорили о его ораторском таланте, а он

отмахивался, смущаясь, просил не подначивать, утверждал, что сами дела ярко за себя говорят, а что слова!..

Многих инициативных рабочих из числа ударников выдвигали руководить участками, ставили механиками, а практиков, проявивших себя на руководящей работе, командиров «среднего звена», направляли учиться. Справедливо полагая, что завтра им понадобятся основательные знания и одного опыта уже будет недоставать для грамотного хозяйствования.

Ударники широко поощрялись во всех отраслях, а уж горнякам всюду — почет и уважение. Нарком тяжелой промышленности С. Орджоникидзе подписывал приказы о награждении передовиков, выделив для этого большой фонд. В числе других известных в стране героев труда Никита Изотов получил в личное пользование легковой автомобиль ГАЗ. Когда сгрузили с платформы черный фаэтон с откидывающимся верхом, екнуло у него сердце. Красота-то какая! Руками горьковских рабочих сделано, надо же, что мастерить научились. Чудо, загляденье.

Сел на кожаное упругое сиденье, покрутил баранку. Долго с лица не сходила улыбка.

Горкомовский шофер научил Никиту Алексеевича водить автомобиль. По выходным сажал Изотов в машину с десяток ребятни, возил по поселку. Выезжали и всей семьей к тихим лесным ставкам. Однажды добрались до Мариуполя, вдоволь наплескались девчонки в теплом Азовском море.

Одно уж которую неделю омрачало — не настроение даже, всю жизнь омрачало. Шахтеры Первого рудника проводили в последний путь Владимира Игнатьевича Стрижаченко — неунывающего железного Игнатыча, к которому тянулись и новички, и ветераны. Сожгла его чахотка. Долго не находил себе места Изотов, думал о парторге даже в забое, выкладываясь на полную мощность отбойного молотка. Охотно отдал бы десять лет жизни, лишь бы хоть на годок вернуть Игнатыча.

Пришла теплая багряная осень на донецкую землю, зашелестели под ногами опавшие в шахтном дворе желтые листья. На доске показателей цифра суточной добычи все поднималась. В добрые приметы осени сознание кочегарцев отложило и важное событие в жизни народа. Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) 1934 года отменил карточную систему на хлеб, мясо, крупы, муку, введенную в начале первой пятилетки. Крылатым стал лозунг партии «Кадры решают все».

Вновь стали приходить к Изотову мысли об учебе. Сашко рубал решительно:

— Тебя, Алексеич, хоть сегодня завшахтой ставь — вытянешь. — Горячился, видя, что недовольно морщится Изотов. — Что, не прав?

— В самую точку попал, — отзывался тот. — Свой участок вижу, прямо на ладони вроде он передо мной. А вся шахта — потемки. Пойми, сколько участков и служб связаны в один тугой узел. Тут без подготовки не разберешься.

— Иван Артемович начинал с ламповщиков, — спорил Сашко. — Вытащил же нашу шахту из прорыва и без диплома. Что, опять не прав?

— Вытащили шахту, положим, сообща, — вел свою линию Изотов. — Так Юхман практик, сколь уже руководит? Сам-то взялся бы шахтой руководить?

— При чем тут я? — сразу терялся Сашко. — Я ж не о себе...

— Ты подожди, подожди... Мы с тобой два сапога пара. Ты еще мне фитиль в забое вставишь. Не-ет, брат, руководить не просто.

Но так случилось, что в один из дней, когда в горкоме партии проходило совещание, Изотову предложили готовиться к экзаменам в академию.

— Это в какую еще академию? — еле выдавил из себя обычно находчивый Изотов.

— В Промакадемию... Кадры решают все. Нам прислали разнарядку из обкома партии. Готовься, летом

проверим. Одним словом, Никита Алексеевич, бери соцобязательство сдать все экзамены.

Сказано было не в шутку. В парткоме шахты подтвердили: есть такое пожелание горкома, чтобы коммунист Изотов взял индивидуальное обязательство: хорошо подготовиться к экзаменам. Это — партийное поручение.

Шахта «Кочегарка» работала ритмично, электровозы вытеснили с откатки лошадей, а отбойные молотки дробно стучали во всех лавах. Приезжающих в Горловку гостей водили к гигантскому стеклянному колпаку, закрывшему последнюю землянку. Для потомства. На площадке в городском парке выступали синеблузники, высмеивали нерях и лодырей, пели частушки:

С обушком мы раньше были,
А теперь с машиною.
Права равные добыли
Женщины с мужчинами.
Наших горловских девчат
Можно издали узнать:
С книгами, газетами,
Чистенько одетые.

Взялся Изотов за книги с той же основательностью, с какой принимался за любое новое дело. Завел толстые тетради, сидел вечерами с учебниками, делал выписки, решал задачи. Два-три раза в неделю ходил в школы взрослых, занимался отдельно с преподавателями. Подросшие девчонки, Тамара и Зина, лезли на колени, задавали вопросы. Не сердился. Покачает на колене дочку, погладит по голове, потом — вторую, разведет руками: «Доченьки, за парту папка сел».

Понимала Надежда Николаевна, что надо ему учиться, к тому же Никиша слово дал. Тут уж — умри, не сдвинуть его. Жалела — вишь, похудел как. Варила украинские борщи с его любимой мозговой косточкой, икру из синеньких варила, тыквенную кашу. По выходным готовила вареники с сыром или вишнями, достава-

ла сметану у соседей, кто коровку держал, по деревенской привычке сама пекла круглые пышные караваи, благо в магазинах мука появилась. Заводила разговор о том, где они жить будут, если Никишу примут в академию, как там девочкам будет. Москва представлялась огромной, шумной — ни тебе родни, ни соседей.

— Дай поступить, — легко отмахивался Никита, — а там снимем квартирку.

Он, как и Надежда Николаевна, не представлял даже, что можно жить отдельно от семьи, от своих дочек... После завтрака ходили в лесок, искали ягоды, грибы. Был у Изотова особый дар. Мог по каким-то даже ему непонятным признакам угадать родничок. Ложились на землю, осторожно отрывали ямку. И вот чудо — начинала ямка наполняться чистой водой, а там уже сбегал через край тонкий ручеек. Дети радовались. А после обеда — снова за книги. И так месяц за месяцем.

Проскочила зима и весна 1935 года в труде и учебе. Участок «Мазурка» шел с «плюсом», Юхман хвалил, сокрушался, что же он будет делать, когда Никита уедет в Москву.

— Подожди, Иван Артемович, бабушка еще надвое сказала.

Завшахтой трогал подбородок с ямкой посредине, сердился:

— Ну, если таких не принимать... Письмо в ЦИК напишу.

— Почему в ЦИК?

— Ну еще куда наверх, — не сдавался Юхман. — Так и напишу: мол, затирают Изотова бюрократы. Да нет, при-имут, — убежденно заканчивал он.

В начале июля 1935 года Изотов держал предварительные экзамены в школе. По полной программе: русский язык, история, математика, физика, химия... На неделю освободили его от работы. Но каждый вечер, сдав очередной предмет, приходил Никита Алексеевич на шахту. Весь участок тревожно спрашивал:

— Ну как?

— Нормально!..

Радостный принес Изотов в горком партии справку, что выдержал экзамены по всему курсу школы и показал хорошие и удовлетворительные знания.

— В отличники, правда, не выбился, — пошутил он. — Силенок не хватило.

Секретарь горкома Фурер положил ладони на его широкие плечи, закричал прямо в лицо:

— Дубинушка ты орловская. — Передразнил: — Силенок не хватило. Подвиг ты совершил. Понял? Без отрыва от забоя за полгода школу закончил. Поднял бы тебя, да не смогу, надорвусь.

«Выписка из протокола № 79 заседания бюро Горловского горпарткома от 27 июля 1935 года:

Рекомендовать для посылки в Промакадемию тов. Изотова Н. А. — начальника участка ш. № 1».

Перед тем как получил Изотов этот документ, случилось немало важных событий в его судьбе. Событий удивительных и во многом неожиданных. Его, орденоносца и ударника, делегировали от Донбасса в январе 1935 года на XIII Всеукраинский съезд Советов. Здесь Никита Алексеевич был избран членом Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета. В перерыве его поздравил с оказанным доверием Григорий Иванович Петровский, тот самый Петровский, что когда-то приезжал в Горловку, тот самый Петровский, что на XVII съезде партии сказал с трибуны: «...донбасские большевики сумели создать теперь уже не только отдельных Изотовых, а целые бригады, целые слои изотовцев».

И вот такая встреча.

Украинская делегация выехала из Киева в Москву, в ее числе находился и растерянный от множества поздравлений Изотов. А в феврале представителя угольщиков Донбасса Н. А. Изотова на VII Всесоюзном съезде Советов избрали в ЦИК СССР. По возвращении

в Горловку ему и сообщили в горкоме партии: «Хотим направить тебя, Никита Алексеевич, в Промакадемию. Но знаешь, дело такое, ты профессор по обушку, а там настоящие профессора будут экзамены принимать. Скидок не делают никому, давай так договоримся: прикрепляем к тебе учителей, на шахту — ни ногой. Почувствуешь, что хорошо подготовлен и нас не подведешь, тогда примем официальное решение».

И вот решение принято.

Тут же Изотову вручили путевку в санаторий Наркомтяжпрома в Сочи, сказав, что для учения сил нужно не меньше, чем для работы. Девчонок оставили на мать, Марию Павловну, поехали с Надеждой Николаевной на машине. Дорога шла через Ростов, Туапсе. Далее до Сочи крутили виражи по побережью. Когда дорога выводила к берегу моря, то останавливались, жадно глядели на уходящую за горизонт синеву воды.

Общительный Изотов с первых дней отдыха обзавелся множеством новых знакомых. В номер к ним ходили целый день и металлурги Сибири, и нефтяники Каспия, и горняки Подмосковья. Изотов любил такие вечера, с удовольствием пел под гармонь или гитару. У него был высокий лирический голос, приятный такой тенорок, что крайне удивляло отдыхающих. Могучий Изотов, басит вроде при разговоре, а тут тенорок.

— Загадка природы, — сокрушался Изотов. — Не дал бог шаляпинского голоса.

Ездили в горы, на Красную поляну, благо машина своя, устраивали ранние рыбалки. Местные жители научили ловить ставриду. К завтраку мужчины приносили повару корзину свежей рыбешки, просили пожарить. И здесь, на пляже, Изотов выделялся среди мужчин ростом, спокойной повадкой. Что-то надежное, крепкое чувствовалось во всем его облике. Приятно было Надежде Николаевне видеть внимание со стороны даже незнакомых людей, улавливать: «Смотрите, Изотов...»

Сотрудник газеты «Кочегарка» Григорий Стеценко, старый приятель Изотова, забежал однажды в комнату возбужденный, не отдышавшись, зачастил:

— Дозвонился... Согласен... Завтра едем...

Выяснилось, что Григорий позвонил на квартиру Николаю Островскому. Писатель, хотя только что перенес приступ тяжелой болезни, сам ответил:

— Островский слушает.

Стеценко передал желание горловских горняков повидаться, добавил, конечно, что среди них и Никита Изотов. Островский поинтересовался, знают ли его адрес шахтеры, услышав утвердительный ответ, без раздумий пригласил:

— Приезжайте в любое время. Буду рад встрече.

Вот как запомнилась эта встреча ветерану Стеценко:

— Вчетвером — Изотов, забойщик бригадир Лавров, начальник жилотдела нашей шахты «Кочегарка» Черепня и я — сели в «газик» Никиты Алексеевича, подаренный ему наркомом Серго Орджоникидзе. Нашли Ореховую улицу быстро. Изотов, сидевший за рулем, посигналил, и к нам вышла худощавая женщина с короной кос, посеребренных сединой.

— Здравствуйте, мамаша! Мы к писателю Островскому.

— Шахтеры из Горловки? — спросила она.

Мы дружно закивали головами.

— Коля сказал, что ждет вас. Добро пожаловать.

Она повела нас в глубь усадьбы, к флигелю, через веранду, облепленную лозами винограда, провела в небольшую комнату с кафельной печкой в углу. Отсюда дверь вела в другую комнату, смежную, где слева у стены на кровати лежал Николай Алексеевич. Справа, у простенка между окнами, стоял столик, за которым сидела машинистка с блокнотом в руках — Островский диктовал.

— Шахтеры Горловки пришли, — сказала сопровождавшая нас Ольга Осиповна.

Лицо Островского озарилось улыбкой. Он сказал:

— Ну что ж, братишки-шахтеры, усаживайтесь и чувствуйте себя как дома. Вы, рабочие люди, пришли к рабочему человеку. Рад, очень рад, что вы ко мне заглянули. Давайте знакомиться...

Мы жали его руку, вглядывались в его лицо, известное по портретам. Когда подал свою огромную ладонь Никита Алексеевич, писатель сразу отметил ее:

— Вот рука рабочего человека, пролетария, перестраивающего мир. На этой большой руке вся жизнь твоя, братишка, мозолями выписана. Кто же ты?

— Я Изотов, — покраснев от волнения, ответил Никита Алексеевич.

— Изотов! Сам Никита Изотов, богатырь Донбасса ко мне пожаловал! Эт-то здорово! — воскликнул Островский. — Я читал о тебе книги, читал в газетах и журналах о твоих богатырских рекордах угледобычи, по радио слыхал твой голос. А теперь ты пришел ко мне со своими братишками-шахтерами. Рад! Спасибо!

А с Донбассом я тоже знаком, — продолжал он. — В двадцать пятом году принимал ванны на Славянском курорте. Изумительные там сосновые боры. Запомнилась встреча с шахтером, звали его Ермачок...

— Ты знаешь Ермачка? — радостно воскликнул Изотов. — Да это же наш, горловский забойщик.

Предупрежденные о недавнем приступе болезни писателя, мы начали переглядываться, пытались прервать затянувшееся свидание. Но Николай Алексеевич и слушать об этом не хотел.

— Да вы что, — с укоризной заметил он. — Я не утомлен, я работоспособен. И то, что вы сюда внесли революционный ветер шахтерской жизни, своего богатырского труда, — это меня вооружает революционным оптимизмом, заражает буйным комсомольским энтузиазмом... Что же замечательно! Партия Ленина поднима-

ет шахтеров на-гора, к солнцу, к свету, к знаниям. Об этом мечтал Ильич...

Изотов: — Мы, шахтеры, очень любим красивые вещи и делаем все, чтобы Горловка была образцовым городом, осуществляем артюховский культбытплан.

Островский: — Что значит артюховский культбытплан?

Изотов: — Наш кочегаровец-забойщик Федор Артюхов выступил инициатором культурно-бытового переустройства Горловки. Это грандиозный план социально-культурного строительства. Коммунисты находятся во главе этой нужной и весьма полезной работы. Горловка наша не только дает сверхплановый уголек, но и преобразует быт шахтера. Мы строим добротные дома, где полный комфорт — вода, газ, электричество, санслужбы. Жизнь шахтерская расцветает, как розы. И все это литераторы должны знать, как и красивую душу углерубов, геологические условия, в которых трудимся во имя счастья людей земли, во имя мира без войн. Всю эту гамму, весь этот ритм нашего бытия смогут верно изобразить в своих сочинениях только те писатели, кто знает нас не понаслышке, а сросся с нами душой и телом. Вот так!

Островский: — Да, только тот писатель способен написать хорошую книгу о рабочем классе, кто сердцем врос в трудовые будни и сердцем понимает сущность социалистических преобразований, о которых ты говоришь, кто познал романтику рабочего труда, кто полюбил рабочего человека ленинской любовью...

Изотов: — Твой роман «Как закалялась сталь» мы полюбили, читали его и перечитывали не раз...

Островский: — Ну, это ты, братишка Изотов, мне уже кладешь на сердце свои дифирамбы. Я считаю, что моя книга имеет упущения и недостатки. Я рукопись сильно сократил. Может быть, это к лучшему, а может быть, и не в мою пользу...

Во время этой беседы в комнату вошла девушка-почтальон.

Выложив почту на стол, девушка вложила в руку писателя букет ярко-красных гвоздик. Островский ощупал цветы чуткими пальцами, и его лицо осветилось улыбкой:

— Спасибо тебе, сестренка, за гвоздики. Это мои любимые цветы.

Перед тем, как нам уходить, Никита Изотов, поднявшись с табуретки, наклонил голову, чтобы не стукнуться русоволосой головой о потолок, промолвил:

— У тебя, друг Николай, здесь тесно, как в забое шахты. Нужно тебе просторное и светлое помещение. Квартира твоя неважнецкая. А может быть, у тебя есть и другие заботы, нужды?

Тронутый этими словами чуткости и заботы, Николай Островский быстро и твердо ответил:

— Мне абсолютно ничего не нужно. Я и моя семья всем обеспечены. Все у нас есть! О квартире тоже вопрос снят с повестки дня. Григорий Иванович Петровский и украинская комсомолия уже об этом позаботились. Заходите, братишки-шахтеры! Прошу от чистого сердца. Рад буду. Вот возьмите и вденьте в петлицы гвоздики из этого букета. Пусть эти цветы светят вам ярко, как шахтерские лампочки. И прошу — заходите, не забывайте!

Когда мы выходили из флигеля, в петлицах наших костюмов были красные гвоздики Николая Островского. Взволнованный и восхищенный Никита Изотов по дороге к своему «газику» обронил незабываемую фразу:

— Какой Островский закаленный человек! У него действительно стальное сердце коммуниста. Он светится революционным оптимизмом. Мы, братцы, с вами видели настоящего Человека, жизнь которого — сплошной подвиг!

Глава одиннадцатая

СТАХАНОВСКАЯ ВОЛНА

Знакомый поворот, и вот она, Горловка, зеленый город с выпирающими в небо буграми терриконов.

— Ехали-ехали, наконец доехали, — сказал Изотов. — Рада?

Даже не ответила Надежда Николаевна, так соскучилась по дочкам, по своему дому — жили теперь в просторной светлой квартире, с ухоженным двориком, со своим огородом. Да разве сравнить с чем-нибудь? Дома ждали — телеграммой известили из Сочи, что едут. Подошел после приветствий Никита Алексеевич к календарю, висящему в столовой, стал листки обрывать. Оставил «2 сентября 1935 года», упрекнул Марию Павловну, что за временем не следила.

— Уследишь тут. С дочек твоих глаз не спускала. Две егозы...

Пообедали без спешки, и Никита Алексеевич снял с вешалки привычную свою синюю хлопчатобумажную куртку:

— Гляну, как там на шахте...

— Закрыли без тебя, — не удержалась Мария Павловна — мать часто ругала сына, что дольше всех задерживается на работе. Зато Надюша все правильно поняла. Прижалась к нему, шепнула:

— Сходи, а то, вижу, изболелся за друзей-товарищей. Иди, мой хороший.

Ну как не любить ее, такую?

Зашел перво-наперво доложиться завшахтой. В кабинете у того целое заседание, гул голосов.

— Что за шум, а драки нету? — бросил с порога Изотов.

— Во-от он, вернулся, как новенький рубль сияет, — радуясь встрече, говорил Юхман. — Тут, брат, такие

дела заворачиваются... Ты Стаханова знал? С «Центральной — Ирмино»? Русый такой, живой, поменьше тебя, но ловок.

Вроде бы и встречался с ним Изотов в Кадиевке на слете ударников. А может, ошибается. В июне будто бы.

— Все правильно, — подхватил Юхман. — Так вот, послушай. — Он взял «Правду», громко прочитал: — «Рекорд забойщика Стаханова», — глянул на Изотова. — Ты внимательно слушай. — «Кадиевский забойщик шахты «Центральная — Ирмино» тов. Стаханов в ознаменование 21-й годовщины Международного юношеского дня поставил новый всесоюзный рекорд производительности труда на отбойном молотке. За шестичасовую смену Стаханов дал 102 тонны угля, что составляет 10% суточной добычи шахты, и заработал 200 рублей...»

— Многовато что-то, — усомнился Изотов. — Какой у них пласт?

— Не в пласте дело, — торжествующе произнес Юхман. — Они другое удумали, черт им в пятку. Разделение процесса труда — вот как это называется. Стаханов только рубил, а за ним два крепильщика шли, понял? — Оглянулся на горняков, растерянно сказал: — Почему нам такая простая вещь в голову не пришла? Наверху же лежит, изобретать ничего не надо...

Не просто и не случайно установил Стаханов рекорд. Но и подготовки к нему никакой практически не было, особые условия никто ему не создавал.

Биография у Стаханова на редкость схожа с жизнью Изотова. Подпасок с Орловщины сызмальства мечтал подработать и купить коня. Обязательно белого в яблоках. За тем и подался в Донбасс на заработки. Работал тормозным, потом самостоятельно — коногоном. Тут как раз внедряли отбойные молотки, бывалые забойщики сомневались, не хотели расставаться с обушком. Вызвался Алексей, крепкий русоголовый парень, в механизированную лаву. И пошло-поехало. Сравнялся

с опытными забойщиками, стал нормы перевыполнять. В ударники вышел как раз летом 1935 года.

Тут к нему и подошел Мирон Дюканов, партгрупорг их участка «Никанор — Восток»:

— Молодец, Алексей. Не поможешь новичкам?

— Конечно, с нашим удовольствием.

И все же шахта «Центральная — Ирмино» с долгом шла. Позвонили парторгу ЦК ВКП(б) Петрову из редакции городской газеты «Кадиевский пролетарий», попросили с каким-либо почином выступить. Одним словом, плеснули в костер керосинчика. «Раззадорили», — говорил Петров.

Ударники давали на молоток тонн пятнадцать — вдвое больше нормы. Еще 29 августа не был решен вопрос о том, идти ли на рекорд. Сомневался завшахтой, колебался начальник участка. А выбор на Стаханова пал потому, что в соревновании на звание лучшего забойщика он показал хороший результат. Пришли к нему домой парторг Петров и начальник участка Машуров, предложили:

— Такое вот дело, Алексей. Из газеты попросили нас с инициативой выступить. Что, по-твоему, надо, чтобы хороший забойщик блеснуть мог?

Развел руки Стаханов, засмеялся:

— Да что вы, Константин Григорьевич. Инженер я, что ли? И так две нормы даю...

— А три кто мешает дать? — Парторг моложе Стаханова, но смотрит сурово, словно предчувствуя всю значимость этой встречи.

— Да не кто, а что... Три часа рубаю уголь, остальное время креплю или лес жду. Откатка еще задерживает...

Вмешался в разговор начальник участка Машуров:

— Подожди, Алексей. А если все в порядке будет? Сколько возьмешь?

— Уступы короткие, — сказал Стаханов, показывая жене Дусе, чтобы шла домой и не вмешивалась в муж-

ской разговор. Но Дуся с крыльца не уходила, ворчливо приглашала:

— В хату тогда идите, чего вы тут перепалку устроили.

— Да не перепалку, — успокаивал ее Петров. — Хотим мужа в лучшие ударники вывести.

— Он и так ударник, — отрезала Дуся. — Погодите, погодите... Вы что ж, в выходной его запрячь хотите? Дайте человеку дома побыть...

— Вот и первый противник технического прогресса, — пошутил парторг.

— Нет, ты скажи, — допытывался Машуров. — Сколько возьмешь угля, если все в ажуре будет?

— Ты, Николай Игнатьевич, не наседай... Я б сам лаву за смену прорубил, если б не крепить...

Эта фраза и заронила мысль разделить процесс отбойки угля. Остальное известно. Впрочем, о мировом рекорде Стаханова 2 сентября напечатала информацию лишь «Правда», да и то на последней полосе. Зато позвонил в Главуголь, в Кадиевку Серго Орджоникидзе, лечившийся в Кисловодске, дал сразу точную оценку: «Великое дело родилось в Донбассе».

В то время сменная производительность на отбойный молоток равнялась в среднем семи тоннам. Забойщики Свиридов (шахта № 10 «Артем»), Мурашко (шахта «Красный Профинтерн»), Гришин (шахта № 4/2 «Ирмино») в отдельные дни давали до 40—50 тонн угля, и это считалось рекордом. А тут 102 тонны! Весь Донбасс заговорил о достижении молодого забойщика, интересовались подробностями.

30 августа в десять вечера группа горняков спустилась в шахту на горизонт 450 метров. Стаханов рубил, Петров освещал ему «надзоркой» уступ, начальник участка Машуров на штреке организовывал бесперебойную откатку угля, Щиголев и Борисенко крепили лаву. За 5 часов 45 минут Алексей Григорьевич нагрузил 102 тонны, выполнив 14 норм.

В шесть утра, как только выехали наверх, Петров собрал членов шахтпарткома. Обсудили один вопрос: «О производительности труда у забойщика Стаханова А. Г.». А через час, перед первой сменой, Петров уже выступал на собрании горняков, зачитывал решение: до 2 сентября на всех участках проработать опыт тов. Стаханова; созвать совещание забойщиков и заслушать доклад тов. Стаханова; развернуть соревнование на лучшего забойщика. Тут же, не сходя с трибуны, Петров записал сорок забойщиков, вызвавшихся помериться силами со Стахановым. Кадиевские журналисты первыми обыграли «надзорку» в руках парторга. «Он от лица парторганизации шахты освещал ударнику Стаханову путь к рекорду», — писали они в городской газете. И никто пока не предполагал, что родилось новое могучее движение в стране — стахановское.

Поскольку в то утро, 31 августа, в нарядной собралось много народа со всех участков, то обсуждение вопроса о рекорде Стаханова официально объявили пленумом. В последнем пункте решения прямо указывалось:

«Пленум шахтпарткома считает необходимым заранее указать и предупредить всех тех, кто пытается клеветать на тов. Стаханова и его рекорд как на случайный, выдуманный и т. д., что партийным комитетом они будут расценены как самые злейшие враги, выступающие против самых лучших людей шахты, нашей страны, отдающих все для выполнения указаний нашей партии о лучшем использовании техники.

Партийный комитет уверен, что за тов. Стахановым появятся новые герои, которые нашей организацией будут встречены с радостью и гордостью...»

Все подняли руки.

Решение шахтпарткома дало точную политическую оценку рекорду Стаханова, определило его значение в общегосударственном масштабе. Пророческие слова о новых героях в короткий срок получили свое подтвер-

ждение. Десятки забойщиков шахты «Центральная — Ирмино» включились в соревнование ударников. В ночь на 4 сентября партгрупорг Мирон Дюканов, работая новыми методами, добыл за смену 115 тонн. На другой день в шахтпартком пригласили Дмитрия Концедалова — близкого товарища Стаханова, и Петров, пожимая ему руку, сказал, что негоже комсомольцу в стороне от таких дел стоять.

— Иди, Дмитрий, на рекорд. — Буднично так сказал, без пафоса, как о самом обычном деле. Может быть, этот тон более всего и подстегнул Концедалова. И 5 сентября у ствола Митю встречала целая толпа молодежи, с духовым оркестром. От клети его на руках пронесли к выходу, не обращая внимания на возмущенные выкрики «именинника». Новый мировой рекорд — 125 тонн угля.

«Правда» выступила с передовой «Советские богатыри», в которой говорилось: «Наш пламенный привет вам, тов. Дюканов и Стаханов! Вами по праву может гордиться страна. Вы своей изумительной работой доказали, как замечательно советский отбойный молоток крошит угольный пласт, когда им управляют опытные и крепкие руки мастеров-большевиков. Шахтеры Донбасса! Поучитесь у товарищей Стаханова и Дюканова, как надо выжимать из новой техники, что она в состоянии только дать. Следуйте их блестящему примеру!»

Девчата в скверике пели:

Я любимому сказала,
Он послушался меня:
«Руби уголь, как Стаханов,
Выйду замуж за тебя».

На «Кочегарке» тем временем не утихали споры. Нужны ли еще рекорды? Как во всяком споре, было высказано много мнений и в нарядных, и на заседаниях шахтпарткома. Но решение принято единогласно: перейти во всех лавах на новую систему отбойки угля по

методу Стаханова. И опять понадобился яркий пример.

Тогда Никита Алексеевич в парткоме и заявил, что душа горит, хочется ему своими руками первому испробовать новый метод. У них на участке уступы длиннее, можно предположить, что и выработку он, Изотов, даст большую, подтвердит тем самым успех Стаханова, лишний раз убедит скептиков, как важно быть в постоянном поиске, а то некоторые закисли, почили на лаврах. Его попытались было убедить повременить: «У тебя перерыв какой? Ага, два месяца. Последнее время начальником участка был, а не забойщиком — тоже плюс, а в общем получается минус».

— Ты подожди, подожди... Навыки-то я не растерял. — Никита Алексеевич настоял на своем и 11 сентября спустился на участок № 10 пласта «Девятка». По опыту Стаханова он попросил вдвое увеличить число крепильщиков.

Ровно в восемь утра ударила дробь отбойного молотка в уступе Изотова. Он знал пласт «Девятку», его капризы и слабые стороны, заранее все осмотрел, изучил, наметил схему зарубки. И теперь уголь плавно шел вниз, напоминая разлившийся в половодье ручеек. За ним едва успевали крепить пять человек, одобрительно покрикивали: «Ну ты, Лексеич, даешь, шибче врубовки рубишь!..»

Через два часа Изотов сделал передышку, спросил: «Сколько?..» Ему ответили, что уже нарублено почти 100 тонн. Снизу, из штрека, прилез машинист электровоза, взмолился:

— Да вы что, ребята, всем гуртом рубите? Засыпали весь низ, не успеваем двумя электровозами вывозить...

А Никита рубил и рубил, вжимаясь в податливый пласт пикой молотка, сливаясь с ним, его дробной привычной песней. Кто-то тронул его за плечо, крикнул в ухо, что все, конец смены, и они друг за дружкой потянулись из лавы. Нижний уступ и люк в самом деле

оказались завалены углем, и бригада с трудом выбралась на откаточный штрек.

— Победа, Никита, полная. Победа! — кричал ликующий начальник участка. — Двести сорок тонн... Да такого мир не знал!

У ствола уже собрались сотни шахтеров с женами и детьми, многие только из шахты, с соседних участков, но домой никто не хотел уходить. И когда из клети вышел Изотов с товарищами, их встретили цветами, аплодисментами. Плакат сообщал, что за смену выполнено более 30 норм!

— Спасибо за встречу и цветы, спасибо нашим дорогим шахтерским подругам, — сказал Изотов. — О чем хочу сказать? Не предел эти тридцать норм. А это уже серьезный разговор, мужской. Потому попрошу ударников и всех, кто хочет, перейти в нарядную. Впечатлениями надо поделиться, коли уж я теперь «стахановцем» стал.

В нарядной, где собрались и члены шахтпарткома, Изотов перечислил трудности, с которыми столкнулся: давление падало в шланге, откатка не успевала, попадался крепильщикам нестандартный лес... Если устранить недоделки да лучше продумать организацию откатки в штреке, то рекорд Стаханова может стать нормой для многих опытных забойщиков.

Вечером домой к Изотову заглянул Федор Артюхов. Сел степенно в угол, от домашнего кваса отказался, попросил:

— Никита, выдь на миг...

— Ты чего такой благостный? — добродушно спросил Изотов, поднимаясь из-за стола. — В церковь собрался?

— Ага, только в подземную, елкина мать, — не выдержал Артюхов. — Благослови на подвиг.

— На рекорд хочешь? — сразу понял Изотов и, загоревшись, стал убеждать Федора замахнуться на триста тонн. — У меня, вишь, неполадки сказались — дав-

ление в воздухопроводе падало, откатка не успевала. Да я сам крепить за тобой пойду, — закончил он с жаром.

Участок для Артюхова подготовили на 13 сентября. Завшахтой серьезно спросил, не отложить ли на день, все же число такое.

— В самый раз будет, Иван Артемович, — не согласился Артюхов. — Сразу двух зайцев убьем, елкина мать. Если рекорд дам, то верующие скажут, что сам сатана ударников остерегается.

За смену Федор Артюхов нарубил отбойным молотком 310 тонн угля.

В середине сентября на угольных предприятиях Донбасса проходили собрания. На них читали вслух телеграмму наркома Орджоникидзе: «Это замечательное движение героев угольного Донбасса — большевиков партийных и не партийных — новое блестящее доказательство, какими огромными возможностями мы располагаем и как отстали от жизни те горе-руководители, которые только и ищут объективные причины для оправдания своей плохой работы, плохого руководства.

Теперь весь вопрос в том, чтобы на опыте этих товарищей организовать работу по добыче угля и поднять на новую высоту производительность труда во всем Донбассе и во всех угольных бассейнах.

Я не скрою, что сильно опасаюсь, что это движение встретит со стороны некоторых отсталых руководителей обывательский скептицизм, что на деле будет означать саботаж. Таких горе-руководителей немедленно надо отстранять».

Трудно отрываться от родной земли. Ну а что делать, если все экзамены позади, успешно прошел собеседование, и он, Изотов, зачислен слушателем Промакадемии? А еще жальче расставаться с участком, хлопцами, что покорили «Мазурку», сами выросли. Взять хотя бы Сашко Степаненко — впору ставить начальником участка. Передал бы ему дела Никита Алексеевич

с легким сердцем, да нет Сашко, забрали широкогрудого чернявого Цыганка, как звал его Изотов, в морфлот, где-то сейчас на Черном море. Прислал недавно письмо и фотографию. Надежда Николаевна залюбовалась: «Гляди, какой гарный флотский» — сама не заметила, как начала употреблять украинские слова.

— Шахтерской выучки, — поддакнул Изотов. — Да встретимся, вернемся еще на «Кочегарку»...

Не думал он, что жизнь иначе распорядится.

В Промакадемии только и разговоров было, что о Стаханове, о котором теперь писали все газеты, помещали его фотографии. Называли имена последователей кадиевского забойщика, новые рекорды в разных отраслях народного хозяйства. Слово «стахановцы» сразу вошло в сознание миллионов людей, послужило толчком к проявлению массового энтузиазма; рекорды становились нормой, а вслед за ними рождались новые рекорды. Простые крестьянские парни, ставшие к заморским станкам, к изумлению представителей западных фирм, втрое перекрывали технические параметры, указанные в паспортах машин и механизмов. Дерзновение стало отличительной чертой пятилетки, все новые имена появлялись на рабочем Олимпе — мариупольский металлург Мазай, горьковский кузнец Бусыгин, вичугские ткачихи Виноградовы, ленинградский обувщик Сметанин, трактористка Ангелина, паровозный машинист из Донбасса Кривонос... Вот небольшое вроде бы сообщение. На Сельмашстрой в Ростов-на-Дону привезли сложнейшие четырехшпиндельные станки, стали инструкторы-американцы на разных режимах их опробовать, без спешки. Потихоньку от них слесарь Александр Кудлаенко научился управлять этими станками. Так и стал комсомолец первым на заводе автоматчиком, а после — начальником главного конвейера. Небольшой штрих тех лет, когда энтузиазм рождал все новых малых и больших героев.

Промакадемия выделила Изотову трехкомнатную

квартиру, и он перевез жену и двух дочек, Зину и Тамару, в Москву. Вечерами подолгу гулял с ними, водил к Кремлю, на Красную площадь, благо близко жили, на Покровке. Да и не мог он один, без семьи. Очень любил Надежду, любил за мягкую покорность, с какой переносила она частые разлуки, ночные бдения в шахте, любил за терпение — никогда голоса не повысит, все «Никиша» да «Никиша». И он звал ее Надюшей, часто, как маленькую, сажал на колени, гладил по голове. Дочек баловал, никогда не ругал, старался объяснить, если что не так делали. Да и вообще очень любил детей, потому и в Горловке и в Москве возле Изотова всегда было много детворы. Когда машина появилась, часто сажал своих и соседских детей на мягкие сиденья, вез в лес — природу любил самозабвенно. А каждый март — всегда с семьей за первыми подснежниками.

В предпраздничные дни ноября решил он съездить в Подмосковный бассейн, благо рядом — не Горловка. Сказано — сделано, и вот уже Никита Алексеевич в спецовке, с лампой идет по подземным коридорам шахты-новостройки № 12. Диву дается — не шахта, а подземный завод — сколько в забоях техники! И в то же время с удивлением узнает, что шахта не справляется с планом. Во время знакомства сам сталкивался с группами простаивающих горняков, беседовал с ними. Когда поднялись наверх, то в кабинете заведующего шахтой откровенно заявил, что трудности и объективные причины, на которые ссылаются итээровцы, во многом придуманы, ссылки на неустойчивую кровлю — тем более.

— Не хватает порядка, организованности, — подытожил он разговор. — Такого же мнения, кстати, ваши ударники, что сидят без дела при такой технике...

Вывел его из себя разговор в шахте с одним из начальников участков. Когда Изотов залез в лаву, он увидел, как забойщики молотками подрубают пласт пе-

ред бурением и взрывными работами. Поинтересовался, почему не врубовкой?.. Ему разъяснил инженер:

— Кровля слабая, да и нависла еще. К тому же люди неопытные.

Пригляделся Изотов — мать честная, кровля-то закреплена не по паспорту, оттого и нависла, запасные выходы породой забиты, лесом.

— Вы сюда гляньте, вот сюда, — высвечивал он лампой места нарушений, — посчитайте, сколько здесь костров, — они же плотнее должны стоять.

— Вот я и говорю, что люди неопытные, — вяло оправдывался инженер.

— Я о ваших художествах доложу в Москве, — разозлился Изотов. — Людьми, между прочим, руководить надо, учить их угольной грамоте, а то они сами себя в лаве завалят.

Из Бобрика-Донского Изотов уезжал расстроенный, даже удрученный. Никак не мог осознать: дали людям технику, о которой на иных шахтах и не слыхивали, — тяжелые врубовки, троллейные электровозы, последней марки компрессоры. И на тебе — толку-то нет, летят рубли, что государство затратило на проходку ствола, разрезку шахтного поля, на всю эту технику, а отдачи нет. Все попытки свалить свои промахи на природу, всякие там объективные причины звучали в его ушах лепетом детей. «Настроения у них не хватает, зажечь людей надо, — решил он окончательно. — Сами не могут, придется им помочь. Мышь им за пазуху».

В Москве Изотова закрутило учение — лекции, семинары, самостоятельные занятия. Важно ведь ему не ударить лицом в грязь. После долгих размышлений он позвонил Орджоникидзе, попросился на прием. А при встрече откровенно высказал, что волновало, мучило даже его все эти дни после посещения Подмосковного бассейна. Нарком внимательно выслушал, сдвинул брови, посоветовал:

— Поезжай, товарищ Изотов, на эту шахту. Считай,

что наркомат тебя командирует поднять настроение у людей. Ты прав, техническое руководство у нас еще во многих местах хромает.

— Одному неловко, что, если я товарищей из Промакадемии захвачу? — попросил Изотов, удивляясь такому неожиданному решению. Он-то полагал, что нарком осерчает, сорвет телефонную трубку, расчешет руководителей комбината, а тут самому надо ехать, устранять неполадки.

Словно угадав его мысли, Орджоникидзе сказал, что легче всего вызвать вот хоть сейчас в наркомат технических руководителей, расчихвостить их, да только, по его мнению, толку будет от этого мало — уже ругались не раз. Можно бы послать на шахты товарищей из наркомата, выявить все неполадки, обсудить потом в наркомате, да не просто, а с оргвыводами. Однако и на это много времени уйдет. А так вот он, Изотов, известный и уважаемый в стране человек, всколыхнет шахтеров снизу, так сказать, поднимет инициативу, совесть у многих пробудит. Тогда и результат скорее проявится.

— Положительный результат, — твердо закончил нарком, глядя на Изотова. — Согласен? Вот и договорились. После праздников и поедете.

Глава двенадцатая

К НОВОМУ ЗНАНИЮ

Принарядившаяся в кумач Москва встречала стахановцев, приезжающих в столицу на Октябрьские торжества. На вокзалах играли духовые оркестры. Год назад появилась новая традиция: на видных местах, даже в витринах центральных магазинов помещали портреты героев-летчиков и челюскинцев. В ноябрьские дни 1935 года всюду были выставлены портреты ударни-

ков — Стаханова, ткачих Виноградовых, Бусыгина, Изотова... Вечером в двери квартиры дома № 40 на Покровке гулко постучали. Надежда Николаевна сразу догадалась: горловчане!.. И точно, на пороге стоял улыбающийся Федор Артюхов с холщовой сумкой в руках. Друзья крепко обнялись.

— Думал, похудал ты над книжками, — пошутил Артюхов. — Не-ет, все такой же.

— Я от учебы полнеть начал, — пожаловался Изотов. — Сидячая работа.

— Это голова должна пухнуть, — рассудил смешливый Артюхов. — Нате вот, гостинцы от моей благоверной.

Пока Надежда Николаевна вынимала из сумки сало, крупные луковицы, выворачивала каравай домашнего хлеба, Артюхов подмигнул другу, сообщил, что и ему, Изотову, есть лично от него подарок. Никита молчал, глядел на Федора с нескрываемым удовольствием, ждал рассказа. И когда Артюхов сказал, что 4 ноября добыл за смену 536 тонн угля, Изотов ударил себя крепко по ляжкам, расцвел улыбкой:

— Федя, дорогой ты мой донбассовец, дай я тебя качну. — Схватил упирающегося Артюхова, поднял до потолка. — Надюша, ты слышала?

Выяснилось, что за Артюховым шли девять крепильщиков.

Ударников-стахановцев расселили по разным гостиницам. Шахтерам отвели «Октябрьскую», что на Большой Дмитровке (теперь Пушкинская улица). Днем 6 ноября гости гуляли по центру города, любовались башнями Кремля, собором Василия Блаженного, долго стояли на Красной площади, у Мавзолея. Вечером собрались в Большом театре на торжественное заседание, посвященное 18-й годовщине Великого Октября. С докладом выступал Калинин.

— Помнишь, как он на «Кочегарке» был? — спросил Изотов, и Федор смешливо закивал, шепнул, что

вот бы Михаил Иванович на трибуну вышел в шахтерках и с «коногонкой» в руке.

— Да ну тебя, балабон, — сердито бросил Изотов.

Утром праздничного дня стахановцы заняли гранитные трибуны, смотрели военный парад на Красной площади. Затем встречались с московскими пролетариями. Вечером слушали оперу «Евгений Онегин» в Большом театре. И вновь встречи с рабочими московских предприятий, зарубежными гостями, беседы и споры.

А 13 ноября, перед открытием первого Всесоюзного совещания рабочих и работниц — стахановцев, состоялась встреча в кабинете Орджоникидзе. Собралось примерно пятьдесят передовиков — Стаханов, Петров, Дюканов, Изотов, Артюхов, ткачихи Виноградовы... Нарком просит просто, по-домашнему побеседовать, задавать вопросы, поспорить друг с другом. Его интересует в основном вот что: рекорды известны, а как в повседневной работе давать стабильную высокую выработку? Высказывают свое мнение Стаханов, Петров, Изотов, Бусыгин... Конечно, считают они, рекорды не всем под силу, да и не надо, наверное, всем быть рекордсменами. А вот увеличить выработку, скажем, втрое, применяя новые методы, под силу каждому.

Эти ноябрьские дни навсегда остались в памяти, да не в памяти даже, в сердце. И не потому только, что встречал Изотов 18-ю годовщину Советской власти в столице, вместе с другими ударниками получил приглашение в Кремль, видел многих знатных людей, руководителей партии и государства. Даже с Ворошиловым — теперь уже с маршальскими петлицами — довелось разговаривать и напомнить ему об их первой встрече десять лет назад здесь же, в Москве, в Чернышевских казармах.

— Вот как! — удивился «первый маршал». — Напомните, как это было?

И Никита Алексеевич рассказал ему о той первой встрече в 1924 году. От волнения тогда забыл себя

назвать. Напомнил наркому, как тот задавал вопросы: мол, свежие ли продукты, как питание бойцов.

— Все же в погреб, где продукты хранились, вы, Климент Ефремович, тогда спустились и замечание мне сделали — керосином там слегка пахло, бочка сверху протекала, — не удержался Изотов, широко улыбаясь. — А потом посоветовали учиться как можно больше...

— Выходит, совет в цель попал? — спросил тоже с улыбкой Ворошилов.

— Точно в цель, — подхватил Изотов. — Армия дисциплине учит, как же я мог командарма ослушаться...

Радостные эти праздничные дни были наполнены встречами со многими людьми, которых Изотов знал и глубоко уважал.

После встреч сон не шел, выходили с Федором из гостиницы, мерили тротуары Большой Дмитровки, улицы с древней родословной. Швейцар гостиницы рассказал шахтерам, что здесь еще в XIV веке располагалась Дмитровская слобода. Название получила оттого, что селились в этом месте выходцы из города Дмитрова. В первые годы Советской власти ее переименовали было в «улицу Потье», в честь автора «Интернационала», а после вновь назвали Большой Дмитровкой. «Видно, Владимир Ильич распорядился», — убежденно сказал швейцар.

Когда вечерами гуляли, то Изотов и Артюхов останавливались у дома № 15а, где МК РКП(б) раньше располагался. Останавливались не случайно. В этом здании 23 апреля 1920 года состоялось торжественное собрание, посвященное 50-летию вождя революции, на которое он, не любивший никаких почестей, опоздал и сказал знаменитые слова о том, что любые праздники следует отмечать трудом.

— Да, Ленин, — со вздохом говорил Изотов и

вспоминал старую Горловку, стачку, бои с белоказаками.

Смолкал и говорливый Артюхов. И как неожиданная радость, в дополнение ко всему пришла телеграмма от ученика Александра Степаненко. Приехал он, младший командир Черноморского флота, на побывку в родную Горловку — и сразу же на шахту: «Дайте за молоток подержаться, мысли есть: на рекорд хочу пойти». И вот новая победа! За смену Степаненко на «Кочегарке» вырубил 552 тонны угля, 10 крепильщиков за ним шли.

В «Правде» 12 ноября напечатан «Рапорт забойщика-военмора Степаненко наркому обороны тов. Ворошилову.

Доношу, что, прибыв на шахту «Кочегарка» на Октябрьские торжества, я, бывший забойщик этой же шахты, ученик Никиты Изотова, ныне младший командир вверенного Вам красного Черноморского Флота, 10 ноября спустился на участок № 10 пласта «Девятка» и за 6 часов работы отбойным молотком советского производства вырубил 552 тонны угля...

Вместе с тем, товарищ нарком, сообщаю, что шахта «Кочегарка» стала шахтой мировых рекордов по вырубке угля».

Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц — стахановцев проходило 14—17 ноября. Участвовало в нем три тысячи передовиков всех отраслей тяжелой, легкой, пищевой, лесной промышленности и железнодорожного транспорта. Открыл совещание Орджоникидзе: «То, что нам дали Стаханов, Дюканов, Бусыгин, Виноградовы, Кривонос на железной дороге, — говорил нарком, — и то, что сотни и тысячи людей последовали их примеру, это факт, из ряда вон выходящий, факт огромнейшей важности...» Первым выступил Стаханов. Он зачем-то наголо обрился, выглядел все равно молодо в белой рубашке с галстуком. За ним слово дали Кривоносу — спокойно вышагал к трибуне-столу

в форменной гимнастерке железнодорожника, с петлицами и молоточками на них.

Изотов, в гимнастерке, правой рукой взялся за бляху ремня, говорил смело, глядел в зал. О том, как партия воспитывает людей и коммунисты сами выступают воспитателями. Еще три-четыре года назад вербовали в Донбасс тысячи людей и тысячи уезжали. Никто не боролся за то, чтобы научить этих людей работать так, как работают старые, опытные шахтеры. Решил взяться за это дело... Обратился к рабочим — поможем молодым. Откликнулись.

— Сейчас мне в Промакадемии, где я учусь, тоже трудно приходится, — продолжал Изотов. — Раньше я напирал на руки, а сейчас на мозги напирать приходится, чтобы мозги поворачивались... Стахановцы просили передать правительству еще следующее: они зарабатывают много. Спрос на различные культурные товары большой. Одному нужно пианино, другому — велосипед, третьему — патефон, радио. Этих товаров в Донбассе мало.

Шумок одобрения прошел по залу, когда кузнец Горьковского автозавода Александр Бусыгин сказал: «А еще то замечательно, что при хорошей работе меньше устаешь, чем при плохой. Чем ровнее да спористее идет работа, тем крепче да здоровее себя чувствуешь. С песнями будем работать!» Аплодисментами поддержали стахановцы и заявление Марии Виноградовой, ткачихи Вичугской фабрики имени Ногина: «Если найдутся работницы, которые будут брать 144 станка, то мы обязательно перейдем на 150. Если кто-либо заявит, что переходит на 150, то мы возьмем 200. Мы свой рекорд никому не отдадим!»

Предоставили слово и Артюхову. Федор стал рассказывать, что, работая методом Стаханова, горняки установили несколько рекордов. Но вот вместо 14 сделали в лаве два уступа, вдвое уменьшили число забойщиков, и участок сел на 65 процентов плана. Не успевала

откатка в штреке — все углем завалили, не успевали наверху железнодорожники. Батарей нет для электровозов. Сейчас выправились, говорил Артюхов, даем 350 тонн при плане 280, хотим, чтобы участок 600 тонн давал. Когда заявил, что шахтеры стали прямо-таки здорово жить и он, Артюхов, приобрел себе пианино, Орджоникидзе спросил:

— Умеешь играть?

— Пока не умею... Раз уголь умею рубать, научусь и играть... Ко мне сейчас учитель ходит, он со мной занимается...

Этот маленький штрих красноречиво рассказал многим о житье-бытье донецких шахтеров.

Телеграмма: «Директору Московской Промакадемии. В соответствии с распоряжением тов. Орджоникидзе предлагаю вам освободить на две недели слушателя первого курса Никиту Изотова для поездки Подмосковный бассейн. Нач. сектора кадров НКТП Раскин».

И 17 ноября Изотов прямо со Всесоюзного совещания стахановцев с тремя товарищами из академии утром прибыл в Бобрик-Донской, а днем они спустились в шахту № 12. Осмотрели участки, беседовали с машинистами, забойщиками. И все более убеждались: план в 1250 тонн для шахты вполне реален. В тот же день бригада высказала свои соображения руководителям треста.

Сложилась здесь странная практика: если отставали забои подготовительных выработок, то искусственно придерживались лавы, чтоб они не опережали откаточные штреки. Это вместо того, чтобы ускорить прохождение штрека. Азбука вроде бы, а вот поди ж ты. Изотов с негодованием передавал заведующему шахтой по этому поводу мнение проходчиков.

— Поверьте, весьма нелестные слова, — утюжил он воздух тяжелой рукой. — Кровля у вас слабовата, зна-

чит, нельзя ей отстаиваться, то есть следует гнать лаву побыстрее, а очистные забои смену в сутки простаивают. Непорядок! Нужно изменять график работ, чтобы изжить простои.

Бригада академии внесла предложения и по основным участкам, отрабатываемым спаренными лавами. Неразберихи здесь оказалось еще больше, чем на других горизонтах. В одной лаве проводились очистные работы, а другая сутки готовилась к эксплуатации. И получалось, что в двух лавах выемка угля велась поочередно, через сутки.

— А мы считаем, — напористо говорил Изотов, — что можно выемку делать за две смены, а две смены готовить обе лавы. Что выигрываем? Смену в сутки. Давайте не тянуть, а сразу и попробуем...

— Мы прикинем, составим новые графики, а тогда еще раз соберемся, — сказали представители технических служб.

И тут Изотов, покладистый, добродушный Изотов, твердо отрезал:

— Нам прохлаждаться некогда. У меня такое предложение — не расходиться, пока новый график вот сейчас, здесь не составим и приказом не подкрепим. Пусть с утра, с первой смены бригады начинают новый цикл...

На другой день, конечно же, не получилось: для нового графика потребовалось доукомплектовать бригады, выровнять подготовительные забои, составить новый график и для службы главного механика, чтобы всю профилактику механизмам успевали делать в пересмены, а ремонт — при переноске конвейеров и воздухопровода, при обрушении кровли. Каждый день спускались в шахту Изотов с товарищами, находили новые резервы. Скажем, предложили параллельно делать ходок и переносить рештаки конвейера, настилать их в лаве. Ерунда, а выгода во времени немалая. Были сбои

и в машинных спаренных лавах. Новый уплотненный график — дело не шуточное, он требует четкого взаимодействия всех служб. Еще раз собирались у заведующего шахтой, уточняли, вызывали бригадиров, выступали в нарядных. Через неделю, 23 ноября, шахта выдала на-гора 1501 тонну угля — у клети бригады встречали музыкой, цветами. Самый большой букет от имени жен шахтерских вручили Изотову.

— Уезжать надо, пока моя Надежда не дозналась, — пошутил Изотов, принимая букет.

Через неделю, когда все участки шли без сбоя, Изотов от имени горняков шахты составил телеграмму на имя Орджоникидзе об обязательстве закрепить достигнутые успехи. Вернувшись в Москву, сам поехал к наркому, рассказал о работе своей бригады, высказал соображения о внедрении новых цикличных графиков в Подмосковном бассейне.

Вновь закрутили усиленные занятия. Занимался Изотов легко, часто удивленно говорил жене:

— Надюша, по математике «отлично» получил. Задачки, что орехи щелкаю.

Полюбил читать книги на исторические темы. Отрываясь от страниц, горделиво произносил:

— Ну, Русь наша... Весь мир широтой и отвагой удивляла.

Надюша слушала, вынимала из духовки любимые коржики, звала пить чай. За столом любил вспоминать Никита Алексеевич их квартиру, дворик, где сам сажал цветы — полевые гвоздики, табак, петуньи. И девчонкам купил по поливальничку, чтобы привыкали. В выходные вставал с солнцем, любил всех будить.

— Словно кочет вскакиваешь, — выговаривала мягко жена.

— Да утро уж, Надюша, ты глянь в окно, — оправдывался он.

Никогда не разлучался со своей Надюшей. В Сочи,

Святогорск — вместе, в магазин или на базарчик — вместе. Если одного видели соседи или знакомые, обязательно спрашивали: «Где Надюшу потерял?»

На Покровке гости не переводились. Стук в дверь или звонок — и какой-нибудь здоровенный дядя появляется.

— Привет, Алексеич. Что, не узнаешь? Ха-ха... На совещании ударников виделись.

— Как же, помню, — радостно говорил Изотов, раздевал гостя, приглашал к столу. Нередко приезжие и ночевать оставались. О чем бы за столом ни начинался разговор, всегда он сводился к делам производственным. Тут уж уравновешенный обычно Изотов распалялся, доказывал свое. И обязательно вставлял: «Работать все-таки легче...» Поутру Надюша замечание делала, что опять он не сдержал себя. Изотов, в общем-то немногословный, смущенно отвечал:

— Понимаешь, Надюша, так вышло.

Надевал брюки, сапоги, полувоенную рубашку: «Ну, я пошел...» Так всегда одевался, даже на курорте в Сочи. Надюша в летнем открытом сарафане, а муж в гимнастерке и сапогах. Дома же любил носить белые просторные рубахи: «Чтоб не жали». Шила их Надюша сама. Грех жаловаться, хорошо, хорошо жили Изотовы в Москве. Дружно, весело... Семьей ходили гулять. По Покровке к Политехническому музею, на Солянку... Нравились Изотову эти старые русские названия улиц. Во дворе стояла «эмка». Еще в Горловке Изотов скоренько освоил автомобиль — сказалась горняцкая сноровка, имел права шофера первого класса. Ездили в Архангельское, Серебряный бор, на Воробьевы горы.

Нового года ждал Изотов с нетерпением: собирался махнуть на каникулы в Горловку. В конце декабря приволок домой разлапистую елку — еле втащил в комнату.

— Меньше не мог купить? — спрашивала жена,

вспоминая, что и в Горловке как-то чуть не сосну приволок.

— Эх, Надюша, всему большому душа радуется.

Пошел на двор, к машине. Ногой открыл дверь, внес ящик.

— Это еще что?

Открыли — мандарины, коробки конфет. Доверху полон ящик.

Первый январский день в Москве пошли все на Манежную площадь.

Мать моя родная!.. Елки наряженные стоят, всюду лоточники, духовой оркестр играет. Заулыбался Изотов, когда Надюша музыкантов пожалела: «Холодно небось». Полез в карман короткого пальто с барашковым воротником, достал бумажник:

— Мороженого хотите?

Девчонки радостно загалдели. Он свернул фунтиком газету, которую держал в руках, подставил мороженщику:

— Сыпь до краев.

Приехали на каникулы в Горловку — Мария Павловна в радостной суете и не знает, за что хвататься, что на стол ставить. Внучек целует, приговаривает: «Родименькие мои, да как же вы на чужбине». Смеется Изотов, заливаются колокольчиками девчонки, наперебой делятся с бабушкой: весело же в Москве. Покрутился Никита Алексеевич часок-другой дома — и во двор, расчистил дорожку от снега, сказал, что пойдет пройтись.

— В шахту хоть сегодня не спускайся, — попросила Надюша, сразу поняв озабоченность мужа. — Иди уж, да про ужин не позабудь.

— Эх, шахта, кто тебя выдумал, — с порога нарядной прогудел Изотов.

И сразу откликнулось десяток голосов: «О, Никита... Здорово, старый друг... С прибытием... Гляди, лоб шире стал — ученый теперь...» За всеми этими словами

угадывалась радость людей, увидевших Никиту Алексеевича после полугодовой разлуки. Жадно расспрашивали о Москве, о международной политике, виделся ли с Серго. И почем мясо на рынке. Всякое спрашивали, кто о чем. О себе, конечно, не молчали. Главная радость — качнули уголька, 23 ноября 3501 тонну угля на-гора выдали. Рекорд, коллективный рекорд! Самый высокий показатель суточной добычи за всю историю Первого рудника.

В общем, походил Изотов несколько дней на наряды, в парткоме поговорил, с заведующим посоветовался и решил тряхнуть стариной. «Чтоб оружие не заржавело, из него время от времени стрелять надо», — отшучивался от друзей, узнавших о его просьбе пойти на новый рекорд. В январские дни 1936 года Никита Изотов с девятью крепильщиками за смену нарубил отбойным молотком 640 тонн угля. И этот показатель уже никто в Донбассе не смог повторить.

В эти же январские дни Изотова переводили из кандидатов в члены ВКП(б) — два и три года кандидатского стажа было в те годы обычной нормой. Коммунисты «Кочегарки» напутствовали: и на руководящей работе после академии оставайся верен себе, старайся побольше брать на себя.

На прощание не удержался Изотов, оделся потеплее, махнул на своем «газике» с брезентовым верхом на родную Орловщину. Фотограф запечатлел его — в теплом шлеме, подаренном полярниками, перчатках с раструбами по локоть — среди соседей в Малой Драгунке, рядом с легковым автомобилем.

— Дык все верна, — сказал ему дед Ферапонт. — По сидаку и конь. — Похлопал одобрительно по капоту.

Промелькнул еще год занятий в Промакадемии. Неожиданно вырисовался новый «горизонт» в жизни Никиты Изотова.

Глава тринадцатая

КОМАНДИР

Август выдался на славу: сухой, не очень жаркий. В июле прибыли Изотовы всей семьей в Горловку. Никиту Алексеевича «запрягли» лекции читать по шахтам о передовых методах труда в угольной промышленности. Иной раз не мог удержаться, просился после встречи: «А что, если в забой на пару часиков? Давайте, а? Подкрепим теорию практикой». В августе выделили ему с Надюшей путевку в Сочи, посоветовали набраться сил перед учебным годом. И Изотов заупрямился было, но ему сказали, что насчет отпуска распорядился товарищ Серго.

Поехали вновь на своей машине. Перед Ростовом задержались на берегу Дона. Нашел Никита Алексеевич мелкий ерик, прямо руками таскал из нор раков. Дня два пожили по-походному. В Сочи благодатная теплынь, настоянная на тропических растениях и морском воздухе. И опять — новые знакомства, встречи, нашлись и старые друзья. Раз в неделю обязательно ездил с летчиком Василием Сергеевичем Молоковым на рыбалку. Герой челюскинской эпопеи носил широкие белые брюки, светлую тенниску, сандалии на босу ногу. Никита по привычке будил его поутру:

— Слышь, Василь, махнем?

А то на озеро Рица умотали, рыбалили допоздна и получили от Надежды Николаевны строгий выговор «за самоволку».

— Ты б и героя нашего, — Изотов показывал на Молокова, — на гауптвахту посадила.

— Муж должен быть в семье дис-цип-лини-рованным, — врастяжку произносила Надюша.

Последнюю неделю прямо неразлучны был Никита с Молоковым. Так и снял их пляжный фотограф: на

ступенях веранды герои — воздуха и подземелья, в белых рубахах, веселые. Изотов, конечно, на голову выше.

В первый же выходной в Москве летчик навестил семью Изотовых и встретил друга в растерянности. Никита Алексеевич молча протянул ему приказ: «5 сентября. Наркомтяжпром. Назначить т. Изотова Н. А. ревизором при наркоме по борьбе с авариями в угольной промышленности».

— Чиновником тебя сделали, — удивился Молоков.

— Да нет, — оживился Изотов. — Всего на две-три недели. Ознакомиться со структурой наркомата. Так мне и сказали.

— Как, а потом? — не понял Василий Сергеевич.

— Технического персонала на шахтах не хватает,— разъяснил Изотов. — Многих слушателей академии сняли, направляют в разные бассейны. Меня вот в Донбасс, мышь им за пазуху.

И Молоков понял, что друг рад назначению — все ж шахтерская косточка, хотя и без пяти минут инженер.

...Мерно стучат колеса на стыках, проносятся мимо окна вагона поля и перелески, мелькают столбы со струнами проводов, дежурные на низких платформах держат желтые флажки. Спешит в скором поезде Москва — Ростов в город Шахты новый управляющий трестом Шахтантрацит Никита Алексеевич Изотов. Сентябрь 1937 года стоит светлый, теплый, но на душе неспокойно. Ну, руководил школой, затем участком. В Подмосковном бассейне тогда с бригадой шахту сообща выправили. А тут трест, около двадцати шахт, и трест отстающий. Так ему в наркомате и сказали: надо ехать, поднимать, раскочегарить людей. Опыта, дескать, не занимать, знаний за два года тоже прибавилось, здесь, в наркомате, кое-что узнал, работая хоть и недолго. Теперь — самостоятельный участок, а академия не уйдет, обязательно вновь направим, когда положение с углем стабилизируется в Донбассе,— не хватает сейчас опытных руководителей. Не один Изотов

получил назначение, других слушателей тоже посылали на заводы и фабрики. Временно. Так говорили всем. А сколько это — временно? Гадать не перегадать. Домой, в Горловку, даже не заехал: шахтинцы ждут!..

Герой Донбасса, орденоносец, богатырь Изотов! На перроне целая толпа народа. Сразу поехал в трест, попросил сводку о добыче по шахтам за минувшие сутки. Только начал просматривать — раздался звонок. Взял телефонную трубку, услышал сердитый голос: «Алло, это управляющий? Так вот, примите к сведению, что горная инспекция сейчас закрыла восемь эксплуатационных участков. Почему? Грубейшие нарушения правил эксплуатации. Извините, товарищ Изотов, что таким сообщением вас встречаем, но мы тоже отвечаем за безопасность людей...»

— Техническое совещание назначаю на завтра, — сказал Изотов собравшимся. — Сейчас поедем по шахтам, выясним на месте, чем люди живут...

За неделю Изотов побывал на всех шахтах, спускался в забои, по себе зная, что раскрываются люди именно во время бесед на рабочих местах, а не в кабинетах. Многое увидел, еще больше услышал ценных суждений от рядовых горняков и итээровцев. Техническое совещание пришлось перенести, и не на сутки, а на неделю. Зато теперь уже разговор шел предметный, у каждого угольного предприятия были свои болезни.

— Кое-кто забывает, что шахты стали заводами, оснащены теперь сложной техникой и требуют научной организации труда. Без этого, без наведения порядка в технологической дисциплине в забоях мы из прорыва не выйдем. — Управляющий ходил по кабинету, сцепив руки за спиной, слегка наклонив голову, говорил глухо, словно делился мыслями вслух. — Вношу предложение: каждому взять шефство над одной из шахт, оказывать ей конкретную помощь. Пусть наш уровень увидят горняки. Лично я берусь вытянуть «Пролетарскую диктатуру», — Изотов назвал самую отстающую шахту. —

А кто из вас с одной шахтой не справится, пусть сразу заявление подает, нам такие руководители не нужны.

Второй месяц без выходных. Много времени уходило на решение вопросов по техническому обеспечению шахт в комбинате Ростовуголь. Раза два в неделю уезжал Изотов на «Пролетарскую диктатуру», спускался вместе с заведующим в шахту, говорил с бригадирами, навалоотбойщиками. А звонил сюда по телефону ежедневно. Обрадовался, когда «Пролетарка» перевыполнила план ноября. Подумал, затем и приглашают в горком партии, чтобы поддержать его инициативу о раскреплении руководителей. Однако разговор пошел совсем иной.

— На тебя жалобы, товарищ Изотов. — Секретарь горкома Оника показал папку. — Самоуправничаешь. Нельзя без ведома горкома руководителей отстранять от должности. Таких прав тебе не давали.

— Так никчемные люди, а не руководители, Дмитрий Григорьевич, — пытался оправдаться Изотов. — Чувство нового утратили, дальше носа ничего не видят.

— Этих никчемных людей утверждало бюро горкома, — обрезал его секретарь. — Перед бюро и будешь отчитываться послезавтра. Специалистов у нас пока, сам знаешь, не хватает, кадры беречь надо, растить, а не разгонять.

В Промакадемии впервые Изотов услышал эту фамилию. Один из профессоров с восторгом рассказывал, как студент Московского горного института Дмитрий Оника предложил применить врубмашину для разрушения Китайской стены в связи с объявленной тогда «реконструкцией» столицы. Практика подтвердила расчеты студента, Моссовет объявил Онике благодарность.

После разноса Изотов еще больше зауважал секретаря горкома.

— Наш, из горняков, — говорил он, когда речь заходила о мероприятиях горкома. — Спуску не дает, молодец.

Бюро стало серьезным уроком для Изотова, человека импульсивного, неистового в работе и желающего видеть энтузиастов во всех. Не любил Изотов людей безынициативных, флегматичных. Для него, если человек не горел делом, значит, зря место занимает. В горкоме партии, обкоме не раз его поправляли.

— Да поймите же, уголь без души из земли не достанешь, — горячился Изотов, — уголь должен душу работника почувствовать, тогда он ему в руки сам дастся.

— Ты нам самодеятельность не разводи, — уговаривали его. — Не все горят, точно. Считаться следует с настроением. Подчиненного зажечь надо! Усвоил?

Но горячность его, непоседливость нравились и партийным работникам, и шахтерам. Все видели: ради дела себя не щадит. Чем не характеристика? А замечания Изотова на технических совещаниях всегда были дельны, весомы. Любую проблему начинал изучать с самого низа. И работников наставлял: без совета с передовыми горняками ничего не начинать.

В это время страна готовилась к выборам в Верховный Совет СССР первого созыва. За достойную встречу дня выборов — 12 декабря — соревновались смены, участки, шахты. Уже в октябре и ноябре многие горняцкие коллективы рапортовали о выполнении месячных планов, а к декабрю подтянулся и трест Шахтантрацит, в отдельные сутки давал «плюс», и это отмечали в наркомате. Звонили, интересовались успехами своего выдвиженца. А потом пришла сверху бумага — Изотова рекомендовать кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

В конце октября 1937 года рабочее собрание шахты «Пролетарская диктатура» проголосовало, и стал Никита Алексеевич Изотов кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Сидел он в президиуме смущенный: столько добрых слов было сказано о нем, его методах руководства, его авторитете. В резолюции горняков бы-

ло записано: «Мы выдвигаем кандидатуру тов. Изотова, как лучшего забойщика Донбасса, инициатора изотовского движения, как борца за высокую производительность труда, как мастера забоя, как верного сына своего народа, борющегося вместе с партией и всеми трудящимися СССР за дело коммунизма, за счастье трудового народа». Стоит ли говорить, что в день выборов голосовавших против не было, что, впрочем, никого не удивило.

Прошел год. Трест стабильно выполнял план, и Изотова в конце 1938 года выдвинули начальником комбината Ростовуголь, а затем другого, под названием Сталинуголь. Это были крупнейшие производственные объединения, куда входили шахты, обогатительные фабрики, ремонтные предприятия, десятки тысяч людей работали на уголь.

И здесь он почувствовал, как не хватает системы знаний, масштабности мышления, перспективного видения. Врожденная добросовестность вынуждала сидеть допоздна, разгадывать всякие хозяйственные головоломки, обходиться без выходных. Бывая в наркомате, настойчиво просил, чтобы разрешили доучиться, закончить все же академию.

10—21 марта 1939 года проходил XVIII съезд ВКП(б). Слово предоставили и делегату от донецких большевиков Н. А. Изотову. Никита Алексеевич начал с цифр, которые прозвучали очень убедительно: в 1932 году на шахтах, входящих ныне в комбинат Сталинуголь, было добыто 22 642 000 тонн угля, а в 1938-м — 41 136 тысяч тонн. И сравнил: в царской России в 1913-м — году наивысшего подъема — добыто 28 537 тысяч тонн. Он говорил о большой победе шахтеров Донбасса, о новой технике, о необходимости обеспечивать для нее фронт работ, о цикличной организации труда в забоях.

— Мы сейчас ставим вопрос о том, — сказал Изотов, — чтобы перейти на прерывку, ибо она, несомнен-

но, оправдает себя и даст возможность лучше и производительнее использовать механизмы, культурно работать, а также подымет роль наших партийной и профсоюзной организаций...

Наверняка подумал о старом друге Сашко Степаненко, ну не Сашко уже, а парторг ЦК ВКП(б) на «Кочегарке» Александр Тимофеевич. Давненько не сидели с гармоникой в руках, все больше встречи деловые, на совещаниях. Засасывает работа, а должна она, уверен в этом, оставлять время и для такого вот человеческого общения. Не зря упомянул о непрерывке — шахте даже, не только людям, отдыхать хоть день в неделю надо. И не по скользящему графику. Ладно, все будет со временем...

В 1939 году Изотов был награжден орденом Трудового Красного Знамени, который в Кремле вручил ему Калинин.

Несмотря на рост угледобычи по комбинату, на награды, Изотов чувствовал, как не хватает ему знаний, умения анализировать управленческую структуру, и он настойчиво просился закончить учебу. Наконец Наркомат угольной промышленности согласился с его доводами. В ноябре 1940 года Изотов вернулся в Москву, обогащенный практикой — руководил крупнейшими в Донбассе комбинатами. Гордился, что сдал дела в комбинате Александру Федоровичу Засядько, известному шахтерам страны человеку. Привычно впрягся в занятия: лекции, конспекты, семинары, поездки в Подмосковье.

Уезжал ненадолго, поэтому впервые не взял Надюшу. Да и дочки выросли, в школу ходили — пожалел срывать. Маялся, конечно, но письма домой писал бодрые. Не успел, по собственному выражению, «натрудить мозги», как неожиданный вызов к руководителю Наркомата угольной промышленности, только что учрежденного, Василию Васильевичу Вахрушеву. Нарком встретил Изотова посреди кабинета, подчеркивая ува-

жение к нему, доверительно сказал, что с углем досадные перебои: руководители объективные причины придумывают, прикрывают организационную немочь. Посоветовались, решили просить его, Никиту Алексеевича — кого же еще? — возглавить отстающий трест в Донбассе.

— Какой трест? — поинтересовался без лишних вопросов Изотов.

— Трест Боковантрацит, — пояснил нарком. — Ростовская область, близкая тебе, в депутаты там выдвигали. — Посерьезнел: — Выучку в академии горняки проходят не для того, чтобы тепленькие местечки занимать. Не подумай, не о тебе, конечно. Ты — труженик, все знают. Есть у нас людишки...

— Хорошо, что трест, — просто ответил Изотов. — С комбинатом бы не справился.

— Ладно, не прибедняйся. — Повеселевший Вахрушев обнял Изотова за плечи. — Справился, если бы партия потребовала.

— Хорошо, что трест, Василий Васильевич, — повторил Изотов. — У них что, долг велик?

Вахрушев махнул рукой:

— Все там у них. План годовой завалили, подготовительные работы в загоне, себестоимость тонны почти на два рубля выше плановой. Главное, что перешли на двухсменку, девятнадцать лав перешло. Казалось бы, ремонтная смена появилась, теперь качнут. А у них во всех забоях с прогрессивной организацией труда падение по добыче. Это же компрометация новых методов. Да сам понимаешь.

Война внесла свои жесткие коррективы в судьбу каждого человека. К августу 1941 года линия фронта приближалась к Донбассу. Государственный Комитет Обороны принял решение прикрыть «всесоюзную кочегарку» оборонительными рубежами. Так в составе Южного фронта появилась 8-я саперная армия. Намечалось построить заградительную линию от Азовского моря до

реки Самары. Горняки стали бойцами, а заместитель наркома Дмитрий Григорьевич Оника возглавил эту необычную армию.

Изотов и Оника встретились в главном городе Донбасса, старые товарищи еще по Шахтам, и Изотов, волнуясь, пожаловался, что все его просьбы отправить на фронт остаются без ответа.

— Завтра жду тебя, — коротко бросил Оника. — Поможем.

Утром Изотов был в здании обкома партии, Оника сообщил: подписан приказ о его назначении заместителем командарма 8-й армии.

— Вот ты и мобилизован, — сказал Оника. — Будешь заниматься вопросами снабжения. — Уловив разочарование на лице Изотова, добавил поспешно: — Армия же, понял. Не шахта, не трест, ар-мия.

Триста тысяч шахтеров под руководством военных инженеров сооружали огневые точки, траншеи, эскарпы, устанавливали доты. Достаточно сказать, что к 1 октября линия обороны перед Донбассом протянулась на 500 километров, руками горняков, местными жителями поселков и городов построено свыше двадцати тысяч военно-инженерных сооружений.

Незаменимым помощником командующего армией оказался Изотов — его широкая известность помогала в условиях сложнейшего времени, когда уже шла эвакуация предприятий, обеспечивать саперную армию инструментом, механизмами, стройматериалами, обмундированием. А нужно было еще заботиться о продуктах для полевых кухонь, бесперебойном снабжении питьевой водой.

В один из этих сумасшедших дней вырвался-таки домой, но никого уже не застал. Сам же запиской просил эвакуироваться, звонил в горком партии, чтобы позаботились о семье. С трудом разузнал, что состав с эвакуированными семьями шахтеров застрял в Зве-

реве, попросил лошадь и к утру добрался до станции. В дверь теплушки затарабанили, и Надежда Николаевна увидела своего Никишу — в телогрейке, через плечо автомат, у пояса гранаты. Повидались — и в путь, крикнул зычно, уже с лошади, чтобы о нем не волновалась, найдет семью. И точно, через неделю догнал состав, застревавший на запасных путях по нескольку суток, с горечью сообщил:

— Сдали фашистам Сталино...

Не знал он, что героический труд шахтеров высоко оценил ГКО. В боях под стенами шахтерской столицы гитлеровцы потеряли более 250 танков, почти полторы тысячи автомашин и тягачей с военными грузами и орудиями, не один десяток тысяч солдат и офицеров.

Не знал также Изотов, какая тяжкая роль выпала на долю Степаненко. Ему, парторгу ЦК, поручили взорвать «Кочегарку». Лучший запальщик шахты, изотовец Георгий Сидоренко закрыл глаза руками:

— Не могу, Сашко. Ищите кого другого.

— Фашистам не оставим. Надо, Жора, — с ледяным спокойствием сказал Степаненко, и Жора утер слезы.

В полдень грохнул первый взрыв, еще один, третий...

Горняки расходились молча.

Умолчал при разговоре с женой и о том, что когда пришел приказ оставить Горловку и Сталино, вновь попросился на фронт. В обкоме партии ему твердо сказали, что в условиях Сибири, куда переносится центр тяжести угледобычи, будет тот же фронт и он отвечает за быстрое налаживание очистных работ в новых условиях.

В Сибири в первые дни показалось тяжко: жить негде, шахты разбросаны по тайге. Казалось, края нет кипучей энергии Изотова: горняки строили бараки и

столовые, организовали артели охотников и рыболовов добывать провиант, да картошкой местные власти здорово помогли. По шахтам приходилось ездить в дрожках — машина не проходит по лесным просекам.

Здесь впервые Никита Алексеевич занемог — «хватало» сердце, темнело в глазах. Долго крепился, пока показался врачу.

— Гипертоническая да еще ишемическая болезни, — констатировал врач. — Климат надо менять...

Изотов весело, как прежде, рассмеялся:

— Ну, доктор, благодарность вам вынесу. Развеселили...

Условия в Сибири были необычны — мощные пласты с выходом на поверхность, иные системы отработки шахтных полей, крепления лав. Да и непогода, лютые морозы. Не все выдерживали. Изотов руководил трестами Полтаво-Бреды-уголь, затем Челябуголь, а позже заведовал шахтой № 8 в Черемхове, всюду внося живой огонек в соревнование, спускался в забои, помогал горнякам, что называется, своими руками.

Понимал, конечно, что это не самый лучший метод руководства — уголь самому кидать, но ведь и условия далеки от теории управления производством. А личный пример руководителя, да еще такого известного, увлекал людей, откуда только силы брались. И в наркомате, куда вызвали Изотова уже в 1943 году, он так и говорил, что отличаются все, что нет теперь деления среди шахтеров — все ударники, иначе и нельзя, время такое.

Вызывали Изотова в Москву по важному делу. В сентябре 1943 года советские войска выбили фашистов из Донбасса. Но какие же следы оставили они — шахты разрушены и затоплены, заводы взорваны. Государственный Комитет Обороны 26 октября 1943 года принял постановление «О первоочередных мероприятиях по восстановлению угольной промышленности До-

нецкого бассейна». Для этих целей выделялись большие средства, требовались и опытные люди.

Ставилась главная задача: восстановить 120 основных шахт Донбасса. Наркомуглю было разрешено возвратить тысячу руководящих и инженерно-технических работников из числа эвакуированных отсюда. Тех, кто трудился на восстановлении угольных предприятий, освобождали от мобилизации в Красную Армию, горнякам ввели повышенные расценки, обеспечивали двухразовым горячим питанием. 15 миллионов рублей правительство выделило Наркомуглю на индивидуальное жилищное строительство в виде льготных ссуд.

Изотов с радостью принял предложение вернуться в Донбасс, но попросил, чтобы дали участок поменьше, лучше всего — шахту, а там видно будет.

Он горячо взялся за восстановление шахты № 5 треста Несветайантрацит. В то время горняки откачивали воду из подземных выработок. Шутка ли — около 350 шахт оказались затопленными.

Через год Изотова выдвинули в заместители начальника комбината Ростовуголь, которым он некогда руководил. Но тянуло на передний край, туда, где добывают уголь. Возглавлял Хацапетовское шахтоуправление. Узнав, что в Горловке полностью восстановлена родная «Кочегарка», не выдержал, поехал туда. Как раз в это время, в 1946 году, «Кочегарка» перевыполнила годовой план, и коллективу было передано на вечное хранение Красное знамя. Все здесь, в Горловке, радовало Изотова — и быстро восстанавливаемый из руин город, и старые товарищи.

Вновь сидел в нарядной, обещал вернуться, вот только немножко еще, дайте срок — наладит дело в Енакиеве и приедет — куда же он без горловчан, друзей-товарищей. Ему верили, что вернется, иначе и быть не может, на то он и Изотов, чтобы слово держать.

Глава четырнадцатая

НЕЛЕГКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

В центре Енакиева — высоченные трубы металлургического завода. От него разбегаются во все стороны улицы и улочки, мощеные и утоптанные тысячами ног, прямые и горбатые. Только-только оседал ноздреватый снег, вязли ноги, липкая грязь с трудом отдиралась от сапог и шахтерских чуней. Уныло зябли на ветру домики за штакетником среди голых деревьев. И вдруг бурно, половодьем затопила донецкий городок весна, слизнула остатки снега, высушила дорожки и тропки, теплым дыханием распустила ветки сирени, в белый цвет одела яблони и вишни. Встряхнулся после зимней дремы город, плечи развернул, выгнал в палисадники и на огороды женщин.

В эту весну 1947 года назначили Изотова начальником шахтоуправления № 2 треста Орджоникидзеуголь. Поселилась семья Изотовых в доме на улице Микояна. Три окна на улицу с зелеными ставнями, высокое крыльцо, двор, огороженный редким штакетником. Все как у людей. И обстановка простая — комод, кровати с панцирными сетками, как водится, по три подушки на каждой — большая, поменьше и совсем маленькая — думка. Дочки Зинаида и Тамара — в школе, Надежда Николаевна — по хозяйству.

А Мария Павловна, мать Изотова, хоть и деревенская, а с понятием, неграмотная, а мудрая. Девочкам первая советчица. Те ее уважали. Ну а сам Изотов весь в работе. Утром пролетка подкатывает, а когда и пешочком на рудник. Так называл по привычке шахтоуправление.

Енакиево — городок с хорошей родословной. Вырос у реки Булавин на каменных углях в 1883 году. Петровский завод первые годы Советской власти считался од-

ним из крупнейших в России. Его рабочие в 1905 году участвовали в Горловском вооруженном восстании, а в 17-м металлурги-красногвардейцы дрались за Донбасс. Но еще больше прогремел тем, что в 1921 году енакиевские металлурги выдали Владимиру Ильичу Ленину «коммунистический вексель» — прообраз сегодняшних социалистических обязательств: дать силами заводов Югостали десять миллионов пудов металла.

К началу 1944 года завод, разрушенный фашистскими оккупантами, уже дал первый чугун. Чуть позже горняки треста Орджоникидзеуголь, откачав воду из стволов и смонтировав подъемники, рапортовали о пуске шахт. Среди них было и шахтоуправление, которое принял Изотов. Трудностей немало — с перебоями подвозят крепежный лес, не хватает взрывчатки, машинисты врубовок вместе со слесарями вытачивают в мастерских зубки для режущих органов машин, потому что заводских дают по лимиту.

Камеронщицами у насосов, лебедчицами, плитовыми на откатке работали женщины. Зато в забоях штреков и лав с фронтовой напористостью добывали уголь, пробивали подземные коридоры вчерашние фронтовики.

За месяц излазил Изотов все выработки, высмотрел узкие места, наметил план организационной и технической перестройки. На то и Изотов, чтобы все углядеть, все понять, определить, кого куда направить и какую оценку дать бригаде или участку. Никого из итээровцев управляющий не распекал, не «драил с песочком», как на других шахтах — спрос за уголь был в масштабе страны крутой; больше советовал, помогал людьми, запчастями. Знали горняки, что к Изотову можно зайти в любое время и в кабинет, и домой. Выслушает, оценит обстановку.

Претензий, жалоб накапливалось за неделю много, причем были и мелкие, идущие от скверного характера горного мастера или бригадира, от упрямства. Начальники участков ругали взрывников, бригадиры до ора

спорили с механиками и слесарями при малейшей неисправности, крепильщики чуть не с кулаками бросались на лесодоставщиков, когда те запаздывали с крепью. И на первом рабочем собрании Изотов, рассказав об обстановке на шахтах, перспективах их развития, призвал: «Давайте-ка не мелочиться в спорах, не капать друг на дружку, а помогать. Усилия наши по выданным на-гора тоннам в комбинате считают. Потому предлагаю лозунг: «От взаимных претензий — к взаимной помощи!»

Ему долго аплодировали, крутили вихрастыми головами: «Ну и придумал, Алексеич, прямо под дых стойкой. Молодец!..»

Рассказывал Изотов, как на «Кочегарке» в уступах крутого пласта родился у забойщиков устный договор «Делись огнем!». Ежели лампа гаснет, то в темноте ни обушком, ни отбойным молотком угля не дашь. Тогда на помощь сосед: «Давай мой огонек пополам». И приспособят так светильник, чтобы в два уступа свет бросал. Что же у нас, узы товарищества ослабли? В шахтерском братстве локоть товарища чувствовать надо. Тогда и увереннее, бойчее работать все станут, особенно новички.

По привычке приходил Изотов в кабинет рано, перед первым нарядом. И сразу же шел по нарядным. Высокий, плечистый, с открытым лицом, русой шапкой волос. Носил сапоги, гимнастерку без наград — ордена и медали надевал только в праздники, когда на трибуне приходилось стоять. Заходил, присаживался на истертую брезентовыми шахтерками скамью, просил у горного мастера эскиз лавы с прошлой смены, зорко вглядывался, вроде про себя приговаривал: «Качнули, ребятки. А теперь бы...» И следовал дельный совет.

В редкий выходной, усаживаясь со всеми за стол, жалобно говорил, что хорошо бы вареников с картошкой или капустой, да если их помаслить — эх, живи не хочу. Понимает, мол, трудности — хоть карточки на

продукты и отменили, а прилавки в магазинах еще пустоваты. И словно ребенок радовался, когда Надежда Николаевна снимала с глиняного корчика полотенце, затем тарелку — и поплыл по горнице теплый вареничный дух.

— Ну, Надюша, ненаглядная моя, — вскакивал из-за стола, крутил жену в могучих руках. — Озолотить мало!..

— Ты, Никиша, шалю ей купи, — встревала мать.

— Да что вы, Мария Павловна, — смущалась Надежда. — Не до шалей. Дочки выросли, обувка на них горит, платья по швам разлезаются.

— На всех, мамаша, хватит, — весело отзывался Изотов, сидя за столом и любовно глядя на большие, как пироги — любил такие, — вареники. — Все же в шахте працюю. — Десятилетия жизни на Украине не прошли даром: все больше появлялось в речи украинских словечек и оборотов.

Обедали долго, вспоминали злые сибирские морозы, московское довоенное житье-бытье, особенно елку.

Под Новый год тогда привез Никита Алексеевич два разлапистых зеленых ствола, увязал плотно, установил хвойную красавицу в самой большой комнате. А в новогодний вечер пригласил соседских ребятишек, больше оказалось девчонок, накручивал ручку патефона, без устали танцевал с детьми вокруг елки. Громадный такой в ребячьем хороводе, веселый. Потом шапку на лоб надвинул, ватную бороду привязал, стал подарки раздавать. Крик, смех, песни...

— Ты бы, Никиша, в шахту меньше лазил, — советовала жена. — Сибирь-то тебе не очень. Вон и доктора советуют сердце беречь. Раньше бы уехать.

— Дак война, мать моя, матушка! — удивился Изотов. — Хватит здоровья, не перегнусь, гляди вот, — он поднимал за край ножки тяжелый табурет. — А ты говоришь — «здоровье», — передразнивал по-доброму

Надежду. — На то и доктора, чтобы людей болезнями пугать. Еще порубаем уголек...

Но Надюшу трудно было обмануть. Не раз замечала, как порой потирал широкой ладонью грудь, морщась при этом. Еще в Сибири врач сказал ей доверительно: «Не щадил себя Никита Алексеевич, вот и результат... Сердце беречь надо». Когда вернулись, умоляла Надежда Николаевна мужа показаться врачам, он только отшучивался, обещал: вот выведем шахту, так сразу к эскулапам в руки. И уже серьезно:

— Да здоров, здоров я, чувствую ведь. Врачи чуть что — в больницу уложат. Так, на всякий случай... Налей-ка лучше еще тарелочку борща. — Улыбался: — Больному есть, между прочим, неохота.

Любил по-прежнему украинский наваристый борщ, просил всегда косточку мозговую, с наслаждением расправлял широкую грудь, отставлял тарелку:

— Ну, Надюша, угодила. Поеду...

Перевели Изотова в Енакиево не случайно: хромало шахтоуправление № 2, что называется, на обе ноги. Сколько начальников и главных инженеров сменили — не счесть. А толку? С начала года «минусуют» все участки, долг уже за десять тысяч тонн перевалил. Изучив обстановку, Изотов поставил четкую задачу: к 30-й годовщине Октября рассчитаться с долгом и дать сверхплановую добычу. Раскрепил итээровцев по участкам, себе взял самый отстающий — подготовительные работы. Проходчики держали продвижение лав. Директорская смена — без начала и конца. Смена в кабинете, другая в шахте, потом совещание в тресте. Похудел, слегка запали щеки, но остался такой же общительный, веселый, открытый для всех. Одним словом, Изотов! И людей тормошил, не давал расслабляться. Предложил соревноваться забойщикам и проходчикам, заключить договора, сам вызвался быть арбитром. А итоги подводить каждую пятидневку.

В личном деле сохранилась характеристика, выдан-

ная Енакиевским горкомом партии Изотову 28 ноября 1947 года: «т. Изотов Н. А. добросовестно относится к обязанностям, работает над повышением идейно-политического уровня, активно участвует в общественно-политической работе и пользуется авторитетом среди ИТР и рабочих. Секретарь ГК ВКП(б)У Иванов».

Неизвестно, для чего понадобилась характеристика управлению кадров Минуглепрома СССР. Зато точно установлено, что шахтоуправление № 2 рапортовало 1 ноября о выполнении плана угледобычи за 10 месяцев на 106,9 процента и подготовительных работ — на 106 процентов. Дела пошли в гору, поднялось и настроение, даже недуги вроде бы отступили.

И вдруг неожиданная, а оттого еще более горестная весть — умер Вахрушев, угольный нарком, тот самый Василий Васильевич Вахрушев, с которым Изотов впервые близко познакомился в 1939 году, когда возглавлял комбинат Сталинуголь. В 1943 году Вахрушеву было присвоено звание Героя Социалистического Труда. И вот незадолго до 45-летия жизнь руководителя угольной промышленности, который для Изотова всегда оставался символом советского хозяйственника, оборвалась.

— Как могут такие люди уходить? — недоумевал он, откинувшись на спинку стула.

Надежда Николаевна молчала. Да и что могла сказать, зная, что такое настоящая мужская работа — шахтеров, металлургов. Поднялся Никита Алексеевич, ушел во дворик, даже не заметив тарелку любимого борща. Потом долго сидел на крыльце, держась правой рукой за карман гимнастерки.

В последний день января 1948 года Изотову позвонили из треста: «Никита Алексеевич, вам присвоено звание горного директора административной службы второго ранга. Поздравляем». Поздравить было с чем: звание высокое, если по армейскому считать — соответствовало генерал-лейтенанту. Положил телефонную трубку, улыбнулся широко, махнул небрежно рукой.

Спокойно относился он к званиям и чинам, не раз говаривал: «Не за орденами под землю спускаемся». Кому-кому, а шахтерам на невнимание было грех жаловаться. Не было года, чтобы на любой шахте передовиков, руководителей не награждали. Узнала Надежда Николаевна, попросила:

— Никиша, что хочу... Сфотографируйся в новой форме. На память дочкам хотя бы...

Долго отнекивался, ссылался на занятость, а тут приехали старые товарищи из Горловки, проведать.

— Тебя, Алексеич, на партийном собрании только что вспоминали, — рассказали ему горловчане.

С пласта «Соленый» новички сбегать начали, тут, говорят, только пот соленый на спине, а угля не добудешь. Вот коммунист Михаил Сечкин обратился к кадровым забойщикам: «Забыли, как Изотов молодых учил? То-то, что помните. Давайте возьмем учеников, поможем. Наблюдал я, крепить они при таких боковых породах не успевают». Участок № 27 не только вылез из долгов, но еще и стал инициатором применения металлического крепления. Не было счастья, так несчастье помогло. Неустойчивые породы вынудили искать новое, так и додумались — крепить уступы металлом, не деревом.

— Головастые, черти, — радовался Изотов.

Гости попросили для красного уголка «Кочегарки» фотографию. Тогда уж Никита Алексеевич облачился в тужурку с петлицами, фуражку форменную надел, руку за борт заложил. Получился он на фото парадный, непохожий на себя.

— Важный очень, — прокомментировал свое изображение Изотов.

— Мне нравится, — отозвалась жена. — Солидный такой, а не важный. Горный директор таким и должен быть.

Никита Алексеевич хмыкнул, убрал фотографию. А горловчане увеличили негатив, вывесили портрет

в здании комбината, а когда построили Дворец культуры и открыли в нем музей истории «Кочегарки», то поместили его здесь.

26 мая 1950 года коллектив прославленной шахты выполнил первую послевоенную пятилетку — первым в комбинате Артемуголь. В это время прибыла на «Кочегарку» профсоюзная делегация шахтеров Бельгии и Голландии. Бытовой комбинат шахты буквально потряс гостей.

— У нас на шахте нет ни красных уголков, ни клуба, — заявил бельгиец Жан Шредер. — Сооружение такого великолепного здания у нас просто невозможно. Рабочему, приехавшему из капиталистической страны, все это кажется чудом.

На что Изотов, приглашенный парторгом «Кочегарки» Нерозиным на эту встречу из Енакиева, прогудел:

— Чудо и есть. Не комбинат, конечно, а наши люди. Вот ответьте мне, как у вас чествуют ударников? Ну, лучших горняков?

Гости переговаривались, пожимали плечами, наконец сказали, что хозяин платит за работу деньги и считает на этом все заботы о своих рабочих исчерпанными. Ни в Бельгии, ни в Голландии, ни в Англии, где они бывали, даже подумать странно о чем-либо, подобном Доскам почета или аллеям Героев Труда. Не знают и такого за рубежом, чтобы кого-либо из шахтеров наградили орденом за работу.

— Вот и я про то, — отозвался довольный тем, что его сразу поняли и ответили без хитрости, Изотов. — А видели бы вы этот чудо-дворец в сорок четвертом году, после того как фашистов прогнали. Одни развалины.

— На улице Изотова гитлеровцы все дома сожгли, — поддакнул Яков Иосифович.

— О, так вы есть богатый человек, — утвердительно произнес руководитель делегации, несколько удив-

ленный этим фактом. — Сколько же сгорело ваших домов?

Раздался дружный хохот, у Изотова даже слезы выступили от смеха, ничего ответить не мог, только рукой отмахивался. Пришлось парторгу пояснить, что сгорели дома шахтеров, а улица еще до войны по решению городских властей была названа Изотовской, в честь вот этого самого забойщика, а ныне руководителя крупного шахтоуправления.

Последний раз гостем родной «Кочегарки» Изотов был на Октябрьские праздники. Стояли теплые осенние дни, в кумач оделась рабочая Горловка. Первыми в колонне демонстрантов шли горняки «Кочегарки». Им было чем гордиться — с начала года отправили Родине двадцать эшелонов сверхпланового топлива. Впереди шли ветераны в черных парадных тужурках, с завесью боевых и трудовых орденов.

Отказался от приглашения на трибуну Никита Алексеевич, шел вместе с колонной рядом с парторгом Нерозиным, в форме, при всех наградах, возвышаясь над головами соседей. Его издали узнавали, с тротуаров кричали: «Привет, Никита», а он поднимал сжатые ладони рук, улыбался знакомым и незнакомым. Все эти люди на улицах и в колонне демонстрантов были горловчане, а значит — родные, роднее некуда, потому что сплотила их работа под землей, субботники по благоустройству города. И вот он, красавец город, гордость Донбасса. Широкие улицы, добротные дома, скверы и парки. Эх, вот только годы уходят слишком быстро!..

На торжественном собрании огласили телеграмму от нового министра угольной промышленности А. Ф. Засядько, сменившего покойного Вахрушева. «Поздравляю коллектив «Кочегарки» трудовой победой. Желаю изотовской напористости, взаимовыручки делах...»

— Слышь, Никита, словно знал министр, что гостем у нас будешь, — сказал ему Нерозин.

— Ладно, Яша, не береди, — сказал Изотов. — Ей-

богу, вытащим совсем шахтоуправление, подамся к вам.

Когда вернулся из Горловки, то рассказал Надюше об успехах «Кочегарки», о тех, с кем вновь повидался, и вроде бы отступили хвори. Повеселел, говорил громко в нарядных: «Други, звездочку-то мы зажгли на копре. Да это что — план выполнили, не более того. Ну чего-то там трошки сверху. Долг исполнили — вот и все. Негоже так, надо на верхние уступы карабкаться. Так?»

С ним соглашались: пора тряхнуть, и верили, что прогремят, да и как не верить, если сам Изотов говорит. Уж он-то найдет, как шахтоуправление вперед рвануть. В хвосте еще совсем недавно плелись, на всех селекторных совещаниях и просто перекличках склоняли, а теперь твердо на план вышли, хоть помаленьку, но наращивают добычу.

Решил Никита Алексеевич еще раз все забои лично оглядеть, пощупать пальцами — так сам говорил. И вновь пошла-поехала бессменная директорская вахта — с утра в кабинете и нарядных, допоздна в шахте. В последний день ноября привезли его домой на машине. Провожатые бережно поддерживали под руки, ввели на крыльцо. Не спавшая Надежда Николаевна распахнула дверь, только охнула, обняла за шею мужа, ласково зашептала: «Ничего, ничего, пройдет, выдюжишь, устал только...»

Главный инженер потихоньку шепнул, что плохо стало в клети, когда уже поднимался на-гора. Стволовой заметил, что вышел директор — его все так называли, хотя значился официально начальником шахтоуправления, но уж больно не подходило к простому и общительному Изотову слово «начальник», — за грудь держится, и шатает его, тревогу поднял.

На диване в горнице лежал Изотов, вызывая недоумение своим беспомощным видом. Он, понимая это, оправдывался, что какая-то струнка или жилка вроде лопнула, ноги и руки вялые сделались, словно не он

им хозяин, да ничего, все пройдет, полежит немного, отпустит... Не отпустило, и через день Изотова отправили самолетом в Москву.

Вернулся он в Енакиево под самый Новый год, обрадовался, увидев елку посреди комнаты, где недавно беспомощный лежал на диване, широко, иначе не умел, улыбнулся:

— Ну вот я, как новенький рубль.

Подремонтировали, мол, столичные врачи, гору лекарств извели: он же крупный, ему вдвойне лекарства давали, когда уезжал, то другим больным ничегошеньки не осталось. Слушала Надежда Николаевна его речь с прибауточками, веселела на глазах. Прижалась к своему Никише: а ведь правда, такого чтобы хворь одолела, еще пятидесяти нет, спасибо московским врачам, — поставили на ноги, может, и болеть больше вовсе не будет. Как и всякая любящая женщина, она верила в неведомые ей методы врачевания, тем более в столице, а еще больше верила в него, своего Никишу — богатырь ведь.

1 января 1951 года завтракали поздно. После чая Никита Алексеевич просматривал газеты, позвал:

— Надюша, взгляни.

На первой полосе «Правды» высилась величественная Спасская башня Кремля.

— Прошелся по Кремлю перед отъездом, у Мавзолея постоял, — тепло сказал Изотов. — Никому теперь уж нас не согнуть. Послушай, что Шолохов пишет в газете: «Будет ясная заря у всего человечества. Будет утро с ясным небосклоном... Проснется мать, проснется дитя в колыбели — и никто не вспомнит и не подумает о том, что когда-то были на свете маккартуры, трумэны, черчилли...» А, Надюша, здорово как! Мы победили, и мы больше всех хотим мира. Сама знаешь, сколь хлебнули люди. — Разволновался, заходил по комнате, большой, в растоптанных широченных валенках. — По-

мнишь, как в Сибири картошку все сажали. А к утру в бараках воду в ведрах топором прорубали.

— Все помню. Не ходи взад-вперед, посиди лучше.

— Какое там посиди! Ты глянь, что в стране делается. Скоро от разрухи военной и следа не останется. А мы что же, болеть будем? Никогда еще шахтеры на обочине не отсиживались...

Так начался январь, последний месяц в жизни Изотова. Он бодрился, внушал всем, кто приходил проведать, что здоров, вот только чуточку после лечения оклемается — и в шахту, в забои.

— Готовьтесь, строгий ревизор придет, дотошный, спуску никому, — грозил он тяжелой рукой, весело поблескивая глазами, предвкушая, как снова окунется в такие привычные будни, без которых и жизнь не мила.

И трестовское начальство, и рядовые шахтеры, и гости из Горловки верили: конечно, вернется, на то он и Изотов, никаким болезням его не уложить в кровать.

Только жена молчала во время таких встреч, пряталась, дочки видели платок в руке.

— Мам, ты чего?

— Да так... — отвечала неопределенно.

Видела она, видела, как мечется во сне Никиша, просыпается часто. И днем ему было не по себе, ищет себе место поудобнее. То на кровати в спальне полежит. Не, что-то не так, идет в горницу, где диван.

— Душно, Надюша, — просил, — постели на веранде.

— Холодно на веранде, простынешь, — пугалась жена.

— Ну ладно, — соглашался он. Надевал разбитые валенки, выходил во двор, трогал стылые ветви деревьев, брал снег, прикладывал к лицу. Ослабев, присаживался на стульчик — специально выносил его из дома.

Умер Изотов на рассвете 14 января 1951 года, на руках верной Надюши. Хоронили его в Енакиеве, пона-

ехало много людей из городов Донбасса, старых друзей и таких, кто никогда не видел его. Торжественно пронесли на руках до кладбища... Были венки, траурные речи, общая боль за безвременно ушедшего большого и красивого душой человека, рабочего-шахтера, именем которого впервые в мире было названо целое движение — изотовское.

Во всей стране читали слова некролога в «Правде»: «ЦК ВКП(б) с глубокой скорбью извещает, что 14 января сего года после продолжительной болезни скончался тов. Изотов Никита Алексеевич, член Центральной Ревизионной Комиссии Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), рабочий-шахтер, один из зачинателей стахановского движения среди шахтеров Донбасса...»

Изотов все же вернулся в родную Горловку. Посреди городской площади он стоит на гранитном постаменте в рабочей одежде, с лампой в руках, словно только что вышел из забоя.

Никита Изотов навечно занесен в списки горняков «Кочегарки», добывающих «солнечный камень» из недр земли, камень, освещающий путь вперед.

СЛОВАРЬ ГОРНЫХ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

Врубовая машина (иногда врубовка) — машина, применяемая при добыче каменного угля для производства вруба — узкой щели, облегчающей отбойку куска угля от разрабатываемого массива. Первые практически пригодные врубовые машины появились в середине XIX века в Англии. В России изредка применялись еще в дореволюционный период. Массовое их применение, в частности, на донецких шахтах началось в годы первых пятилеток. В дальнейшем их заменили сперва угольные комбайны, а затем угледобывающие добычные механизированные комплексы, включающие в себя комбайн, конвейер для транспортировки угля и гидрофицированную крепь, предохраняющую машины и обслуживающих ее рабочих от обрушения кровли пройденного подземного пространства.

Выработки горные — пустые пространства под землей, образующиеся при добыче угля и других полезных ископаемых, имеющие производственное, транспортное или вспомогательное назначение. Выработки могут быть вертикальные, горизонтальные или наклонные. Различаются по устройству и назначению на множество разновидностей (ствол, гезенк, штрек, штольня, шурф и т. д.). Объяснение особенностей встречаемых в тексте названий выработок дается при каждом из таких понятий.

Гезенк — вертикальная выработка (своего рода колодец), соединяющая находящиеся на разных уровнях горизонтальные выработки и не имеющая выхода на поверхность земли.

Горизонт (подземный) — принятое в горном деле обозначение глубины той или иной выработки, пласта и т. п. Например: «горизонт 408» — это то, что находится на глубине 408 метров.

Держак — рукоять (обычно деревянная) того или иного рабочего инструмента горняка, в частности, обушка (см. это слово).

Забой — в узкоспециальном смысле слова постоянно перемещающийся по мере выемки угля или породы конец горной выработки, как бы углубляющаяся в недра ее «вершина». В обиходном языке шахтеров «забоем» часто именуют то место, где работают угледобытчики, и даже вообще вся подземная часть шахты.

Забойщик — основная производственная рабочая специальность при добыче угля вручную или с помощью отбойного молотка. В настоящее время последний способ используется, как правило, лишь на таких пластах, где невозможна механизация угледобычи. Последнюю осуществляют «горнорабочие очистного забоя» (часто сокращенно ГРОЗ), в число которых входят машинист угольного комбайна и его помощник.

Зарубка — производимый вручную вруб (см. врубовая машина). Производивший такую операцию рабочий именовался зарубщиком в том случае, если отбойку добываемого угля производили другие рабочие (отбойщики).

Затяжка — см. крепь.

Камеронщик (-щица) — подземный рабочий, обслуживающий насосные установки.

Квершлаг — горизонтальная выработка, пересекающая разрабатываемый пласт поперек; своего рода подземный коридор достаточно большого сечения.

Клетевой — рабочий, обслуживающий клеть (см.).

Клеть — приспособление наподобие кабины лифта для спуска и подъема в шахту людей и грузов (в том числе иногда — добытого угля; для последней цели в настоящее время чаще используют другие приспособления — разного рода транспортеры, конвейеры и т. п.). Управляет движением клети и следит за установленными там устройствами и механизмами находящийся в ней клетевой.

Клевак — см. обушок.

Кливаж — система мелких, порой микроскопических трещин в угольном массиве. Следуя их направлению, гораздо легче отделить от него отдельные куски.

Коногон — рабочий, управляющий лошадью, передвигающей по рельсам внутри шахты состав из нескольких вагонеток. Его помощник (если он был) — тормозной: в обязанности такого рабочего входило своевременное использование примитивного ручного тормоза на более или менее крутых подъемах и спусках, а также на закруглениях. В противном случае вагонетки могли забуриться, то есть сойти с рельсов и даже повалиться набок, если ширина выработки позволяла это. Коногоны были категорией

достаточно многочисленной среди горнорабочих, но малооплачиваемой, поскольку управление лошадью не требовало большой профессиональной выучки. В настоящее время такой профессии не существует, поскольку конная откатка заменена электровозной.

Копер — сооружение наподобие башни, на которой устанавливаются шкивы подъемных машин и другие устройства для подъема и спуска в шахту. Прежде копры чаще всего бывали деревянными. Сейчас это слово употребляется редко, чаще говорят просто «шахтный подъем». А сооружаются они из железобетона и т. п. материалов.

Копь (копи) — см. шахта.

Костер — здесь сооружение из укладываемых наподобие поленьев для костра бревен, предназначенное для предохранения выработанного пространства от обвала.

Крепильщик — см. крепь.

Крепь — сооружения для защиты горных выработок от обрушения и оползания окружающих пород. Преобладавшая прежде, но частично применяемая и сейчас система деревянной крепи включает деревянные стойки и перекладины, между которыми размещается затяжка — прилегающие друг к другу доски. Крепь может быть также металлическая или из железобетонных деталей, а затяжка — из металлической сетки и др. Крепильщик — рабочий, устанавливающий крепь (если этим наряду с основной своей задачей не занимается забойщик).

Кровля (пласта) — порода, залегающая над угольным пластом. Порода, расположенная под ним, именуется подошвой. Оставлять чересчур обширные пустые пространства после выемки угля или породы весьма нежелательно: это может грозить обвалом с непредсказуемыми последствиями. Поэтому по мере продвижения забоя производится так называемая посадка кровли. Занимавшиеся этой весьма опасной операцией горняки назывались посадчиками.

«Кукушка» — распространенное в обиходе прежних лет прозвище небольших сравнительно паровозов, работавших, как правило, на подъездных путях предприятий, в частности, шахт, а также на коротких местных линиях. Такие паровозы обычно часто сигналили короткими гудками — отсюда такое название.

Куток — часть уступа (см.), в котором непосредственно работал забойщик.

Лава — строго говоря, очистная выработка: та, где непосредственно ведется выемка угля. При ручной добыче в лаве трудится целый ряд забойщиков. Отсюда и название — по аналогии с казачьим боевым строем, развернутой в сторону неприятеля шеренгой. Термин возник на антрацитовых шахтах, принадлежавших до революции войску Донскому.

Ламповая — специально приспособленное надземное помещение, где заряжаются, хранятся и ремонтируются шахтерские лампы. Издавна, да и сейчас их приемом и выдачей занимаются работницы — ламповщицы, среди которых преобладают жены и дочери шахтеров.

Лесогон (иногда лесодоставщик) — шахтный рабочий, в обязанности которого входит доставка к месту крепежного леса, то есть бревен и досок для крепления выработок.

Маркшейдер — специалист с высшим или средним специальным образованием, в обязанности которого входит разработка планов и разрезов шахты или рудника, определение направления выработок с учетом имеющихся запасов ископаемого и разного рода воздействующих на его разработку факторов — характера залегания подземных вод и т. п.

На-гора — принятое в профессиональном языке горняков обозначение земной поверхности (подъем на-гора и т. п.).

Навалоотбойщик — горнорабочий, производящий отбойку угля и его погрузку. Название это в настоящее время малоупотребительно.

Обушок — при ручной добыче основной инструмент забойщика: своего рода однозубая кирка со вставным сменяемым зубом (иначе клеваком). Следует заметить, однако, что киркой горняки называют совсем другой инструмент, а именно короткий и толстый клин, вгоняемый молотом в трещину для откалывания куска угля или породы. Инструмент наподобие обушка, но без сменного клевака, именуется кайлой. Она могла быть и двулопастной. Все названные инструменты ныне уже давно не используются.

Отбойный молоток — устройство для механизированной отбойки угля и других каменных пород. Наиболее распространены пневматические отбойные молотки, хотя возможно устройство и электрических. В отбойном молотке его рабочая часть —

пика — под действием сжатого воздуха совершает быстрое возвратно-поступательное движение, дробя каменную массу. Изобретен на рубеже XIX и XX вв. в США, в нашей стране широко распространился в ходе первой пятилетки. Употребляется в шахтах и поныне, как вспомогательное средство и при разработке сложных в геологическом отношении пластов.

Откатчик — рабочий, занятый ручной откаткой добытого угля (также салазочник, тягальщик). Понятие в настоящее время отжившее.

Отпалка, отпаливать — на профессиональном языке шахтеров означает «взрыв», «взрывать» (в некоторых случаях при проходке новых выработок и добыче угля производятся буровзрывные работы).

Падение — см. пласт.

Пика — см. отбойный молоток.

Пласт — уголь под землей залегает в виде пластов — то есть скоплений, ограниченных плоскими поверхностями. Различаются пласты по «мощности» (толщине). Их характеризует падение, то есть наклон к горизонтали, и простирание (иными словами протяженность). Все эти характеристики имеют значение для определения возможности или целесообразности разработки угля.

Рудник — в настоящее время общепринятое название предприятия по добыче разного рода полезных ископаемых, среди которых, естественно, преобладают металлические руды. Но в речи шахтеров-угледобытчиков прошлого — начала нынешнего века «рудником» именовалась и угольная шахта. Связано это с тем, что добыча угля исторически намного моложе добычи металлических руд. Именно потому оттуда в шахтерскую практику угольщиков перешло множество терминов и понятий. И в их числе само слово «рудник» как обобщающее название предприятия.

Ствол и стволовой — см. шахта.

Террикон — отвал «пустой» породы возле шахты, имеющий обычно форму пирамиды. Характерная черта пейзажа в Донбассе и других угледобывающих районах.

Тормозной — см. коногон.

«Тормозок» — распространенное в шахтерском быту шутливое название взятого с собой в шахту завтрака.

Тягальщик — см. откатчик.

«Упряжка» — обиходное обозначение рабочей смены в шахтерском языке прежних лет, ныне малоупотребительное.

Уступ — часть лавы (см.), в которой непосредственно производится выемка угля, особенно при более или менее значительной ее протяженности.

Ходок — настеленная вдоль выработки дорожка для передвижения людей.

Шахта — в наиболее частом значении обозначение угледобывающего предприятия с «закрытой» (подземной) добычей (при открытых разработках предприятие именуется «разрезом», а прежде иногда «карьером»). В собственном же, историческом смысле слова «шахта» — это вертикальная выработка от поверхности до разрабатываемых горизонтов (см.). Слово «шахта» — немецкого происхождения, родственное словам «Schaft» (скребок) и глаголу «schaben» (скоблить). В последующем такие выработки получили наименование ствол. Отсюда наименование стволовой — тот, кто обслуживает устанавливаемые возле ствола подъемные машины. Еще на памяти ныне живущего поколения вместо слова «шахта» в значении «предприятие» часто употреблялись наименования рудник (см.), либо копь (множ. число — копи). Родство таких понятий с глаголом «копать» очевидно.

Штейгер — горный мастер, специалист среднего звена.

Штольня — горизонтальная или слабо наклонная горная выработка, одним концом выходящая на поверхность, что становится возможным, например, если разработки ведутся в толще возвышающейся над местностью горы.

Штрек — горизонтальная выработка, имеющая транспортное либо вентиляционное назначение. Нередко лава (см.) размещается между двумя штреками.

Штыб — мелкие обломки угля, порой даже угольная пыль, своего рода отходы угледобычи.

Шурф — скважина, в частности для закладки взрывчатки при проведении буровзрывных работ.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. А. ИЗОТОВА

1902, 9 февраля — Родился в селе Малая Драгунка Кромского уезда Орловской области в крестьянской семье. В крещении назван Никифором.

1909 — Учится в церковноприходской школе.

1911 — Нанимается в пастухи.

1913 — Семья Изотовых переезжает в Геленджик.

— Никифор находит место дворника при номерах «Новая Россия».

— Тайком от родителей поступает помощником буфетчика на пароход «Князь Оболенский».

1913, конец года — Устраивается учеником в пекарню, затем возвращается на прежнее место дворника.

1914, ноябрь — Семья Изотовых переезжает в шахтерский поселок Горловка.

1914 — Работает на брикетной фабрике.

1917—1919 — Изотов работает на центральной кочегарке. Вместе с частями Красной Армии покидает Горловку. Болеет тифом. Возвращается в Горловку, продолжает работать кочегаром.

1922 — Изотова переводят забойщиком шахты № 1 (которую позже назовут «Кочегаркой»).

1924—1926 — Служба в Красной Армии.

1926—1928 — Возвращается на шахту № 1.

1928—1930 — Назначен заведующим районным отделом коммунального хозяйства.

1930, осень — По просьбе Изотова ему разрешено вернуться на шахту № 1. На проходке, а затем в забое становится признанным мастером угля.

1932, январь — Партийное собрание шахты № 1 принимает Н. А. Изотова кандидатом в члены ВКП (б).

1932, 11 мая — Выступает в «Правде» со статьей «Мой метод».

1933, январь — На шахте № 1 создана из учеников-комсомольцев школа-участок под руководством Изотова. В разных отраслях народного хозяйства создаются «изотовские» участки, смены, бригады. Впервые в мировой практике всенародное движение по обучению товарищей по работе передовым методам труда названо по имени простого рабочего — изотовским.

1933, 20 мая — Перешел на отстающий участок «Мазурка-12».

1934, апрель — Награжден орденом Ленина.

1934, май — Встреча с А. М. Горьким.

1935, июль — Бюро Горловского горпарткома рекомендовало Изотова в Промакадемию.
1935, январь — Избран членом ЦИК СССР на VII Всесоюзном съезде Советов.
1935, август — Забойщик шахты «Центральная — Ирмино» А. Г. Стаханов добыл за смену 102 тонны угля, установив всесоюзный рекорд добычи на отбойный молоток.
1935, 11 сентября — Н. А. Изотов перекрыл рекорд Стаханова, добыв за смену 240 тонн угля.
1935, ноябрь — Участвует в Первом Всесоюзном совещании стахановцев, выступает на нем.
1936, февраль — Слушатель Промакадемии Н. А. Изотов, приехав на каникулы в Горловку, установил непревзойденный до сих пор всесоюзный рекорд, добыв за смену в шахте «Кочегарка» 640 тонн угля.
1936 — Принят в члены ВКП (б).
1937, сентябрь — Отзывается из Промакадемии на работу в Наркомат тяжелой промышленности. В этом же году направляется управляющим трестом Шахтантрацит в Ростовскую область.
1937, 12 декабря — Избирается депутатом Верховного Совета СССР.
1938—1939 — Работает начальником комбината Сталинуголь в городе Сталино (ныне город Донецк).
1939, март — На XVIII съезде ВКП (б) избран членом Центральной Ревизионной Комиссии.
1939 — Награжден орденом Трудового Красного Знамени.
1940 — Наркомат угольной промышленности направляет Изотова закончить курс обучения в Промакадемии.
1941, январь— Получает назначение управляющим трестом Боковантрацит в Ростовскую область.
1941, август — Утвержден помощником командующего 8-й саперной армией, строившей оборонительные сооружения в Донбассе.
1942—1943 — Работает на Урале, в Восточной Сибири, возглавляет тресты Полтаво-Бреды-уголь, Челябуголь, шахту № 8 в Черемхове.
1943 — Руководит восстановлением шахты № 5 треста Несветайантрацит.
1944—1945 — Заместитель начальника комбината Ростовуголь.
1945—1951 — Управляющий Хацапетовским шахтоуправлением комбината Артемуголь, начальник шахтоуправления № 2 треста Орджоникидзеуголь (г. Енакиево).
1948, январь — Присвоено звание горного директора II ранга.
1951, 14 января — Кончина Н. А. Изотова в г. Енакиеве.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ

Изотов Н. Моя жизнь. Моя работа. Харьков, 1934.

Песни и сказы шахтеров. Ростов, 1940.

Морозов П. и др. Донбасс — родина стахановского движения. М., 1950.

Сенин Г. Никита Изотов. М., 1951.

Гершберг С. Стаханов и стахановцы. М., 1985.

Наша «Кочегарка». Сборник. Сталино, 1959.

От Никиты Изотова до Николая Мамая. Сборник. Донецк, 1961.

Улицы имени героев. Донецк, 1963.

Степаненко А. Наследники. Донецк, 1967.

Были земли донецкой. Сборник. Донецк, 1971.

История Донского края. Ростов, 1971.

Книга о Донбассе. Донецк, 1972.

Мальцев Н. Рабочий класс Донбасса и социалистическая индустриализация. Донецк, 1976.

Поляков В. И на фронтах подземных. М., 1985.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Яковлев Г. Н.

Я 47 Никита Изотов. — М. : Мол. гвардия, 1989. — 236[4] с., ил. — (Малая серия ЖЗЛ).

ISBN 5-235-01086-8

Книга рассказывает о знаменитом забойщике Н. А. Изотове, прославленном герое первых пятилеток. «Богатырем труда» назвал Изотова Максим Горький. Книга написана журналистом-правдистом Г. Н. Яковлевым, в течение нескольких лет работавшим в Донбассе и хорошо знающим нелегкое шахтерское дело.

Я $\frac{4702010201-284}{078(02)-89}$ **КБ—015—029—89** **ББК 63. 3(2)71**

ИБ № 6685

Яковлев Георгий Николаевич

НИКИТА ИЗОТОВ

Заведующий редакцией **С. Лыкошин**
Редактор **И. Иванов**
Младший редактор **М. Печенева**
Серийная обложка **А. Алексеева**
Художественный редактор **С. Курбатов**
Технический редактор **Т. Шельдова**
Корректоры **И. Ларина, Е. Самолетова**

Сдано в набор 17.04.89. Подписано в печать 02.08.89. Формат 70×108 1/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 10,5+0,7 вкл. Усл. кр.-отт. 13,28. Учетно-изд. л. 11,6 Тираж 100 000 экз. Цена 90 коп. Заказ 1303.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, Сущевская, 21.

ISBN 5-235-01086-8

39.
ра
кл.
кз.

ко-
я».







МАЛАЯ СЕРИЯ

Жизнь замечательных людей

90 коп.

